

1

Кемеровский
государственный
университет
Объединяем
знания и людей

2782-4799 (print)
2782-4802 (online)

2025 Том 4 № 3

**ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ**

VIRTUAL COMMUNICATION & SOCIAL NETWORKS
2025 Vol 4 No 3

Виртуальная коммуникация и социальные сети
(Virtual Communication and Social Networks)

Виртуальная коммуникация и социальные сети – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2022 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К3 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ, Scilit.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://jsocnet.ru>

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-82961. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2782-4799 (print); 2782-4802 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 53537.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; jsocnet@mail.ru

16+

Virtual Communication and Social Networks is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2022. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K3) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

The journal is registered in the following databases: DOAJ, RSCI, Scilit.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://jsocnet.ru/en/>

Registration number: PI no. FS 77-82961. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2782-4799 (print); 2782-4802 (online).

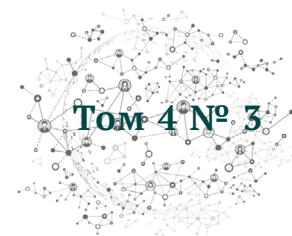
Subscription indices: 53537 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000. +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; jsocnet@mail.ru

VIRTUAL COMMUNICATION & SOCIAL NETWORKS ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Том 4 № 3

Главный редактор

Голев Николай Данилович

д-р филол. наук, проф., Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия).

Nikolay D. Golev, Editor-in-Chief, Dr.Sci.
(Philol.), Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Заместитель главного редактора

Ким Лидия Густовна

д-р филол. наук, доцент, Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия).

Lidia G. Kim, Vice Editor-in-Chief for
Philology, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Баркович Александр Аркадьевич

д-р филол. наук, доцент, Минский
государственный лингвистический
университет (Минск, Беларусь).

Alexander A. Barkovich, Dr.Sci.(Philol.),
Assoc. Prof., Minsk State Linguistic University
(Minsk, Belarus).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия).

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci.(Philol.),
Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Белоусов Константин Игоревич

д-р филол. наук, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия).

Konstantin I. Belousov, Dr.Sci.(Philol.),
Perm State National Research University
(Perm, Russia).

Катышев Павел Алексеевич

д-р филол. наук, проф., Государственный
институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия).

Pavel A. Katyshev, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia).

Бреслер Михаил Григорьевич

канд. филос. наук, доцент, Уфимский
государственный нефтяной технический
университет (Уфа, Россия).

Mikhail G. Bresler, Cand.Sci.(Philos.),
Assoc. Prof., Ufa State Oil Technical University
(Ufa, Russia).

Кобзева Ольга Викторовна

магистр теоретической, прикладной
лингвистики и перевода, Высшая школа
перевода (Пиза, Италия).

Olga V. Kobzeva, Master in Theoretical,
Applied Linguistics and Translation, Graduate
School of Translation (Pisa, Italy).

Бушев Александр Борисович

д-р филол. наук, проф., Тверской
государственный университет
(Тверь, Россия).

Alexander V. Bushev, Dr.Sci.(Philol.), Prof.
Tver State University (Tver, Russia).

Колмогорова Анастасия Владимировна

д-р филол. наук, проф., НИУ Высшая школа
экономики – Санкт-Петербург
(Санкт-Петербург, Россия).

Anastasia V. Kolmogorova, Dr.Sci.(Philol.),
Prof., HSE University – St. Petersburg
(St. Petersburg, Russia).

Кабрин Валерий Иванович

д-р психол. наук, проф., Национальный
исследовательский Томский
государственный университет
(Томск, Россия).

Valery I. Kabrin, Dr.Sci.(Psychol.),
Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Кранзеева Елена Анатольевна

зам. главного редактора (социология),
д-р социол. наук, доцент, Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия).

Elena A. Kranzeeva, Vice Editor-in-Chief
for Sociology, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Кронгауз Максим Анисимович

д-р филол. наук, проф., НИУ Высшая школа экономики – Москва (Москва, Россия).

Maxim A. Krongauz, Dr.Sci.(Philol.), Prof., HSE University (Moscow, Russia).

Оглезнев Виталий Васильевич

д-р филос. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Vitaly V. Ogleznev, Dr.Sci.(Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Рабенко Татьяна Геннадьевна

д-р филол. наук, проф., Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Tatiana G. Rabenko, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).

Zoia I. Rezanova, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Рыкун Артем Юрьевич

д-р социол. наук, проф., Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).

Artem Yu. Rykun, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Серый Андрей Викторович

д-р психол. наук, проф., Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryu, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Сологуб Ольга Павловна

д-р филол. наук, доцент, Национальный Тайваньский университет (Тайбэй, Тайвань).

Olga P. Sologub, Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., National Taiwan University (Taipei, Taiwan).

Тагаев Мамед Джакыпович

д-р филол. наук, проф., Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия).

Mamed Dzh. Tagaev, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan).

Танатова Дина Кабдуллиновна

д-р социол. наук, проф., Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

Dina K. Tanatova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).

Чистанов Марат Николаевич

д-р филос. наук, доцент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).

Marat N. Chistanov, Dr.Sci.(Philos.), Assoc. Prof., N. F. Katanov Khakas State University (Abakan, Russia).

Шестопал Елена Борисовна

д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

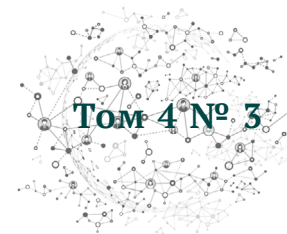
Elena V. Shestopal, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Яницкий Михаил Сергеевич

зам. главного редактора (психология), д-р психол. наук, проф., Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Mikhail S. Yanitskiy, Vice Editor-in-Chief for Psychology, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Коммуникативистика и когнитивные науки

Мультимодальный анализ жестовой репрезентации времени в пространственном контексте виртуальной реальности

Талески А. 209

Лингводидактика в социальных сетях

Трансмутационная методика + нейросети: филолого-дидактический проект

Голев Н. Д. 221

Медиакоммуникации и журналистика

Коммуникативный аудит виртуального пространства детских школ искусств Иркутской области

Дворовенко О. В. 242

Освещение пандемии COVID-19 в российских и зарубежных дата-трекерах

Сенинг М. А. 251

Новые дискурсивные практики в социальных сетях

Никонимы писателей-классиков в интернет-дискурсе

Бральнин Д. О. 261

Сетевые фреймы как инструмент интерпретации событий Арабской весны в языковом сознании русско- и англоязычных интернет-пользователей

Девятяров Д. В. 269

Восприятие «наивной» легитимизации как политического и дискурсивного феномена адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса

Савельева И. В. 279

Психология и социология виртуальной коммуникации и социальных сетей

Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи

Соколова Е. А., Рассохина И. Ю. 294

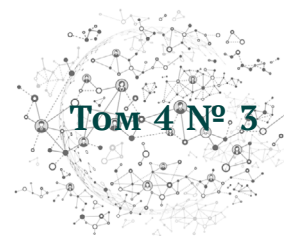
Функционирование и развитие языка в виртуальной реальности

Отражение фонетических изменений в немецком языке за период 1954–2012 гг. (на материале кинокартины "Hänsel und Gretel")

Синяева А. В., Смирнова А. Г. 305

Интерференция в русской речи носителя немецкого языка (на материале интернет-интервью)

Шишигин К. А., Балабас Н. Н., Лебедева Н. Б. 312

Communication Studies and Cognitive Sciences

Gestural Representation of Time in Virtual Space: Multimodal Analysis

Taleski A.

209

Linguodidactics in Social Networks

Transmutation Methodology + Neural Networks: A Philological and Didactic Project

Golev N. D.

221

Media Communications and Journalism

Virtual Communicative Review of Children's Art Schools of Irkutsk Region

Dvorovenko O. V.

242

COVID-19 Pandemic in Russian and Foreign Data Trackers

Sening M. A.

251

New Discursive Practices in Social Networks

Nickonyms of Classical Writers in Internet Discourse

Bralnin D. O.

261

Arab Spring in Linguistic Consciousness of Russian- and English-Speaking Internet Users:
Network Frames as Interpreting Tool

Devyatiyarov D. V.

269

"Naive" Legitimization Perceived as a Political or Discourse Phenomenon by the Recipient
of Non-Professional Internet Discourse

Saveleva I. V.

279

Psychology and Sociology of Virtual Communication and Social Networks

Obscenities as Part of Socio-Cultural Identity of University Students

Sokolova E. A., Rassokhina I. Yu.

294

Language in Virtual Reality: Functions and Development

Diachronic Changes in German Phonetics: *Hänsel und Gretel* Movies 1954 vs. 2012

Sinyayeva A. V., Smirnova A. G.

305

Interference Features in the Russian Speech of a German Native Speaker in Internet
Interviews

Shishigin K. A., Balabas N. N., Lebedeva N. B.

312

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zvaijj>

Мультимодальный анализ жестовой репрезентации времени в пространственном контексте виртуальной реальности

Талески Александар

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь

eLibrary Author SPIN: 1963-9833

<https://orcid.org/0000-0002-1901-8572>

Scopus Author ID: 59307943200

taleski87@yahoo.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию невербальной репрезентации времени в пространственном контексте виртуальной реальности. Цель – выявить особенности темпоральных жестов как дейктических средств в мультимодальной коммуникации, а также проанализировать их универсальность и зависимость от языковых и других факторов. Актуальность исследования определяется ограниченной изученностью временных жестов во вневременном контексте и возможностями применения современных технологий (например, виртуальной реальности) для наблюдения за жестами и их анализа. Новизна заключается в переносе фокуса с традиционных лингвистических методов на эксперимент в иммерсивной среде и в рассмотрении телесных паттернов, которые лежат в основе пространственно-временной организации жестов. Методологическая основа – мультимодальный анализ, включающий наблюдение за жестами 24 информантов в пяти моделированных виртуальных сценах с варьирующимися параметрами пространственной ориентации. Установлены устойчивые траектории и формы темпоральных жестов по сагиттальной, латеральной и вертикальной осям. Подтверждена корреляция между направленностью движения и временной маркированностью, а также выявлено влияние языковой модели на выбор телесного паттерна. Определено, что жесты, сопровождающие темпоральные выражения, формируют с ними единую пространственно-временную систему, которая основана на телесных ориентирах. Обнаружено, что значение темпоральных жестов раскрывается лишь в конкретном коммуникативном контексте.

Ключевые слова: темпоральные дейктики, темпоральные жесты, виртуальная реальность, пространственный дейкис, телесные паттерны, мультимодальный анализ

Цитирование: Талески А. Мультимодальный анализ жестовой репрезентации времени в пространственном контексте виртуальной реальности. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 209–220. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-209-220>

Поступила в редакцию 13.01.2025. Принята после рецензирования 13.05.2025. Принята в печать 16.05.2025.

full article

Gestural Representation of Time in Virtual Space: Multimodal Analysis

Aleksandar Taleski

Perm State University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 1963-9833

<https://orcid.org/0000-0002-1901-8572>

Scopus Author ID: 59307943200

taleski87@yahoo.com

Abstract: Time can be represented non-verbally in the spatial context of virtual reality. Time gestures remain understudied in a temporal contexts, despite the strong analytical potential of modern technologies, e.g., virtual reality. Time gestures are deictic means in multimodal communication; they are both universal and linguistically dependent. In this research, the focus shifted from traditional linguistic methods to immersive environments that

made it possible to explore body patterns behind the spatial and temporal organization of gestures. The multimodal analysis involved 24 informants, whose gestures were observed in five modeled virtual scenes with various spatial orientation parameters. The time gestures revealed consistent trajectories and forms along the sagittal, lateral, and vertical axes. The movement direction correlated with the temporal reference, while the body pattern depended on the linguistic model. The gestures that accompanied time expressions formed an integrated spatial-temporal system anchored in bodily orientation. The meaning of time gestures became evident only within specific communicative contexts.

Keywords: temporal deixis, temporal gestures, virtual reality, spatial deixis, embodied patterns, multimodal analysis

Citation: Taleski A. Gestural Representation of Time in Virtual Space: Multimodal Analysis. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 209–220. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-209-220>

Received 13 Jan 2025. Accepted after review 13 May 2025. Accepted for publication 16 May 2025.

Введение

Проблема невербального выражения времени остается одной из наиболее концептуально сложных в лингвистике и кинесике. Несмотря на то что интерес к невербальным средствам (жестам) восходит еще к античности, первые описания темпоральных жестов как элемента временного дейксиса появились лишь в XIX в., а устойчивое внимание к ним сформировалось в научной традиции в середине XX в. [Гришина 2013; Calbris 1985; Kendon 2004; Knox 1990; The Institutio... 1922]. Это привело к многообразию трактовок понятия *жест* в лингвистике: в одних интерпретациях он характеризуется как преднамеренный и осознанный, в других – как преимущественно бессознательный и зависящий от восприятия собеседника. Тем не менее жесты признаются важным компонентом коммуникации, способным компенсировать речь и выражать информацию об окружающей среде и о внутреннем мире человека. В связи с этим предлагаются различные классификации жестов, отражающие их функциональное и прагматическое разнообразие [Литвиненко 2017; Efron 1941; Kendon 2004; McNeill 1992].

Информация, передаваемая жестами, обусловлена контекстом, в котором они используются. Если определение семантики жеста, указывающего на конкретный предмет или объект, зачастую не вызывает затруднений, то интерпретация жестов, относящихся к ситуациям, процессам или абстрактным категориям, представляет собой более сложную задачу [Гришина 2012; 2013; Calbris 2008].

Темпоральные жесты, являющиеся предметом настоящей статьи, относятся к абстрактным категориям, т.к. указывают на события или процессы, которые развиваются во времени. Значение жеста зависит не только от его формы, но и от сопровождающего его речевого контекста, а также от общей

коммуникативной ситуации. В связи с этим возникает вопрос о том, существуют ли жесты, которые указывают только на время во вневременном контексте. В данной работе предпринимается попытка ответить на этот вопрос с помощью анализа того, как темпоральные дейктики взаимодействуют с жестовой коммуникацией в пространственном контексте.

Темпоральные жесты, подобно пространственным, представляют собой дейктические средства, которые визуально дополняют вербальное выражение времени через форму, направленность и движение, соотносятся с моментом речи и основываются на общих когнитивных схемах [Бондарко 2001; Крейдлин 2002]. Концептуализация времени нередко строится через пространственные паттерны [Lakoff, Johnson 1980; Stolpe et al. 2025], при этом телесные оси – сагиттальная (вперед-назад), латеральная (влево-вправо) и вертикальная (вверх-вниз) – становятся основой для выражения временных значений [Casasanto, Jasmin 2012; Li 2017; Mortensen, Hazel 2024; Patel et al. 2024]. Сагиттальная ось ассоциируется с временной перспективой (будущее – вперед, прошлое – назад), латеральная чаще используется при спонтанной жестикуляции и отражает культурно обусловленные модели, например ориентацию письма, а вертикальная связана с завершенностью или модальностью [Gu et al. 2019; Yang et al. 2022].

Такая проекция времени на телесные направления связана с системой ориентации, лежащей в основе дейктической организации пространства и времени (см. [Levinson 2003]). Во временном и пространственном измерениях ключевую роль играет относительная система, отсылающая к позиции субъекта речи [Гришина 2012; Haspelmath 1997].

Это подтверждается и на примере русского языка, где время концептуализируется преимущественно по сагиттальной и латеральной осям, что зависит от направленности письма, например: прошлое – назад / влево, будущее – вперед / вправо [Крейдли 2002; Попова, Стернин 2007]. Кроме того, дистанция жеста может коррелировать с временной удаленностью события: далекие события сопровождаются более удаленными от тела движениями, а близкие – более компактными [Гришина 2013; Alcaraz Carrión, Valenzuela 2021]. Таким образом, пространственная организация времени проявляется не только в языке, но и в телесных паттернах, подтверждая интеграцию пространственных и временных координат в жестовой коммуникации.

Однако остаются открытыми вопросы, насколько эти паттерны универсальны и как на них влияют языковые и другие факторы. Для ответа требуется комплексный подход, включающий мультимодальный анализ, эксперименты с применением современных технологий и межкультурные сопоставления [Gu et al. 2019; Pagán Cánovas et al. 2020]. Цель нашего исследования – выявить особенности темпоральных жестов как дейктических средств в мультимодальной коммуникации, а также проанализировать их универсальность и зависимость от языковых и других факторов.

Методы и материалы

Экспериментальное исследование, проведенное в среде виртуальной реальности (VR), было направлено на изучение особенностей коммуникативного поведения в пространственно ориентированных ситуациях с учетом дейктической ориентации в пространстве. Применен мультимодальный анализ, включающий наблюдение за жестами 24 информантов, каждый из которых взаимодействовал с виртуальным адресатом в пяти сценах, построенных на основе ключевых пространственных параметров: взаимного расположения участников, положения референта и его видимости. Запись происходила с двух камер (рис. 1), что обеспечило синхронизированную фиксацию вербальных и невербальных реакций, представленных в виде реплики, например: *Нужно вон ту (делает указательный жест подбородком) бутылку вина забрать и выкинуть, а потом можешь собираться – и все, и мы закрываем бар* (поворачивается направо, расцепляет руки, левой рукой поправляет очки). Было зафиксировано и обработано 725 реплик, что создало условия для последующего комплексного анализа.

Рис. 1. Фрагмент видеозаписи эксперимента
Fig. 1. Experimental video recording

Несмотря на акцент на пространственный дейкис, в собранном материале широко представлены единицы с различной семантикой, в том числе темпоральной, что свидетельствует о естественном расширении смыслового диапазона высказываний. Для анализа использовалась информационная система *Семограф* [Belousov et al. 2018], позволявшая описывать каждую реплику по множеству параметров и проводить количественную и семантическую обработку. Контекстуальный подход к анализу временных жестов, включая сопоставление с вербальными выражениями, позволил выявить устойчивые закономерности взаимодействия языковых и неязыковых средств в передаче темпоральной информации. Полный дизайн эксперимента изложен в работе [Талески 2024].

Результаты

Выявлено более 30 лексико-грамматических единиц, выполняющих темпоральную дейктическую функцию, при этом некоторые из них встречаются в тексте неоднократно. Так, преобладают наречия, затем следуют существительные, а в отдельных случаях наблюдаются глагольные формы и синтагмы, отражающие временную локализацию и аспектуальные значения. Эти единицы были классифицированы по семантическим и функциональным признакам (таблицы 1 и 2), что позволило проследить, как информанты в условиях виртуальной коммуникации концептуализируют время, и выявить линейные и модальные особенности его выражения на пересечении вербальных и жестовых средств.

Сначала дейктики классифицировались в соответствии с их отнесенностью к одному из трех временных планов (табл. 1):

Табл. 1. Классификация дейктиков по темпоральной отнесенности

Tab. 1. Deictics classified by temporal reference

Временной план	Дейктики
Настоящее	теперь (12), сейчас (7), все еще (5), по-прежнему (4), все (2), сегодня, закрываетесь
Прошлое	только что (2), совсем недавно (2), тогда (2), недавно, до вас, два стола назад
Будущее	уже (12), потом (2), затем, пора, скорее, конец, наконец-то

- настоящее: отнесены наречия, обозначающие актуальное моментальное или длительное время, а также форма *закрываетесь*, которая указывает на происходящее действие в конкретном контексте;
- прошедшее: отнесены дейктики, указывающие на недавнее или более отдаленное прошлое;
- будущее: отнесены темпоральные маркеры будущей перспективы.

Следует отметить, что в ряде случаев без контекстуальной конкретизации было невозможно однозначно определить временной план некоторых единиц. К примеру, такие слова, как *вечер* или *день*, могут относиться как к прошедшему, так и к будущему времени, поэтому указанные единицы не включались в данную подборку.

Количественный анализ частотности дейктиков по временным планам демонстрирует явное доминирование форм, отнесенных к категории настоящего времени (53,3 %). Наиболее часто употребляются *теперь*, *сейчас*, *все еще*, *по-прежнему*. Совокупно они охватывают значительную долю всех зафиксированных дейктических элементов. Формы будущего времени встречаются реже (31,7 %). Чаще всего используется лексема *уже*, которая имеет амбивалентную временную направленность, маркируя переход от завершенного действия к наступающему. Формы прошедшего времени представлены ограниченно (15,0 %); среди них выделяются *только что*, *совсем недавно*, *тогда*, что свидетельствует о точечных отсылках к недавнему опыту.

Разнообразие форм внутри выделенных групп демонстрирует выраженную внутригрупповую дифференциацию по аспектуальным характеристикам и прагматическим функциям, не охваченную базовой классификацией. В связи с этим для более точной семантической интерпретации временных выражений проведена дополнительная классификация.

Она основана на аспектуальных признаках, т. к. внутри временных групп наблюдается значительное разнообразие по модальности и функции.

Аспектуальные характеристики темпоральных дейктиков, представленные в таблице 2, демонстрируют значительное семантическое разнообразие. Некоторые из них, например *уже*, *теперь*, обладают перекрестной семантикой и могут одновременно выражать завершенность и мгновенность или указывать на настоящее время и начало действия, что требует обязательного контекстуального анализа. Такие дейктики одновременно относятся к нескольким аспектуальным категориям.

Среди фазовых признаков категорий выделяются бинарные оппозиции *продолжительность – завершенность* и *мгновенность – повторяемость*. Дейктики продолжительности обозначают длительные состояния и актуальность действия, тогда как дейктики завершенности фиксируют его окончание, подчеркивая результативность или переход к новой фазе. Мгновенность маркирует краткие, внезапные действия, часто в экспрессивных или директивных контекстах, тогда как повторяемость указывает на цикличность и множественность действия и может выражать оценку или иметь эмоциональную окраску.

Признаки начала действия, недавности и обобщенности не образуют четких оппозиций. Начало действия сигнализирует о переходе к реализации, недавность указывает на временную близость без ясной границы завершения, а обобщенные формы охватывают широкий временной интервал и выступают в роли контекстно обусловленных ориентиров. Последняя категория является условной

Табл. 2. Классификация дейктиков по аспектуальным признакам

Tab. 2. Deictics classified by aspectual features

Признак	Дейктики
Продолжительность	некоторое время, все еще, по-прежнему
Завершенность	уже, только что, конец, все, наконец-то, закрываетесь
Мгновенность	быстро (2), сразу, скорее, только, уже
Повторяемость	снова (3), опять (2), еще (2), раз (2), еще раз, повторяется,
Начало действия	теперь, пора
Недавность	недавно, совсем недавно
Обобщенность	день (2), вечер (2), тогда, потом, сегодня, сейчас

и охватывает случаи, не имеющие четкой временной локализации.

Выявленные особенности темпоральных дейктиков отражают семантическое разнообразие и позволяют анализировать их связь с невербальными компонентами коммуникации. Темпоральные дейктики функционируют в составе мультимодальной репрезентации времени. В спонтанной речи они часто сопровождаются жестами и образуют с ними когерентные единицы значения, которые выполняют иллюстративную или прагматическую функцию, уточняют временную локализацию, выражают актуальность или завершенность. Эти связи позволяют более точно описать механизмы концептуализации времени в условиях виртуальной коммуникации во вневременном контексте.

При анализе невербальных средств использовались существующие классификации жестов, на основе которых автором была разработана собственная систематизация [Талески 2024]. Так, выделяются три основных класса: смех, перемещение и жесты. Последний включает подклассы – симптоматические, ритмические, нейтральные и коммуникативные. Коммуникативные жесты подразделяются на этикетные, изобразительные, общекоммуникативные и указательные. Указательные жесты дифференцируются по задействованным частям тела: ладонь (в вертикальном положении, положении *вверх*, *вниз*), руки (правая, левая, обе), пальцы, голова (подбородок) и корпус (подробнее см. [Талески 2024]).

На этапе анализа связей темпоральных дейктиков с классами невербальных средств и их компонентов использовался круговой граф (рис. 2), построенный в системе SciVi, где дуги визуализированы как квадратичные кривые Безье с толщиной, пропорциональной весу связей. Граф обладает модулярной структурой, что позволяет выявлять устойчивые компоненты и частотные взаимосвязи между элементами. Интерактивные возможности визуализации (масштабирование, фильтрация, квази-зум, динамическое переименование и перегруппировка вершин) обеспечивают гибкость в исследовании сложных корреляционных паттернов [Рябинин и др. 2017].

Для количественной оценки силы связи между категориями невербальных средств и темпоральными дейктиками введена формула:

$$P(Ck) = \frac{Nk}{\sum ni},$$

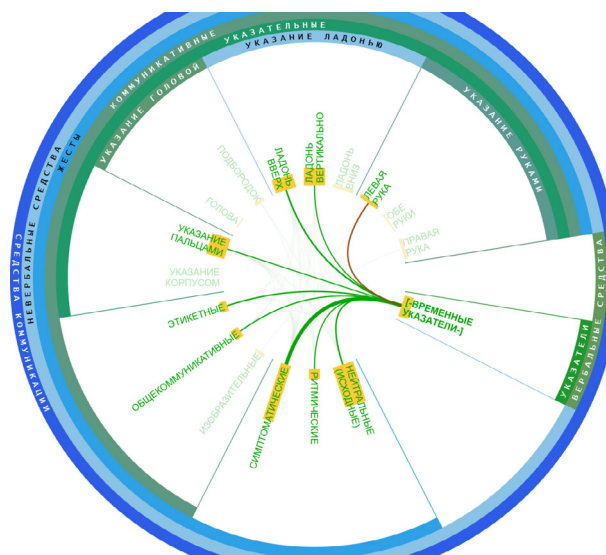

Рис. 2. Связи темпоральных дейктиков с классами невербальных средств и их компонентами
Fig. 2. Correlations between time deictics and classes of nonverbal means and their components

где Nk – число зафиксированных связей категории Ck с темпоральными дейктиками, а $\sum ni$ – общее количество таких связей в корпусе.

Это позволило углубить понимание мультимодального кодирования временной информации в спонтанной речи. Так, наиболее сильные корреляции зафиксированы между темпоральными дейктиками и указательными жестами (0,790), а также между темпоральными дейктиками и невербальными средствами, связанными с перемещением информантов (0,750). Данная тенденция вполне закономерна и объясняется тем, что временные дейктики нередко сопровождаются кинетическим подкреплением, отражающим смену фаз действия или его продвижение во времени.

Значимая связь темпоральных дейктиков с симптоматическими жестами (0,738) объясняется выходом вторых на передний план. Симптоматические жесты, будучи частично произвольными, нередко маркируют эмоциональную или физиологическую реакцию говорящего: нетерпение, например постукивание пальцами, стремление ускорить взаимодействие, например наклоны вперед, или проявление ожидания. В данной ситуации временная организация общения преимущественно не осознается и играет второстепенную роль, т.к. в приоритете стоят телесно-эмоциональные переживания информантов.

Довольно низкие показатели связи с нейтральными (0,230), этикетными (0,200), общекommunikативными (0,163) и ритмическими (0,138) жестами указывают на то, что темпоральные дейктики редко выражаются через условные или социально закрепленные маркеры. Это объясняется контекстной обусловленностью и абстрактной природой временных отношений, требующих большей конкретности, чем обеспечивают формальные или регулятивные жесты. Нейтральные, этикетные и общекommunikативные жесты выполняют преимущественно автоматические или формальные функции, слабо связанные с уточнением временных параметров действия. В то же время ритмические жесты, особенно в условиях спонтанной речи, могут усиливать указательные, подчеркивая повторяемость или прагматическую значимость высказывания. Указательные элементы в этих жестах помогают конкретизировать местоположение объекта в пространстве, а ритмичность подчеркивает настойчивость, срочность или эмоциональную окраску высказывания, например: *Возьмите, пожалуйста, ее. Вот, вот стол квадратный. Заберите, пожалуйста, ее. Будьте добры* (поворачивает корпусом направо-налево, трогает одежду правой рукой, ритмично указывает перед собой левой рукой (вертикальное положение ладони вниз)).

Особенно показательной является крайне слабая связь с изобразительными жестами (0,036), что подтверждает гипотезу о специфике временных концептов. Так, временные процессы, в отличие от пространственных объектов или действий, труднее и реже визуализируются через иконическое изображение. Изобразительные жесты хорошо работают с конкретными формами и движениями, но оказываются неэффективными при передаче абстрактных временных понятий, которые труднее «изобразить» движениями.

В ходе анализа связей компонентов (частей тела) указательных жестов с темпоральными дейктиками также выявлены значимые закономерности (рис. 3). Для выделения этих закономерностей в графическом представлении данных используется цветовая маркировка (коричневая векторная стрелка), которая указывает на специфическую связь между темпоральными дейктиками и 4 ключевыми параметрами жестов: ориентация ладони; пальцевая артикуляция; латерализация (левая рука); зона касания (подбородок). Такое решение позволяет визуально отделить значимые связи от остальных связей элементов системы (зеленые векторные стрелки).

Первую позицию по частоте ассоциаций занимают указания ладонью (0,400), особенно в положении *ладонь вверх* (0,250), что символически связано с актуализацией временной информации и переходом к новому этапу взаимодействия. Вертикальное (0,136) же или направленное вниз (0,013) положение ладони демонстрирует меньшую связанность с временной тематикой, поскольку скорее ассоциируется с завершением, прекращением или торможением действия.

Указания руками (0,213) занимают вторую позицию, при этом левая рука (0,113) доминирует (правая рука – 0,063, обе – 0,038). Это может быть связано с особенностями когнитивной организации пространства и времени в левополушарной доминанте: левая рука при повороте корпуса влево используется для маркировки начала действия или смены этапов. Последние позиции делят указания пальцами (0,138) и подбородком (0,038), что подтверждает вспомогательную роль микрожестов для обозначения временных характеристик.

Отсутствие связи темпоральных дейктиков с указаниями корпусом и головой требует отдельного обсуждения. Перемещения корпуса и головы слабо вовлечены в кодирование временных параметров действия, что может свидетельствовать о модальной разграниченности невербальных каналов: тело в макрожестах преимущественно кодирует пространственные и реляционные параметры, в то время как временные параметры фиксируются через более локализованные, осознанные движения конечностей.

Для понимания взаимодействия темпоральных дейктиков с невербальными средствами проведен комплексный анализ аспектуальных и референциальных характеристик жестов, с помощью которого выявляется связь их направления, ориентации и частей тела с временными высказываниями и универсальность пространственных паттернов. Такой анализ показал сложную природу пространственной репрезентации времени, например в реплике *Все еще стоит здесь* (разводит руками, поворачивается налево, указывает обеими руками влево вниз (ладонь левой руки направлена вверх, вертикальное положение ладони правой руки); поворачивается направо, указывает влево обеими руками (вертикальное положение ладони, пальцы рук растопырены)) информант использует несколько частей тела: корпус, обе руки и пальцы, выполняя симметричные и направленные движения. В таких случаях все активные части тела классифицируются,

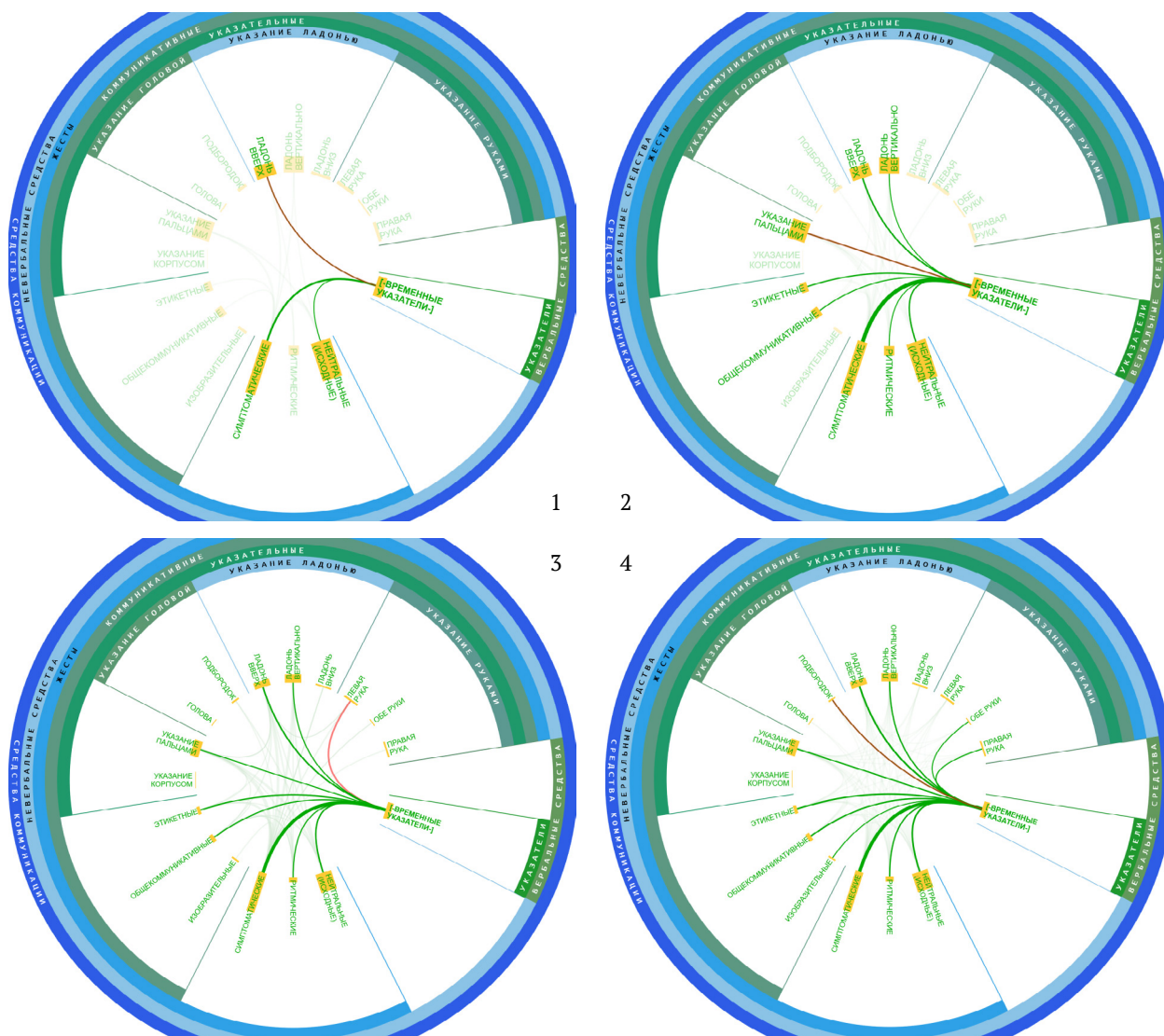

Рис. 3. Связь темпоральных дейктиков с компонентами класса указательных жестов: 1) ладонь вверх; 2) пальцы; 3) левая рука; 4) подбородок
Fig. 3. Correlations between time deictics and pointing gestures: (1) upward palm; (2) finger pointing; (3) left hand; (4) chin

т.к. каждый компонент вносит вклад в жестовое сообщение.

Сходная ситуация возникает при определении направленности жеста, когда одно движение включает несколько направлений. Например, информант указывает налево чуть вниз вытянутой левой рукой (ладонь направлена вверх), где указание охватывает как латеральное, так и вертикальное направление. Подобные случаи отнесены нами к обоим направлениям, поскольку жест включает несколько пространственных векторов. Это демонстрирует необходимость более гибкой системы параметризации для отражения перекрестных характеристик невербального поведения.

Распределение жестов по временным категориям с учетом пространственно-прагматических характеристик отражено на рисунке 4. Дейктики настоящего времени чаще всего сопровождаются указательными и симптоматическими жестами с участием рук, ладоней и пальцев. Данные жесты расположены в основном в латеральной и вертикальной плоскостях, реже в сагиттальной. Такая телесная анкеранность актуального момента отражает стремление синхронизироваться с адресатом: чем ближе событие ко времени речи, тем конкретнее его невербальное оформление. Это может быть связано с иммерсивностью VR и стремлением к синхронизации с адресатом через выразительную, телесно

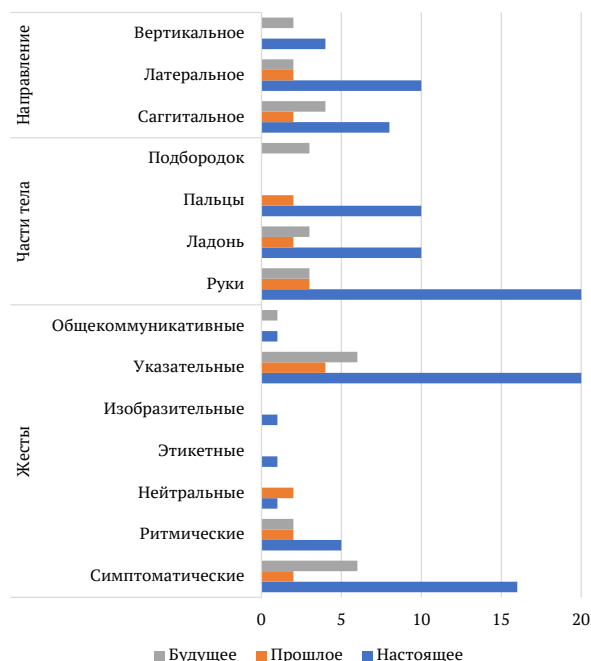

Рис. 4. Соотношение классов жестов и темпоральных дейктиков в рамках их темпорального признака
Fig. 4. Correlation between gesture classes and temporal deictics by temporal reference

направленную жестикуляцию. Будущее и прошлое маркируются слабее, что отражает абстрактность или когнитивную отстраненность этих временных планов в невербальной репрезентации. Будущее чаще обозначается обобщенными жестами, особенно движением пальцев и ладоней во всех направлениях, с акцентом на ожидание или намерение (например, движение руки вперед). Это свидетельствует об абстрактности восприятия будущего и отсутствии его сенсорной фиксации в момент речи, что обуславливает использование более схематизированных репрезентаций. Прошлое представлено наименее активно. Отмечены отдельные симптоматические, ритмические и нейтральные жесты с минимальным участием рук, преимущественно в саггитальной плоскости.

Далее мы провели более точный анализ взаимодействия аспектуальных признаков темпоральных дейктиков с различными характеристиками жестов – их классами, задействованными частями тела и направленностью (рис. 5):

1. Аспектуальная оппозиция *продолжительность – завершенность*: дейктики продолжительности чаще сопровождаются указательными жестами (10), отражая потребность в пространственной локализации устойчивого процесса,

а дейктики завершенности преимущественно маркируются симптоматическими жестами (9), что указывает на аффективную и телесно-рефлекторную репрезентацию, не привязанную к пространственным координатам. В обоих случаях активно задействуются руки и ладони, при этом для продолжительности характерно участие пальцев, а для завершенности – подбородка. Пространственная направленность варьируется: продолжительность связана с саггитальной и латеральной осями, а завершенность равномерно распределена по всем направлениям.

2. Аспектуальная оппозиция *мгновенность – повторяемость*: обе категории опираются на симптоматические и указательные жесты. Но только мгновенность сопровождается изобразительными жестами (3) и участием подбородка, что может свидетельствовать о стремлении к экспрессивной и иконической визуализации кратковременного действия с минимальными телесными затратами. Преобладает латеральная ось, что подтверждает горизонтальное направление восприятия событий в потоке коммуникации, но только мгновенность демонстрирует вертикальную направленность как показатель динамики.
3. Категория *начала действия*: доминирование симптоматических жестов, указывающее на эмоциональную и прагматическую окраску фазы запуска действия. Задействование руки, ладони и пальцев связано с телесной «активацией» коммуникативного порыва, а преобладание саггитального направления подчеркивает проективность и устремленность вперед.
4. Категория *недавности*: представлена слабо; единичные случаи симптоматических, указательных и нейтральных жестов с минимальной телесной выразительностью. Отсутствие четкой направленности предполагает интернализованный, ретроспективный характер.
5. Категория *обобщенности*: смешанный тип жестов с преобладанием симптоматических, а также со значительным участием указательных и общекommункативных жестов. Пространственная направленность распределена по всем осям, что указывает на многовекторность репрезентации. Жестикуляторная реализация равномерно включает руки, пальцы и ладонь, отражая размытость семантики и широкий охват.

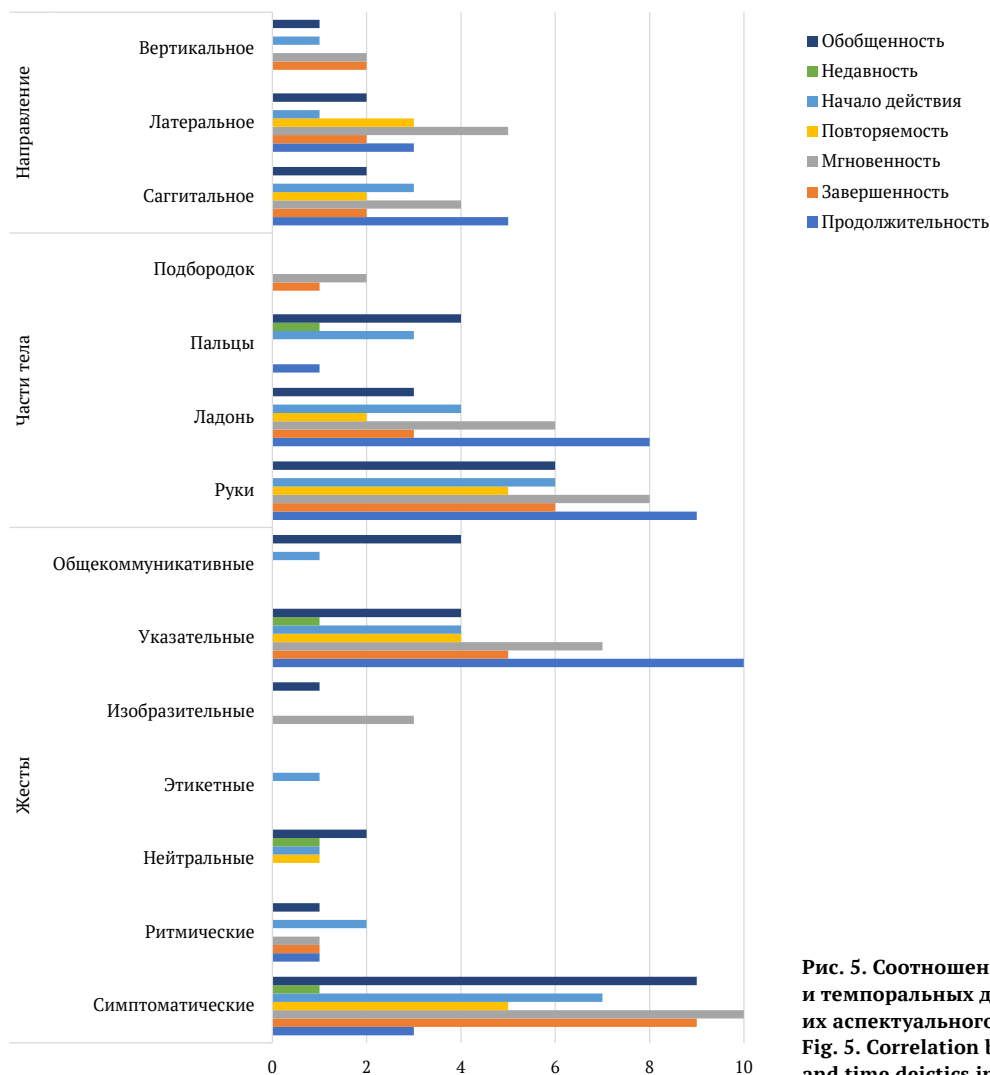

Рис. 5. Соотношение классов жестов и темпоральных дейктиков в рамках их аспектуального признака
Fig. 5. Correlation between gesture classes and time deictics in terms of aspect

Жесты не выступают самостоятельными маркерами времени вне речевого контекста. Темпоральная отнесенность высказываний респондентов передается вербально, а жесты выполняют сопроводительную, экспрессивную или прагматическую функцию. Наиболее активными невербальными средствами оказались указательные, далее идут кинетические (движения) и симптоматические жесты, отражающие эмоциональные и физиологические состояния, что подчеркивает воплощенную природу невербальной коммуникации, в которой телесность отражает мыслительные и эмоциональные процессы.

Важным становится различие между жестами как телесным выражением мыслей (воплощенная природа) и как механизмами смыслопорождения (воплощаемая природа). В первом случае они отражают эмоции и когницию, во втором – участвуют в структуре значения. Это объясняет редкость

жестов при абстрактных временных маркерах из-за их контекстуальной гибкости. Даже синхронные указания чаще фиксируют пространственные характеристики, а не время: *Теперь она идет прямо за вами* (ритмично указывает левой рукой влево на референта (ладонь направлена вверх)). *Возьмите, пожалуйста, бутылку. Слева. За вашей спиной* (усиливает указание согнутой в локте правой рукой (вертикальное положение ладоней)). Виртуальное взаимодействие усиливает телесную анкеранность настоящего момента, что проявляется в жестах, распределенных по латеральной и вертикальной осям, которые компенсируют абстрактность вербальных выражений. В этом смысле VR-среда усиливает воплощаемую природу жестов, побуждая пользователя использовать тело для актуализации коммуникативной функции в рамках усиления директивности или фиксации момента.

Пространственные паттерны, вовлеченные в жестикуляцию, участвуют в телесной репрезентации времени, однако их применение варьируется в зависимости от коммуникативной задачи и осознанности действия. При спонтанной жестикуляции преобладает латеральная ось, а при осознанном указании – сагиттальная, что отражает влияние контекста и уровня осознанности. Если исключить из рассмотрения симптоматические, нейтральные, этикетные и общекommunikативные жесты и сосредоточиться только на указательных, становится очевидно, что основной функцией последних является пространственная локализация, а не временная репрезентация.

Телесные механизмы кодирования времени чаще отражают модальность, направленность и оценку действия, а не линейную хронологию. Жестикуляция при темпоральных дейктиках маркирует динамику действия с эмоцией и оценкой, превращая телесную коммуникацию в важный канал сложной информации, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований, особенно в виртуальном взаимодействии.

Заключение

В условиях виртуальной коммуникации темпоральные дейктики активно взаимодействуют с невербальными средствами, формируя единую систему пространственно-временного дейксиса. Эта система основана на устойчивых телесных паттернах, которые отражают когнитивные схемы концептуализации времени и пространства, характерные для естественного языка.

Оси телесной ориентации в пространстве могут использоваться для невербального выражения временной отнесенности. Жесты, используемые носителями языка при обсуждении времени, нередко структурированы по сагиттальной оси. Этот паттерн

пространственной репрезентации времени можно считать универсальным, т.к. он отражает телесную обусловленность восприятия времени и согласуется с результатами других кросс-культурных и психолингвистических исследований. Но степень универсальности требует дальнейшего уточнения, т.к. в настоящем исследовании выборка была ограничена.

В ходе спонтанного взаимодействия информанты могут использовать движения, не сопровождающиеся речью, но соотносимые с временными. Они опираются на когнитивные схемы и характерные пространственные паттерны, что позволяет им функционировать как маркерам времени даже вне вербального контекста. Тем не менее полностью «вневременные» жесты, указывающие исключительно на темпоральные значения без всякого контекстуального сопровождения, в рамках статьи не зафиксированы явно. Это позволяет заключить, что смысловой потенциал таких жестов раскрывается только в определенных коммуникативных и ситуационных условиях.

Использование VR-среды усилило аналитический потенциал работы, т.к. обеспечило точный контроль параметров и выявило пространственно-темпоральную жестовую координацию, подтверждая устойчивую телесно-языковую синхронизацию в контекстуально обусловленной мультимодальной коммуникации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 3-е изд. М.: УРСС, 2003. 207 с. [Bondarko A. V. *Principles of functional grammar and issues of aspectology*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2003, 207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppqbf>
- Гришина Е. А. Здесь и тут: корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов. *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 1. С. 39–71. [Grishina E. A. Zdes' vs. tut "here": Corporal and gestural analysis of complete synonyms. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2012, (1): 39–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qatonh>
- Гришина Е. А. Темпоральные дейктические жесты. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2013. Т. 72. № 1. С. 3–31. [Grishina E. A. Time deictic gestures. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2013, 72(1): 3–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puypjv>

- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с. [Kreidlin G. E. *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 581. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stoobn>
- Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: Междунар. конф. (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.) М.: РГГУ, 2017. Т. 2. Вып. 16. С. 271–286. [Litvinenko A. O., Nikolaeva Yu. V., Kibrik A. A. Annotation of Russian manual gestures: Theoretical and practical issues. *Computational linguistics and intellectual technologies*: Proc. Intern. Conf., Moscow, 31 May – 3 Jun 2017. Moscow: RSUH, 2017, vol. 2, iss. 16, 271–286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prmzvtv>
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с. [Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST; Vostok-Zapad, 2007, 314. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rufsvd>
- Рябинин К. В., Баранов Д. А., Белоусов К. И. Интеграция информационной системы Семограф и визуализатора SciVi для решения задач экспертного анализа языкового контента. *Научная визуализация*. 2017. Т. 9. № 4. С. 67–77. [Ryabinin K. V., Baranov D. A., Belousov K. I. Integration of Semograph information system and SciVi visualizer for solving the tasks of lingual content expert analysis. *Scientific Visualization*, 2017, 9(4): 67–77. (In Russ.)] <http://doi.org/10.26583/sv.9.4.07>
- Талески А. Модели дейктического и коммуникативного поведения говорящего в виртуальной реальности. М.: Флинта, 2024. 220 с. [Taleski A. *Models of deictic and communicative behavior of a speaker in virtual reality*. Moscow: Flinta, 2024, 220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eoskyp>
- Alcaraz Carrión D., Valenzuela J. Distant time, distant gesture: Speech and gesture correlate to express temporal distance. *Semiotica*, 2021, (241): 159–183. <https://doi.org/10.1515/sem-2019-0120>
- Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Yu., Baranov D. "Semograph" information system as a framework for network-based science and education. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2017, 75: 263–272. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59451-4_26
- Calbris G. Espace-temps: Expression gestuelle du temps. *Semiotica*, 1985, 55(1-2): 43–74. <https://doi.org/10.1515/semi.1985.55.1-2.43>
- Calbris G. From left to right...: Coverbal gestures and their symbolic use of space. *Metaphor and Gesture*, 2008, 27–53. <https://doi.org/10.1075/gs.3.05cal>
- Casasanto D., Jasmin K. The hands of time: Temporal gestures in English speakers. *Cognitive Linguistics*, 2012, 23(4): 643–674. <https://doi.org/10.1515/cog-2012-0020>
- Efron D. *Gesture and environment: A tentative study of some of the spatiotemporal and linguistic aspects of the gestural behavior of eastern Jews and southern Italians in New York City, living under similar as well as different environmental conditions*. NY: King's Crown Press, 1941, 184.
- Gu Y., Zheng Y., Swerts M. Which is in front of Chinese people, past or future? The effect of language and culture on temporal gestures and spatial conceptions of time. *Cognitive Science*, 2019, 43(12). <https://doi.org/10.1111/cogs.12804>
- Haspelmath M. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. München-Newcastle: Lincom Europa, 1997, 181. <https://doi.org/10.5281/zenodo.831421>
- Kendon A. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University, 2004, 412. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511807572>
- Knox D. Late medieval and renaissance ideas on gesture. Die Sprache der Zeichen und Bilder. *Rhetorik und nonverbale Kommunikation in der frühen Neuzeit*, ed. Kapp V. Marburg: Hitzeroth, 1990, 11–39.
- Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science*, 1980, 4(2): 195–208. https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4
- Levinson S. C. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge University, 2003, 389. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613609>
- Li H. Time on hands: Deliberate and spontaneous temporal gestures by speakers of Mandarin. *Gesture*, 2017, 16(3): 396–415. <https://doi.org/10.1075/gest.00002.li>
- McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago, 1992, 423.
- Mortensen K., Hazel S. The temporal organisation of leaning in social interaction. *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*, 2024, 7(4). <https://doi.org/10.7146/si.v7i4.152386>

- Pagán Cánovas C., Valenzuela J., Alcaraz Carrión D., Olza I., Ramscar M. Quantifying the speech-gesture relation with massive multimodal datasets: Informativity in time expressions. *PLoS ONE*, 2020, 15(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233892>
- Patel K., Stotter J., Pali M. C., Giannopulu I. Imagine going left versus imagine going right: Whole-body motion on the lateral axis. *Scientific Reports*, 2024, 14. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-57220-w>
- Stolpe K., Falck M. J., Larsson A. Spatial constructions of time: Exploring co-speech gestures in lectures on programming. *Cognitive Semiotics*, 2025, 18(1). <https://doi.org/10.1515/cogsem-2025-2002>
- The Institutio Oratoria of Quintilian with an English translation by H. E. Butler, M. A., professor of Latin in London University*, ed. Carvalho D. London: William Heinemann; NY: G. P. Putnam's Sons, 1922, vol. IV, book X, 3–154.
- Yang Y., Sinha C., Filipovic L. Sequential time construal is primary in temporal uses of Mandarin Chinese qian "front" and hou "back". *Language Sciences*, 2022, 95. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2022.101511>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/vkhtvd>

Трансмутационная методика + нейросети: филолого-дидактический проект

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5085-8816

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Аннотация: В работе представлен филолого-дидактический проект «Трансмутационная методика + нейросети», очерчиваются перспективы развития проекта. С помощью программ искусственного интеллекта возможно использовать широкий диапазон межкодовой трансформации словесного текста: его перевод на музыкальный и драматический коды, а также на коды иных видов искусства и знаковых систем: изобразительных, хореографических, мультипликационных, фото- и видеообразов текста и других. Такие виды трансформации предлагается обозначить термином *трансмутация*, введенным Р. О. Якобсоном как номинация одного из видов перевода, связанного с трансформацией словесных знаков в знаки иных (несловесных) систем. Предлагая данную методику, допускаем, что трансмутационными приемами активизируются не только левополушарные, но правополушарные (чувственные) механизмы восприятия и интерпретации словесного художественного текста (этот момент является значимым резервом филологической дидактики). В ходе трансмутационной деятельности такого формата ученик реализует свои образы и замыслы, рожденные текстом, с помощью программ искусственного интеллекта. Технизируя сложный креативный процесс, учитель таким образом повышает дидактическое качество учебной филологической деятельности, а школьник или студент, выполняя данные действия, так или иначе проникает в смыслы исходного текста, например структурирует и переструктурирует его, актуализирует значимые (яркие, понравившиеся) элементы. В активную речевую позицию ученик-автор встает при формулировке задания (промта) для программы искусственного интеллекта, представляющей собой специфическое описание (моделирование, структурирование) исходного (изучаемого) текста. Результаты исследования демонстрируют потенциал использования в лингводидактике трансмутационного подхода и программ искусственного интеллекта в их функциональном единстве для достижения целей развития речевых (текстовых) способностей школьников и студентов-филологов педагогических специальностей.

Ключевые слова: языковая способность, языковое чувство, лингводидактика, художественный текст, искусственный интеллект, трансмутация, трансмутационная методика, драмогерменевтика, промт, майндмэп

Цитирование: Голев Н. Д. Трансмутационная методика + нейросети: филолого-дидактический проект. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 221–241. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-221-241>

Поступила в редакцию 16.04.2025. Принята после рецензирования 14.05.2025. Принята в печать 14.05.2025.

review article

Transmutation Methodology + Neural Networks: A Philological and Didactic Project

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 5085-8816
<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>
Scopus Author ID: 56642816700
ngolevd@mail.ru

Abstract: The transmutation approach can be combined with artificial intelligence (AI) programs to develop speech skills in schoolchildren and university students of philology or pedagogical majors. The article introduces the linguadidactic project of Transmutation Methodology + Neural Networks. AI programs provide a wide range of inter-code transformations of a verbal text, e.g., it can be encoded as music, drama, visual art, dance, animation, photo, video, etc. R. O. Jakobson called them transmutations, i.e., transformations of verbal signs into signs of non-verbal systems. Transmutations activate both the left and the right hemispheres, the latter being responsible for sensory perception and interpretation of a verbal literary text. This phenomenon opens up huge prospects for philological didactics. During transmutation activities, students implement verbal images and ideas processed with AI programs. By automatizing a complex creative process, students penetrate into the meaning of the original text, e.g., by structuring and restructuring it, actualizing its most significant or attractive elements, etc. By becoming authors, students assume an active speech position as they formulate the prompt for the AI program, i.e., a description (model, structure) of the original text. The functional unity of the transmutation approach and AI programs demonstrate good prospects for linguistic didactics.

Keywords: language ability, language sense, linguistic didactics, fiction, artificial intelligence, transmutation, transmutation method, drama hermeneutics, prompt, mind map

Citation: Golev N. D. Transmutation Methodology + Neural Networks: A Philological and Didactic Project. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 221–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-221-241>

Received 16 Apr 2025. Accepted after review 14 May 2025. Accepted for publication 14 May 2025.

Введение

Тема «ИИ на уроках русского языка и литературы» несомненно актуальна для современной системы школьного и вузовского педагогического образования. Искусственный интеллект (ИИ) способен синтезировать речевые произведения разных типов, жанров и форматов, в том числе на основе исходного (изучаемого) текста. Актуален сам факт владения учащимися данным инструментом, прогрессирующим во всех сферах жизни человека; дидактика и филология не должны отставать от этой линии прогресса. Полагаем, что есть возможность направить инструменты ИИ в дидактическое русло – преподавание школьных филологических дисциплин. Их можно использовать в сфере развития речи, на уроках русского языка и в сфере формирования интереса к чтению, а также повышения его качества на уроках русской

литературы [Ускова 2016]. В работе рассматривается одно направление виртуальной педагогики [Голев 2023] – использование программ ИИ для развития языковой и эстетической личности школьников и студентов. Это направление имеет следующую целевую установку – развитие речевых способностей детей в формате письма, чтения, говорения. Способы и средство достижения данной цели – использование программ перекодировки [Касымова 2015] (трансмутации) словесных текстов в другие типы текстов (музыкальные, изобразительные, сценические); и формы представления знаний (например, звуковые тексты трансформировать в визуальные, лекции – в презентации, конспекты – в схемы).

В настоящем исследовании делается попытка ответить на вопрос: *Как искусственный интеллект*

может повлиять на систему образования в различных странах? Принесет ли он положительные результаты или же все-таки старая школа незаменима? [Анисимов и др. 2022]. В статье идет речь не столько о потребности и важности обучения школьников и студентов умению пользоваться таким инструментом, как искусственный интеллект, сколько о дидактических возможностях, возникающих в ходе его использования. Искусственный интеллект предоставляет пользователю широкие и разнообразные операции с текстом. Например, НейроТекстер «может сжать текст не хуже, чем человек. Нейросеть способна, уловив ключевые моменты, сократить текст без потери смысла»¹; Нейроредактор «сгенерирует для вас пост, отзыв, поздравление, любые тексты по вашему заданию. Захотите – исправит ошибки, переведет, перепишет красивее или понятнее. Нейросети могут создать любой текст и переписать его как угодно. Просто опишите, что нужно сделать, в поле ввода. Чем подробнее вы объясните задачу – тем лучше получится»². Два последних предложения особенно важны для трансмутационной методике, в них заключена, на наш взгляд, базовая операция – формулировка задания, имеющая не только утилитарный (пользовательский), но и дидактический (обучающий) смысл.

Результаты

Предыстория трансмутационной методологии в школьной дидактике

Предшествующий общенаучный, философский, терминологический, семиотический контексты исследования трансмутации

Трансмутация как явление возникло достаточно давно. Предтечей трансмутации является синкретизм видов искусств (пение и танец в хороводе, словесный текст и визуальный ряд в разных форматах: в лубке, райке и далее – в драме [Флоря 2025] и т. п.). Более четко трансмутация как перевод словесного текста в тексты других кодов находим в рисуночных иллюстрациях к словесным произведениям, романах на основе стихотворных текстов, либретто опер, оперетт, театральных и кинематографических сценариях на основе прозаических текстов, цветомузыке, современных клиповых совмещениях вокала, танца, драмы и др. В филологической

школьной дидактике накопилась большая практика использования разных видов искусства для изучения художественных текстов. Декламация – классический вид трансмутационного акцентирования внимания читающих и слушателей на смыслы словесного произведения путем его «драматизации». Осложненный формат синкретизма драмы описан в работе А. В. Флоря. Автор показывает, «каким образом в театре синкретизм проявляется через особенности жанра, ремарки драматурга, эпиграфы, список действующих лиц» [Там же: 43]. Не случайно драмогерменевтика стала начальным этапом системной разработки трансмутационного подхода к преподаванию литературы и русского языка в школе, включающего и его научное обоснование [Букатов 1999]. В лингвистике возможность выделения трансмутации как особого вида перевода и введение самого термина *трансмутация* находим в статье [Якобсон 1978].

Исходя из онлайн-энциклопедии *Википедия*, трансмутация (от лат. *trans* – сквозь, через; за + *mutatio* – изменение, перемена) – превращение одного объекта в другой. Термин имеет несколько значений в зависимости от объекта изучения: в алхимии – превращение неблагородных металлов в благородные (золото либо серебро); в физике – превращение атомов одних химических элементов в другие; в генетике – генные мутации.

В настоящее время наблюдается тенденция активного употребления термина *трансмутация* в естественных науках. В гуманитарные науки он пришел после статьи Р. О. Якобсона, который ввел его в филологическую (транслатологическую) парадигму [Якобсон 1978]. Ученый выделил три вида перевода, среди которых – трансмутационный перевод. Постепенно переводоведческий термин *трансмутация* расширил свое значение и начал использоваться в общелингвистических и семиотических смыслах. Определенную роль в этом сыграли статьи сербского ученого Б. Човича [Чович 2014а; 2014b]. В результате во многих работах трансмутация стала пониматься как внутренняя (имманентная, интралингвистическая) трансформация одних дискурсов и речевых жанров в другие (например, прозаического текста в киносценарии) [Чувакин 1998; Логинова 2023; Филиппова 2019; Наумова, Горшкова 2022].

¹ НейроТекстер. URL: https://neuro-texter.ru/sokrashenie-texta-online?utm_term=%7BBSYA_longstoryshort%7D&yclid= (дата обращения: 14.03.2025).

² Нейроредактор. URL: browser://neuro-editor/?from_ntp=true&id=83180c9f-2414-44fb-8f46-62f3730ce452 (дата обращения: 14.03.2025).

Предлагаемая трансмутационная технология дидактики имеет философское и психологическое обоснование. Многие ее приемы предполагают разнонаправленное воздействие на филологическое развитие личности ученика. В таком воздействии мы видим проявление диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Слово *единство* в данном контексте синонимично слову *взаимодействие*, исходя из принципа дополнительности. Указанный физический принцип, обретший философскую значимость, предполагает двояконаправленное описание противоречивых сторон одного феномена (например, лучевой и волновой природы света; левого и правого полушарий коры головного мозга). Этот принцип применим ко многим антиномиям, проявляющимся в том или ином изучаемом объекте. Трансмутационная методика в этом смысле базируется на философских антиномиях: *логическое и чувственное, элементаризм и холизм, наука и искусство*; психологических антиномиях: *левое и правое полушария коры головного мозга, логическое и художественное мышление, несловесный и словесный тип мышления*; педагогических антиномиях: *знаниецентризм и умениецентризм*. Направления формирования языковой личности школьника *от правого полушария к левому, от умениецентризма (от речевой практики) к теории* формируют ЗУН школьника более эффективно, чем традиционная методика, идущая от теории к практике, от правила к действию, от анализа к чтению, ведут к цели – развитию языковой (шире – филологической) личности. Традиционная методика тоже рабочая (полезная и эффективная), но ведет к цели не самым коротким и не самым интересным (для детей) путем (это левополушарный путь (рациональный, анализ-синтез); информационная функция (ср. конструктор Илюшина [Илюшин 2013]; см. также [Шабарова 2023]). Полагаем, что во всех названных направлениях и форматах правополушарный путь эффективен как самостоятельный, но более эффективен он при совмещении обоих подходов.

В связи с этим тезисом еще раз подчеркнем не взаимоисключающий характер сосуществования сторон данных антиномий. Применительно к дидактике это означает разнонаправленное воздействие на обучаемую и развиваемую личность ученика. В трансмутационной методологии акцент делается на последних (вторых) членах перечисленных антиномий, а именно: чувственного, холического, правого полушария коры головного мозга, художественного мышления и искусства. Такой акцент

обусловлен во многом еще и тем, что этим сторонам, на наш взгляд, оказывается недостаточное внимание в современной школе. Представленный тезис касается как предмета обучения – сознания и способа мышления ученика, так и инструментов обучения. Ранее мы неоднократно актуализировали этот момент, говоря, например, о необходимости развивать языковое чувство, орфографическую интуицию, способности к подражанию, о ведущей роли умениецентрического подхода [Голев 2002; 2004; 2024].

Чувственное в сфере дидактики представляется борьбой (конкуренцией) аудиального и визуального кодов дидактической коммуникации. Яркий пример этому находим в сфере современного образования – в конкуренции звукового (устного) представления знания и умений на лекциях и визуального в формате презентации. Наши наблюдения подтверждают нарастание силы визуального начала [Голев 2021], в формате презентации оно актуализируется еще и по причине спада роли «бумажных» наглядных пособий. Многие из предлагаемых далее разновидностей трансмутационной методики, связанные с трансмутацией словесного представления знания в изобразительное, являются своеобразной формой компенсации такого спада.

Единство всех форм трансмутации словесных форматов в несловесные объединяет и то обстоятельство, что и те и другие являются формой интерпретации текстов. В связи с этим обратим внимание на то, что один из видов учебной трансмутации был назван *драмогерменевтикой* [Букатов 1999; 2022] (герменевтика – учение об интерпретации, извлечении смысла [Фуксон 2023]). Все вторичные тексты так или иначе являются интерпретацией первичных, это касается и трансмутации художественных форм, например музыкальная (песенная) трансформация стихотворения предполагает его интерпретацию в другом коде (типе сознания) [Романова, Заварина 2024]. Как пишет Платон в диалоге «Ион»: «поэты, по мнению Сократа, являются "толкователями воли богов", <...> на них цепь божественного вдохновения не обрывается, так как рапсоды (певцы), толкующие творения поэтов, – это "толкователи толкователей". Последнее же из звеньев этой цепи – читатели, слушатели, зрители» [Платон 1968: 139–140; по: Фуксон 2023]. «Раскрытие вымышленной реальности в воображении читателя, спровоцированное художественным текстом, блокирует обычную жизненно-практическую – познавательную и нравственную – озабоченность читающего,

актуализируя его единственное «амплуа» – эстетического созерцателя» [Фуксон 2024: 384]. Полагаем, что трансмутация художественного словесного текста в инокодовые тексты способствует формированию позиции его эстетического созерцателя.

Внимание к позиции созерцателя – субъекта, воспринимающего художественный текст, приближает трансмутационную методику к рецептивной эстетике, рассматривающей произведения искусства со стороны его «потребителя». Пока данный подход является нетрадиционным для школьной филологии, хотя можно назвать несколько работ, в которых такая эстетика предлагается как дидактическая идея и в которых ребенок (ученик) рассматривается как субъект переживания и / или интерпретации художественного текста [Ким, Парфиненко 2024; Лавлинский 2021; Максимова 2011; Первова, Ерошина 2015; Трефилова 2018]. Так, в статье А. О. Трефилова «рассматриваются приемы работы с текстом на уроках русского языка и литературы. Уделяется внимание приемам развития навыка написания собственного текста. Описывается рецептивная эстетика и ее педагогический потенциал. Раскрывается возможность использования этого перспективного направления в литературоведении в школе» [Трефилова 2018: 470].

В этом смысле драмогерменевтика является дидактической трансмутацией одного вида текста в другой в случае, если пьеса или киносценарий пишется на основе прозаического или стихотворного текста, далее словесный текст трансформируется в совокупность визуальных сценических образов действующих лиц с возможным сопровождением визуальными формами декораций, пластических движений персонажей и музыкального сопровождения [Чуреева 2023а]. С точки зрения дидактики драмогерменевтика – наиболее сложный формат трансмутационной методики.

Предшествующий дидактический контекст трансмутационной методики преподавания русского языка и литературы

Инвариантная методическая тактика в предлагаемой концепции филологического развития ученика – трансмутационная методика. Под ней понимается учебная трансформация словесных текстов в тексты, переведенные на другие коды, например трансформация словесного текста в изобразительный, стихотворного – в музыкальный [Геро 2017] или хореографический [Байдина 2022], прозаического – в драматический. Полагаем, что начало разработки

идеи трансмутации как методической стратегии положили сторонники драмогерменевтики или режиссуры урока [Букатов 1999]. Главная задача этого направления – обеспечение совместного обучающе-воспитывающего проживания урока всеми участниками данного процесса (включая учителя). Драмогерменевтика – направление в отечественной педагогике, возникшее в конце 1980-х гг. в результате аккумуляции театрального опыта П. М. Ершова, автора потребностно-информационной теории личности, театрально-педагогической разработки его дочери А. П. Ершовой и результатов психолого-педагогических исследований Е. Е. Шулешко и его сподвижников. Цель данного метода обучения – создать на уроке такую ситуацию, в которой ученики начинают учиться, т.е. «учить себя сами», с неподдельным энтузиазмом, ощущением субъективной легкости. Каждый начинает проживать учебный материал в своем темпоритме [Там же]. В предлагаемом нами проекте драмогерменевтика – частный случай трансмутационной методики, наряду с трансмутацией словесных текстов в изобразительные, музыкальные, хореографические, иными словами, наряду с уроком-спектаклем (драмой), уроком-кастингом, уроком-вернисажем, уроком-караоке.

Предлагаем осуществлять трансмутацию словесных художественных текстов, помимо драматического, также в другие коммуникативные коды (музыкальные, живописные, фото, кино, видео, музыкальные произведения в формате караоке и др.) с помощью программ ИИ. Например, стихотворные тексты можно трансмутировать в песни, с подбором музыки и голосов (в том числе собственного голоса, голоса ребенка), иллюстрировать синтезированными фото или картинками, видеоклипами [Бодянская, Синегубова 2023]. Работа учеников с такими программами вольно и невольно развивает их речевые компетенции. Считаем, что вовлечение детей в эту деятельность способно искренне увлечь их, заинтересовать природой художественного текста: повысить мотивацию к чтению и само качество чтения.

Идея привлечения к развитию языковых способностей других кодовых трансформаций литературного текста не нова и используется многими учителями на практике, и теоретически обосновывается учеными. Например, С. С. Романова и С. Ю. Заварина пишут о том, что «знакомство детей с художественным произведением с использованием музыкального оформления предполагает учет лингвометодических и других особенностей художественного

текста и музыкального произведения. Учет различных элементов и их влияния на эмоциональное восприятие детьми необходимы для формирования определенного художественного эффекта и передачи определенных идей автором» [Романова, Заварина 2024: 156].

Дидактическая идея драмогерменевтики (режиссуры урока) строится на таких же исходных позициях, а именно на использовании иных художественных кодов и механизмов правополушарного восприятия педагогического действия для формирования у учеников эмоционального отношения к получаемой информации. Эта идея достаточно хорошо разработана В. М. Букатовым. В его работах содержатся многие важные для нас идеи [Букатов 1999; 2022]. Среди них момент герменевтики текста, формирующий механизмы эстетического его прочтения типа *блуждание по тексту, выделение странных элементов*. О странностях текста пишет Л. Ю. Фуксон: «Умение видеть странности текста – предрасположенность к его пониманию, а точнее – необходимое условие такового» [Фуксон 2007: 8]. Отметим в этой связи, что драматизация урока имеет универсальный смысл, что превращает классический урок в социально-эстетическое действие: урок-концерт, урок-караоке, урок-вернисаж, урок-кастинг.

Транскодовую интерпретацию текста (шире – речевых произведений) в широком смысле предлагаем назвать, вслед за Р. О. Якобсоном, трансмутацией. Такая интерпретация сближается с понятием текстодериватологии, которая призвана изучать образование различных текстов от других; она представлена в работах многих лингвистов [Мельник 2012; Чувакин 1998; Шпильная 2014].

В предлагаемой нами концепции трансмутации линия смыслового расширения и смыслового развития термина *трансмутация* продолжается. Наш вариант трансмутационной методики в области лингводидактики содержит следующие особенности [Голев 2023]:

1. Существенно расширяется диапазон межкодовой трансформации словесного текста: не только трансмутационный перевод на музыкальный и драматический коды, но и на коды иных видов искусства: изобразительного, хореографического и др.

2. О субъекте дидактической коммуникации в предлагаемой методике. Трансмутационную деятельность мы вменяем и доверяем осуществлять ученику (школьнику, студенту), а учитель – сценарист, организатор (режиссер) и контролер данной

деятельности. Это соответствует нашей концепции «взыскующего студента».

Ученик реализует свои трансмутационные замыслы, рожденные текстом, с помощью программ искусственного интеллекта [Черниговская 2018], технизируя сложный креативный процесс. Это обстоятельство не снижает дидактического качества трансмутационной филологической деятельности: школьник или студент, выполняя ее, так или иначе проникает в смыслы исходного текста, например структурирует и переструктурирует его, актуализирует значимые (яркие, понравившиеся) элементы. В активную речевую оппозицию школьник или студент встает при формулировке задания (промта) для робота, представляющего собой специфическое описание (моделирование) исходного (изучаемого) текста. Приоритет деятельностного подхода к обучению по отношению к подходу от теории к практике, умениецентрического подхода по отношению к подходу от знаний к их реализации в формате навыков и умений. Многие формы трансмутации не стали активными дидактическими формами в школе и вузе, особенно если они связаны со сложными и дорогостоящими видами искусства: опера, балет, кино. Но их более простые формы могут быть испытаны на предмет трансформации в дидактические формы. В этом плане предложение использовать программы искусственного интеллекта делает концепцию трансмутационной лингводидактики реалистичной.

3. Большая значимость чувственного представления знаний. Чувственное, образное, интуитивное в филогенезе и онтогенезе первичны, поэтому их приоритет естествен, особенно для той большой группы учащихся, которые обладают художественным типом мышления. Последнее означает также доминирование целого над частью, холизм в трансмутационной методике проявляется достаточно сильно. Вместе с «сильным» холизмом трансмутационная методика предъясвляет новую системность изучаемого объекта, формирующуюся исходным целостным представлением о нем. Наиболее ярко это заметно в изобразительном коде представления информации. На наш взгляд, это обстоятельство активно учитывали многие учителя-новаторы (особенно – В. Ф. Шаталов; см. [Бондаренко 2023; Кондракова 2008; Тихонов 2015]), представляющие ученикам знания в форме конспектов-схем и планов-конспектов. В настоящее время в этом ряду активны термины типа *ментальная карта, мейнд-мэп*. В этом плане значимым представляется факт

усиления визуального канала приема информации [Голев 2021], в частности предпочтения презентаций при параллельном устном чтении лекции. Звуковой канал менее холичен, кванты информации предаются один за другим, целое не являет себя без отдельных квантов, особенно завершающих.

Глубокой и интересной в теоретическом плане представляется концепция трансмутации О. А. Чуреевой. Она пишет, что «разнообразные театральные знаки (акустические, просодические, кинесические, проксемические, световые, цветовые, ольфакторные и др.) актуализируют, уточняют, усиливают или нивелируют значение вербальных высказываний» [Чуреева 2023b: 117].

Общность целевых установок всех таких форматов урока – переживание текста как стратегия чтения (прочтения). Их реализация возможна уже с раннего детского возраста [Отрешко 2019]. По мнению В. М. Букатова, «драмогерменевтика позволяет всем детям погрузиться в активную деятельность, где они общаются не с педагогом, а друг с другом: сами проявляют инициативу, придумывают сюжет, распределяют роли, репетируют и ставят спектакль. У детей появляется возможность попробовать себя в различных ролях, проявить фантазию, умение импровизировать, отрабатывать технику выразительной речи, свободу движений и, несомненно, получить от самостоятельной творческой деятельности мощнейший положительный заряд» [Букатов 1999: 77] (ср. также [Кузнецова 2014; Чечко 2024]). На занятиях по теории и истории литературы в педагогических вузах *проблема художественного исполнения* текстов является одной из приоритетных, т.к. такое исполнение (не чтение, а исполнение) произведения служит показателем *лично значимой нравственно-эстетической ценности* авторских идей [Букатов 1999: 47]. В работе S. Zhu демонстрируется связь школьной филологии с артистизмом педагогического труда, элементами социоигровой педагогики, театральными приемами обучения. Освещаются способы приобщения к искусству письменного слова методами искусства слова, звучащего в процессе реализации драмогерменевтической технологии «О Слове Преображенном и Слове Преображающем» [Zhu 2021: 80].

В контексте драмогерменевтики находится и идея учебного комплекса «театральные чтения», выказанная В. Базылевым и соавторами [Базылев и др. 2021]. Опираясь на методические рекомендации комплекса, «обучающийся и учитель могут комбинировать при помощи методического конструктора

различные виды деятельности... С этой целью в методическом конструкторе предлагается не только ориентация на чтение как вид речевой деятельности, но и на визуализацию материала и на его аудиовосприятие» [Там же: 67]. Проект «активно-продуктивного чтения» является усложнением декламации элементами драмогерменевтики [Ножина, Крамаренко 2021]. В духе драмогерменевтики применительно к РКИ высказывается Л. Ши: «Моделирование реальных сцен: использование технологий искусственного интеллекта для моделирования реальных сценариев общения на русском языке для улучшения разговорных и слуховых способностей учащихся» [Ши 2024: 544].

Помимо драмогерменевтики в истории преподавания русского языка и литературы предлагались и другие варианты трансмутационной методики: перевод словесного текста на музыкальные и изобразительные коды. С. С. Романовой и С. Ю. Завариной рассматриваются идеи по использованию музыкальных произведений при чтении художественных текстов [Романова, Заварина 2024]. В статье [Пятакова 2017] изобразительный код представляется в формате каллиграфии. Автор отмечает: «Каждое слово, каждую мысль, заключенную в ослепительно белое пространство листа, можно облачить в любой наряд, и вместе они заиграют иную мелодию. О чем мне следует сказать: об умении писать красиво, об искусстве наработать красивый почерк или возможности выразить правду личного переживания? К этому вопросу мы приходим, когда лицом к лицу сталкиваемся с каллиграфией. Ответ на него и будем искать» [Там же: 34]. Заметим, что каллиграфия постепенно возвращается в зону дидактической актуальности [Губанова, Гайдук 2016; Дмитриева 2019; Огаркова 2012]; свидетельством этому являются также конференции и семинары, проводимые в г. Бийске [Каллиграфия... 2023].

Предвосхищение трансмутационного подхода находим в примере с изобразительным представлением текста на занятии с учениками младших классов. Естественная реализация трансмутации текста в формате драмогерменевтики происходит уже в студенческой аудитории [Букатов 2023].

Раскрывая предысторию трансмутационной дидактики, уместно также отметить нашу концепцию развития языковой личности детей через активизацию и развитие языкового чувства, которые трактуем как попытки поставить во главу угла школьной филологии развитие языкового чувства, художественных способностей словесного творчества.

Так, в статьях [Голев 2002; 2004] предлагалось ставить ученика в позицию подражателя, автора словесного текста, далее – сценариста (автора вторичных текстов) и в идеале – создателя художественных произведений.

Дидактический потенциал искусственного интеллекта: нейросетевые программы как формат реализации трансмутационной методики Предшествующий контекст использования программ искусственного интеллекта как методической тактики на уроках русского языка и литературы

Б. М. Холбоев и А. А. Туремуратова, рассматривая вопрос об использовании программного обеспечения на основе ИИ в процессе изучения языка, замечают: «искусственный интеллект – один из главных инфоповодов. Нейросети рисуют, сочиняют стихи – и даже помогают диплом написать. Студенты, школьники и все, кто учится и учит, получают инструменты, которые могут изменить всю сферу образования» [Холбоев, Туремуратова 2023: 250]. Авторы приходят к выводу о том, что в ближайшем будущем искусственный интеллект может привести к серьезному улучшению языкового образования в школах и университетах.

А. В. Васильев и коллеги рассматривают основные направления использования технологий искусственного интеллекта в преподавании русского языка и литературы, приводят примеры применения нейросети GigaChat в работе учителя русского языка и литературы, показывают, как с помощью нейросети GigaChat можно создавать интересные задания к урокам и проверять письменные работы учащихся [Васильев и др. 2023: 338]. Подобные рекомендации нашли отражение в работах многих ученых [Дрейцер 2024; Сафонова 2024; Столярова 2024; Федорова 2024]. О. А. Максименко рассматривает возможности применения искусственного интеллекта для эффективного изучения русского языка и литературы на занятиях в учреждениях высшего образования и приводит упражнения и творческие задания; планирует перспективы дальнейших исследований в области методологии применения ИИ как нового способа познания действительности [Максименко 2023].

Возрастной диапазон использования ИИ в дидактических целях, видимо, не ограничен (оно возможно начиная с детского сада). А. Б. Лыкова и соавторы пишут: «Перспективой для развития детей дошкольного уровня может послужить сервис

Synthesisia. Этот сервис преобразовывает текстовое описание или сценарий в наглядное представление или иными словами в видеоматериал с огромным множеством виртуальных персонажей с озвучкой» [Лыкова и др. 2023: 172].

Возможно использование ИИ в других целях и форматах преподавания русского языка в высшей школе. По мнению Е. М. Захцер, «составлять синквейн очень просто и быстро, работа над его созданием развивает образное мышление и структурирует словарный запас, приобретенный студентом в рамках пройденной темы, а также гармонично сочетает элементы всех трех основных образовательных систем: информационной, деятельностной и личностно ориентированной. При этом каждый студент поглощен своими собственными ситуационно- деловыми открытиями» [Захцер 2023: 86] (см. также [Нестерова и др. 2022]).

Промт и майндмэп – элементарная тактическая единица в парадигме искусственного интеллекта

Составление задания – акт метаязыковой деятельности [Язык о языке... 2000]. Носитель языка в данной функции встает в позицию лингвиста, оценивающего язык и речь. Владение метаязыковой функцией в настоящее время не является предметом обязательного обучения. Например, такой атрибут метаязыкового сознания, как определение (дефиниция), важен для выработки логического мышления с выходом в научное мышление. Дефинирование знаменует переход от уровня представлений и образов к понятийному мышлению [Ветров 1958]. Простое описание (особенно на уровне внешних признаков) еще тесно привязано к представлению, донаучная дефиниция – отрыв от внешнего, переход к внутренним существенным признакам. Однако в лингвистике крайне редко ставится вопрос о дефиниции как особом речевом жанре [Шиканова 2013; 2017]. Промт – тесно связан с определением, составление промта – с описанием образа с элементами дефинирования (выделение существенных признаков, ключевых слов), озаглавливанием.

Считаем, что базовыми единицами трансмутационной методики в формате ИИ в рамках деятельностного подхода являются: 1) словесное задание программе ИИ (промт) и 2) майндмэп.

Говоря о первом, подчеркнем, что формулировка задания – по сути тоже специфический акт речевой деятельности, предполагающий выявление и экспликацию сущности предмета изучения,

кодирование базовой информации, выделение опорных точек. В предлагаемой системе эти процедуры – переход от холистического к поэментному образу предмета (темы изучения), от чувственного к логическому, когда в результате расчленения целого на элементы происходит трансформация чувственного образа в понятие. А. А. Ветров пишет: «Если мы умеем указать отдельно, один за другим, признаки предмета, мы обладаем понятием, если же мы этого не в состоянии сделать, мы находимся на стадии представления» [Ветров 1958: 42–43].

Промт (*prompt*) – это запрос, инструкция или входные данные, которые отправляются нейросети для выполнения конкретной задачи. Он определяет, что именно нужно сделать модели и какую информацию использовать для генерации текстового ответа, кода, изображений, видео и другого контента³. Формулировка задания предполагает хорошее понимание текста, вычленение в нем главного элемента, структуры, образных компонентов. Например, разбиение стихотворения для трансмутации в песню на куплеты (выделение припева), подсказки тональности, ритмики, логических ударений. Тем самым традиционный урок трансформируется в урок-тренинг, популярный в современной деловой среде. Вынесение его на «суд» общественности (класса, группы) должно сыграть значимую роль в дидактической перлокуции.

От промта или формулировки запроса зависит то, насколько качественным будет результат. Это предполагает возможность в тактической схеме субъекта-трансмутатора проб-ошибок – шлифовки сценария. Это также является в дидактическом плане развитием речевых умений. Речевой жанр промта – важный инструмент:

1. Формирования речевой культуры. Подчеркнем здесь роль перлокутивной функции речи: успешная коммуникация связана с успешным воздействием на адресата. В данном случае дидактический эффект связан с развитием речевых способностей автора-трансмутатора и адресата-трансмутата. Выдвижение перлокуции на первый план – это выдвижение главного в речевой способности

и отодвижение на второй план менее существенного, даже важного. Формулу такого подхода высказал М. В. Ломоносов: «На немецком надо говорить с врагом, на французском – с женщиной, на итальянском – с Богом, на английском – с другом. А на русском можно говорить со всеми». К сожалению, таких риторических задач по большому счету не ставят перед учителями современные институты управления школой и – как следствие – филологическая методика.

2. Понимания обрабатываемого текста как языко-речевой и художественной сущности. Например: универсальный алгоритм работы школьников с музыкальной трансмутацией стихотворного текста с использованием промта: 1) лично проделать трансформацию какого-либо стихотворения в песню на одном из стихотворных текстов⁴; 2) продумать способы вовлечения детей в такую работу, т.е. разработать урок, проведение которого будет представлять собой педагогический эксперимент; 3) проанализировать его с точки зрения эффективности достижения цели а) мотивационной – формирование интереса к речевой эстетической деятельности; б) филолого-дидактической – развитие рече-эстетической способности, в том числе интереса к чтению качественных художественных текстов и умения их воспринимать эстетически.

Майндмэп (также называемый интеллектуальной картой, диаграммой связей, картой мыслей) – это визуальное представление информации, отражающее системные связи между целым и его частями⁵. Говоря простыми словами, это диаграмма, в центре которой находится тема, а вокруг нее описываются связанные с этой темой идеи, методы реализации и другая релевантная информация⁶. Майндмэп помогает:

1. Проще воспринимать информацию. На карте можно заметить частные пункты и общие.

2. Запоминать информацию. Например, в обучении языкам удобно использовать свой ассоциативный ряд от одной темы к словам или правилам.

3. Создавать *мозговой штурм*. Использовать для этого ассоциации и приходящие идеи, выявлять взаимодействие связей друг с другом.

³ Что такое промт (промпт). *blog.click.ru*. 30.01.2024. URL: <https://blog.click.ru/glossary/prompt/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ NiceBot. URL: <https://nicebot.ru/neiroset-prodoljit-tekst?ysclid=m410keol84538976546> (дата обращения: 14.03.2025).

⁵ Что такое интеллект-карты и как применять их в обучении. *Skillbox Media*. 16.09.2021. URL: <https://skillbox.ru/media/base/chto-takoe-intellektkarty/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁶ Как использовать майнд мэп для создания контента и маркетинговой стратегии. *Контентим*. 22.03.2024. URL: <https://contentteam.ru/blog/marketing-mind-map-for-content/> (дата обращения: 14.03.2025).

4. Объяснять сложное. С помощью майндмэпа можно разбить понятие до мельчайших примеров⁷.

В контексте дидактики важно подчеркнуть преемственность майндмэпа по отношению к планам-конспектам, конспектам-схемам, активно внедрявшимся в 1960–1980-е гг. учителями-новаторами, прежде всего В. Ф. Шаталовым, и концепции опорных сигналов. В настоящее время эти идеи возрождаются в школьном и вузовском образовании в связи с такими понятиями, как ментальная карта [Багауев 2021; Диков 2021; Подъянова 2019; Романичева 2016; Харитоновна, Горбачева 2017]; интеллект-карта [Уразова 2013]; конструктор Илюшина [Шабарова 2023]. Кроме этого, используются алгоритмы майндмэпа [Pauriené 2018]. Перенесение данных идей в область компьютерных технологий [Тихонов 2015] весьма значимо для предлагаемой нами концепции использования ИИ для реализации трансмутационной методики.

Конкретные алгоритмы и примеры создания промтов

Примеры применения промтов и майндмэпов в нейросетях⁸:

1. Для обучения модели. Текстовые описания или примеры, которые используются для тренировки нейросети на конкретных задачах. Например, подписи к изображениям для обучения модели компьютерного зрения.

2. Для генерации текста. Вводные фразы, задающие контекст или направление для нейросетей, генерирующих текст.

3. В чат-ботах. Фразы пользователя, на основе которых чат-бот генерирует ответ, используя модель обработки естественного языка.

Творческий характер трансмутационной деятельности иллюстрирует пост Александра Петрова: *Автор редактирует... О, это таинство переписывания! О, трансмутация, превращение хорошего текста*

*через муки в текст гениальный – или в текст, не годный ни на что. Звонят в голове перетянутые струны. Что впереди: триумф? или годы бесплодных поисков? Все ли я делаю правильно? И делаю ли я правильно хоть что-нибудь? Что сначала, а что потом? Что хорошо, а что плохо? Неужели великие, чьи книги отпечатались во мне, терзали себя теми же вопросами? И как же мне понять, что пора остановиться?*⁹

Изобразительные возможности нейросети, рисующей портреты котов-рыцарей: *котик получился из запроса "kneeling cat knight, portrait, finely detailed armor, intricate design, silver, silk, cinematic lighting, 4k". Перевод – «кот-рыцарь, портрет, мелко детализированные доспехи, замысловатый узор, серебро, шёлк, кинематографическое освещение, 4k»¹⁰.*

Далее представим трансмутационный образ (рис. 1a¹¹) фрагмента строфы XVI гл. 5 романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с помощью программы искусственного интеллекта: *И что же видит?.. за столом Сидят чудовища кругом: Один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой, Здесь ведьма с козьей бородой, Тут остов чопорный и гордый, Там карла с хвостиком, а вот Полужуравль и полукот*¹². Также продемонстрируем трансмутационный образ (рис. 1b) фрагмента строфы XVI гл. 1: *Уж тёмно: в санки он садится. «Пади, пади!» – раздался крик; Морозной пылью серебрится Его бобровый воротник. К Talon помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин. Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток; Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым И ананасом золотым*¹³.

Следующее изображение мы получим, если доработаем промт сами (рис. 2): *Свидетельство светской жизни Евгения Онегина: Первый кадр: Темнота. Молодой златокудрый человек садится в сани, его бобровый воротник покрывается снегом.*

⁷ Mind map, или интеллект-карта: что это такое, как и где ее создать? LPGenerator. 14.02.2022. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/intellekt-karta-cto-eh-to-i-kak-sostavit-mindmap/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁸ Что такое промт (промпт)...

⁹ Пост Редакторской школы А. Петрова. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-166995436_6463?ysclid=m1d52zidiz957405647 (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁰ Очередной шедевр нейросети! Как выглядят коты-рыцари? Дзен. 12.09.2022. URL: https://dzen.ru/a/Yx8mSIztyV_WSxE?ysclid=m334bef9i748609301 (дата обращения: 14.03.2025).

¹¹ Здесь и далее иллюстрации выполнены студентами 2 и 3 курсов ИФИЯМ КемГУ Слезко А. и Огородниковой Е. в рамках факультативного задания на спецсеминаре «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения».

¹² Строфа XVI гл. 5 романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.6/index.html> (дата обращения: 14.03.2025).

¹³ Строфа XVI гл. 1 романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения: 14.03.2025).

а

б

Рис. 1. Трансмутационный образ фрагмента строфы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»
Fig. 1. Transmutation image of a stanza of Alexander Pushkin's Eugene Onegin

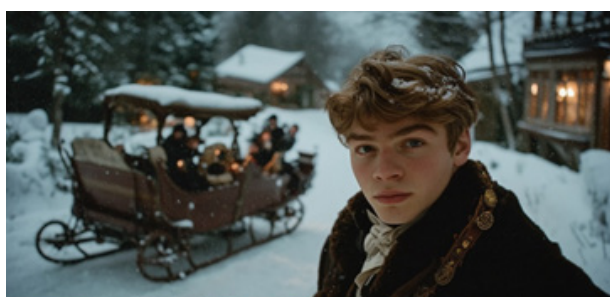

Рис. 2. Трансмутационный образ Евгения Онегина
Fig. 2. A transmutation image of Eugene Onegin

Второй кадр: молодой человек мчит в санях на званый вечер. Третий кадр: на званом вечере его встречают светские знакомые, изобилие угощений – различные вина, ростбиф, трюфели и экзотические блюда, такие как ананасы и лимбургский сыр.

Приведем трансмутационный образ Собакевича из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (рис. 3а), созданный с помощью промта, текст которого максимально приближен к оригинальному: *Русский помещик. Похож на медведя. Крепкого телосложения.*

Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Ноги его похожи на чугунные тумбы. Фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные.

Следующее изображение (рис. 3б) создано по составленному пересказу, который передает суть и настроение оригинала, но без прямой цитаты. Это делается для упрощенного восприятия информации нейросетью и приближения к образу, сформировавшемуся в художественном сознании автора промта: *Русский помещик, очень крепкого, крупного телосложения. Одет во фрак коричневого цвета с длинными рукавами. Внешность неприятная. Лицо круглое, большой нос, цвет лица закаленный. С бакенбардами. В полный рост.*

Таким образом, мы наблюдаем вариативность текста промта и влияние формулировки запроса на результат.

Другие возможности нейросетевой дидактики в сфере среднего и высшего образования

Отметим перспективы использования ИИ в дидактических целях – для повышения и измерения уровня владения родным и иностранными языками. Измерение здесь не вторично, а первично, выполняя функцию объективированной итоговой оценки, оно задает особые параметры процессу обучения. Это направление будет представлено в дальнейшем, в следующих статьях мы намерены показать возможность постановки и достижения цели развития речевых способностей в формате говорения

Рис. 3. Трансмутационный образ Собакевича из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»
Fig. 3. A transmutation image of Sobakevich from Nikolai Gogol's *Dead Souls*

и аудирования и автоматической оценки уровня владения русским языком не только как родным, но и как иностранным, это относится к детям разного возраста, студентам и специалистам «речевых» профессий. Способы и средства второго направления проекта – применение программ (типа «Алиса»), способных вести разговор с людьми. На выходе этого разговора программа оценивает уровень владения собеседником русским языком. Предполагаем, что уровень владения русским языком будет определяться по аналогии со схемами измерения уровня владения иностранным языком [Актуальные вопросы преподавания... 2012; Владимирова и др. 2011; Кулик 2023; Тимашова 2015; Шанская 2010; Щукин 2006].

Необходимо создание программы, которая на основе предшествующего общения ученика с «Алисой» делает заключение об уровне владения русским языком в устном дискурсе в отдельных параметрах (произношение, ударение, интонация, лексический запас, правильность и сложность синтаксиса и т.п.) и обобщает полученные результаты в формате среднестатистической оценки (уровня владения по аналогии с иноязычными системами оценки). Полагаем, что возможно задать «Алисе» программы учебного целеполагания ведения разговора, стимулирующего выявление разных сторон речевой способности ученика. На этом гипотетическом фоне обращает на себя внимание факт

отсутствия системы объективистских методов измерения уровня владения родным (русским) языком, особенно в устно-разговорном формате. Выдвижение таких методов для текущего и итогового контроля в российской школе, на наш взгляд, способствовало бы ориентации филологического образования не только непосредственно на упорядочение контрольно-экзаменационного плана образования, но и – опосредованно – на всестороннее развитие языковой личности и решение задач социализации школьников и профессионализации студентов.

Н. В. Четырина обращает внимание на дидактические свойства чат-ботов и их методические функции. Неудивительно, что они так стремительно интегрируются в языковое образование, привнося множество преимуществ; однако дискуссионными моментами до сих пор остаются проблемы обеспечения качества обратной связи от чат-ботов, информационной безопасности и предупреждения ИИ-плагиата, который обучающиеся могут использовать в дальнейшем [Четырина 2024].

В статье [Базанова и др. 2023] представлены результаты апробации системы тестового контроля, разработанной авторами. Они показали высокую надежность и объективированную валидность тестового контроля. Авторы отмечают, что «новый подход к проверке языковых компетенций может быть использован как в процессе проведения оценки

в высших учебных заведениях, так и для определения или подтверждения уровня владения языком персонала, занятого в различных сферах профессиональной деятельности, а принципы обучения и практического использования нейролингвистических моделей найдут широкое применение в различных областях прикладных исследований» [Там же: 148]. Чат-боты позволяют осуществлять контроль и квалификацию уровня владения не только письменной, но и устной речью. При этом речь может идти не только о контроле и измерении уровня владения / овладения, но и об обучении диалогической речи. Так, С. И. Дрейцер отмечает, что «технологии искусственного интеллекта могут помочь в создании более эффективных и интерактивных обучающих сценариев, которые способствуют глубокому пониманию материала» [Дрейцер 2024: 151].

Заключение

Трансмутационная методология дидактики в некотором роде противостоит традиционным ее формам. Так, процесс изучения литературы обычно ассоциируется с полиаспектным анализом текстов и научных работ. Обращение к интерсемиотическим переводам представляется перспективным, т.к. акцентирует внимание на интерпретационных стратегиях, способствует развитию навыков семиотического и контекстуального анализов. Перевод литературного текста на язык невербального искусства подчиняется особым законам, допускающим в работе интерпретатора большую степень свободы, чем при межъязыковом переводе, и в то же время предполагающим особую ответственность перед интерпретируемым материалом. Понимание смысла переводимого материала связано с готовностью увидеть, услышать исконный текст по-новому, с признанием законов другого искусства, которые могут

потребовать серьезно изменить оригинал. Знаковая система каждого искусства лишь частично готова к перестраиванию. Смысловая доминанта иногда трансформируется при межсемиотическом переводе знаков, что связано со спецификой функционирования системы [Ушакова 2022: 17].

Современная лингводидактика поднимает вопрос об искусственном интеллекте и его перспективах, но в настоящий момент это направление еще нельзя назвать выделенным и системно организованным, поскольку преобладают общие суждения о перспективах направления и частные примеры использования в дошкольной, школьной и вузовской дидактике искусственного интеллекта и нейросетей. Полагаем, что по мере их накопления произойдет качественный скачок в сторону системного моделирования учебного процесса, в котором ИИ будет занимать не периферийную и вторичную роль, но существенно продвинется в сторону базовых элементов современной системы образования и воспитания нового поколения российских учеников.

Перспективы исследования: методическая концепция трансмутационной методологии нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании и – особенно – опыте практических реализаций; необходимо накопление материалов (результаты трансмутаций различного типа, задания для школьников и студентов, разработки уроков) и обобщение их в виде программ обучения и учебных пособий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Актуальные вопросы преподавания и оценки уровня владения иностранным языком в школе и вузе: Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 30 мая 2012 г.) Ульяновск: Тип. Облужинского, 2012. 150 с. [*Current issues in teaching and assessing foreign language proficiency in schools and universities: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ulyanovsk 30 May 2012. Ulyanovsk: Tip. Obluchinskogo, 2012, 150. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/uwkdkt>
- Анисимов А. С., Ястребов С. А., Хмелев Е. Г. Будущее искусственного интеллекта в системе образования. *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 86-8. С. 139–142. [Anisimov A. S., Yastrebov S. A., Khmelev E. G. The future of artificial intelligence in education. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija*, 2022, (86-8): 139–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/trnio-06-2022-387>
- Багауев Ю. Д. Интеллектуальные карты как один из инструментов обучения в образовательном процессе студентов. *Художественное образование: интердисциплинарная социокультурная среда, трансляция*

- художественных ценностей: Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 8–19 ноября 2021 г.) Чита: ЗабГУ, 2021. С. 100–103. [Bagauv Yu. D. Mind maps as one of the learning tools in the educational process of students. *Art education: Interdisciplinary socio-cultural environment, transmission of artistic values*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 8–19 Nov 2021. Chita: TbsU, 2021, 100–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkptsq>
- Базанова Е. М., Горизонтова А. В., Грибова Н. Н., Чикаке Т. М., Самосюк А. В. Разработка и перспективы развития национальной интеллектуальной системы тестирования общеязыковых компетенций (исток) на базе нейросетевых решений. *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 147–166. [Bazanova E. M., Gorizontova A. V., Gribova N. N., Chikake T. M., Samosyuk A. V. Development and prospects of national intelligent system for testing general language competencies deployed through neural network solutions. *Higher Education in Russia*, 2023, 32(8-9): 147–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-147-166>
- Базылев В., Дутко Н., Чекийска-Иванова Д. Занятие как театр и театр как занятие (на примере авторского учебного комплекса «Театральные чтения»). *Русский язык в центре Европы*. 2021. № 1. С. 66–75. [Bazylev V., Dutko N., Chekiska-Ivanova D. Lesson as theater and theater as a lesson: Experimental education complex of Theatrical Readings. *Russkij jazyk v centre Evropy*, 2021, (1): 66–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ccqkzq>
- Байдина Д. В. Функционирование литературного текста в пространстве современного танца. *Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой*: конф. (Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 г.) СПб.: СПбГУ, 2022. [Baydina D. V. Functioning of literary text in contemporary dance space. *Abstracts of the 50th International Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya*: Proc. Conf., St. Petersburg, 15–23 Mar 2022. St. Petersburg: SPbSU, 2022. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dtpgmq>
- Бодянская А. С., Синегубова К. В. Видеоклип как форма интерпретации поэтического текста. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 2. С. 47–55. [Bodyanskaya A. S., Sinegubova K. V. Music video as a poetic interpretation. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(2): 47–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-2-47-55>
- Бондаренко М. В. Обработка связанного текста с помощью нейросети для создания изображений. Угрозы и риски на Юге России в условиях геополитического кризиса. *Достижения и перспективы научных исследований молодых ученых Юга России*: Всерос. конф. с Междунар. уч., XIX Ежегодная молодежная науч. конф. (Ростов-на-Дону, 15 марта – 29 апреля 2023 г.) Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2023. С. 299. [Bondarenko M. V. Processing of an associated text using a neural network to create images. *Threats and risks in the South of Russia in the context of the geopolitical crisis. Achievements and prospects of scientific research of young scientists of the South of Russia*: Proc. All-Russian Conf. with Intern. Participation, XIX Annual Youth Sci. Conf., Rostov-on-Don, 15 Mar – 29 Apr 2023. Rostov-on-Don: SSC RAS, 2023, 299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gpmjme>
- Букатов В. М. Драмогерменевтика: основные положения «режиссуры урока». А. С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. *Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем*: III Междунар. конф. (Самара, 17–19 мая 1999 г.) Самара: СамГПУ, 1999. С. 57–60. [Bukatov V. M. Drama hermeneutics: Basic principles of directing a lesson. *Alexander Pushkin and Russian historical and cultural consciousness*: Proc. Intern. Conf., Samara, 17–19 May 1999. Samara: SSPU, 1999, 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uatcoj>
- Букатов В. М. Драмогерменевтика: основные положения, методические ориентиры и образовательная практика. *Эстетика и герменевтика*: Всерос. науч. конф. (Москва, 11 декабря 2020 г.) М.: Макс Пресс, 2022. С. 107–112. [Bukatov V. M. Dramohermentics: Basis provisions, methodological guidelines and educational practice. *Aesthetics and hermeneutics*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 11 Dec 2020. Moscow: Maks Press, 2022, 107–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29003/m2557.978-5-317-06726-7/107-112>
- Букатов В. М. Уроки чтения: технология двух встреч для группового (и индивидуального) постижения смысла научно-методических материалов студентами вузов, колледжей и учащимися педагогических классов. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2023. № 1. С. 105–129. [Bukatov V. M. Reading lessons: Two-meetings for group/individual comprehension the meaning of scientific and methodological materials by students of universities, colleges, and pedagogical classes. *Innovation in psychological and pedagogical studies*, 2023, (1): 105–129. (In Russ.)] https://doi.org/10.51944/20722516_2023_1_105
- Васильев А. В., Петрова В. Ю., Базаркина О. А. Применение технологий искусственного интеллекта в работе учителя русского языка и литературы. *Трансформация информационно-коммуникативной среды*

- общества в условиях вызовов современности: II Междунар. науч.-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.) Комсомольск-на-Амуре: КнАГУ, 2023. С. 338–340. [Vasiliev A. V., Petrova V. Yu., Bazarkina O. A. The application of artificial intelligence in the work of a Russian language and literature teacher. *Transformation of the information-communication environment of society under modern challenges: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Komsomolsk-on-Amur, 30 Nov – 1 Dec 2023.* Komsomolsk-on-Amur: KnASU, 2023, 338–340. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dbisby>
- Ветров А. А. Расчлененность формы как основное свойство понятия. *Вопросы философии*. 1958. № 1. С. 39–46. [Vetrov A. A. Segmentation of form as the main property of the concept. *Voprosy Filosofii*, 1958, (1): 39–46. (In Russ.)]
- Владимирова Т. Е., Андрушина Н. П., Битехтина Г. А., Иванова А. С., Клобукова Л. П., Красильникова Л. В., Нахабина М. М., Соболева Н. И., Стародуб В. В., Степаненко В. А. Требования к первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. СПб.: Златоуст, 2011. 64 с. [Vladimirova T. E., Andryushina N. P., Bitehtina G. A., Ivanova A. S., Klobukova L. P., Krasilnikova L. V., Nakhabina M. M., Soboleva N. I., Starodub V. V., Stepanenko V. A. *Requirements for the first certification level of proficiency in Russian as a foreign language. General command.* St. Petersburg: Zlatoust, 2011, 64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tukvuj>
- Геро И. К. Активизация речевой деятельности учащихся на уроках русского языка в 5–7 классах средствами живописи и музыки: дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 293 с. [Gero I. K. *Activation of speech activity of students in Russian language lessons in grades 5–7 through painting and music.* Cand. Ped. Sci. Diss. Moscow, 2017, 293. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Аксиология ментально-коммуникативного плана современной виртуальной педагогической коммуникации: дискуссионные заметки. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 4. С. 204–214. [Golev N. D. Cognitive and communicative axiology of modern virtual pedagogical communication: Notes for discussion. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(4): 204–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-204-214>
- Голев Н. Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 1024–1031. [Golev N. D. Codes of modern written communication: Acoustic-auditory vs. manual-visual. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2021, 23(4): 1024–1031. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1024-1031>
- Голев Н. Д. Развитие языкового чувства как фундаментальный принцип школьной филологии. *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты*: науч.-практ. конф. (Барнаул, 24–26 января 2003 г.) Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 5–18. [Golev N. D. Developing a sense of language as a fundamental principle of school philology. *Natural written Russian speech: Research and education: Proc. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 24–26 Jan 2003.* Barnaul: ASU, 2002, 5–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbzrbv>
- Голев Н. Д. Развитие языковой способности детей (школьное сочинительство и стилизация). *Мир русского слова*. 2004. № 4. С. 105–109. [Golev N. D. Development of schoolchildren's linguistic ability: Essay writing and stylization. *World of Russian Word*, 2004, (4): 105–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sddcet>
- Голев Н. Д., Иркова А. В., Лебедева Н. Б., Печенкина Е. А. Компьютерные программы (машинный перевод, сравнение текстов на схожесть, поисковые системы) в практике преподавания филологических дисциплин в вузе исходные положения (преамбула). *Социальные сети*, отв. ред. Л. Г. Ким, О. П. Сологуб. Кемерово: КемГУ, 2024. С. 89–127. [Golev N. D., Irkova A. V., Lebedeva N. B., Pechenkina E. A. Computer programs (machine translation, text comparison, search engines) in teaching philological disciplines at the university: Basic provisions (preamble). *Social Networks*, eds. Kim L. G., Sologub O. P. Kemerovo: KemSU, 2024, 89–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ofrprj>
- Губанова М. И., Гайдук В. И. Обучение каллиграфии на уроках русского языка. *Вестник научных конференций*. 2016. № 7-2. С. 38–40. [Gubanova M. I., Gaiduk V. I. Teaching calligraphy in Russian language classes. *Herald of Scientific Conferences*, 2016, (7-2): 38–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xidqmh>
- Диков А. В. Опорные сигналы Шаталова, копирующая доска и социальные сервисы ментальных карт. *Школьные технологии*. 2021. № 5. С. 88–98. [Dikov A. V. Shatalov's reference signals, copying board and mind maps social services. *Shkolnye tehnologii*, 2021, (5): 88–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcvnqj>

- Дмитриева А. В. Значение каллиграфии для формирования грамотного письма учащихся начальной школы. *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 6. С. 835–838. [Dmitrieva A. V. The importance of calligraphy in forming correct writing skills in primary school students. *Alleja nauki*, 2019, 1(6): 835–838. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/crtgpn>
- Дрейцер С. И. Использование технологий искусственного интеллекта при разработке учебных диалогов для обучения будущих педагогов с помощью онлайн-симуляций. *Вестник МПГУ. Серия: Информатика и информатизация образования*. 2024. № 2. С. 151–165. [Dreytser S. I. Using artificial intelligence technologies in the development of educational dialogues for training future teachers using online simulations. *MCU Journal of Historical Studies*, 2024, (2): 151–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2072-9014.2024.68.2.13>
- Захцер Е. М. Стихи как средство развития профессиональной лексики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023. Т. 13. № 1. С. 84–90. [Zakhster E. M. Poems as a means of developing professional vocabulary. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2023, 13(1): 84–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-1-84-90>
- Илюшин Л. С. Использование «Конструктор задач» в разработке современного урока. *Школьные технологии*. 2013. № 1. С. 123–132. [Ilyushin L. S. The use of "task designer" for the development of modern lesson. *Shkolnye tehnologii*, 2013, (1): 123–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxsbon>
- Каллиграфия: связь времен и социальных практик развития человека: II Краевая науч.-практ. конф. с Межрегион. уч. (Бийск, 1–4 ноября 2023 г.) Бийск: Бийский филиал им. В. М. Шукшина АлтГПУ, 2023. 170 с. [Calligraphy: The connection of times and social practices for personality development: Proc. II Region. Sci.-Prac. Conf. with Interregion. Participation, Biysk, 1–4 Nov 2023. Biysk: Biysk branch named after V. M. Shukshin AltSPU, 2023, 170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ichtxb>
- Касымова Р. Т. Понимание и интерпретация как разновидности кодирования (перекодирования). *Языки и этнокультуры Европы: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Глазов, 20–21 ноября 2014 г.) Глазов: ГГПИ, 2015.* [Kassymova R. T. Understanding and interpretation as types of coding (re-coding). *Languages and ethnocultures of Europe: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Glazov, 20–21 Nov 2014.* Glazov: GGPI, 2015. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhsddd>
- Ким Л. Г., Парфиненко О. Н. Диктумно-модусные интерпретации исходного текста в сочинениях ЕГЭ по русскому языку. *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 3. С. 195–202. [Kim L. G., Parfinenko O. N. Dictum-modus interpretations of the source text in the unified state exam essays in Russian. *Philological Class*, 2024, 29(3): 195–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-3-195-202>
- Кондракова С. О. Опорные сигналы В. Ф. Шаталова – средство активизации творческого подхода к учебному процессу. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 65. С. 404–408. [Kondrakova S. O. V. Shatalov's reference signals as means of activation of the creative approach to the teaching process. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (65): 404–408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lsqdlp>
- Кузнецова Г. В. Драмогерменевтический подход на занятиях со старшими дошкольниками. *Дошкольное воспитание*. 2014. № 1. [Kuznetsova G. V. Drama hermeneutics approach in working with preschool children. *Preschool Education*, 2014, (1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shkvjt>
- Кулик А. Д. Интегративно-модульный подход и его реализация в профессионально ориентированном обучении иностранных студентов-нефилологов. М.: МПГУ, 2023. 204 с. [Kulik A. D. Integrative-modular approach and its implementation in professionally-oriented teaching of non-philology foreign students. Moscow: MPSU, 2023, 204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ybgehm>
- Лавлинский С. П. «Удовольствие от текста» и проблемы теоретической рефлексии категории фантастики. *Новый филологический вестник*. 2021. № 1. С. 36–43. [Lavlinsky S. P. "The pleasure of the text" and the issues of theoretical reflexion on fantastic category. *The New Philological Bulletin*, 2021, (1): 36–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00002>
- Логонова Е. Г. К вопросу о трансформации пьесы в спектакль: от трансмутации и транскодификации к рекуррентности и резонансу. *Критика и семиотика*. 2023. № 1. С. 398–418. [Loginova E. G. On the transformation of a play into a theatrical performance: from transmutation and transcodification to recurrent semiosis and resonance. *Kritika i semiotika*, 2023, (1): 398–418. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2023-1-398-418>

- Лыкова А. Б., Шацкий В. А., Никонорова Л. И. Нейросети в дошкольном образовании. *Инженерное обеспечение инновационных технологий в АПК: Междунар. науч.-практ. конф. (Мичуринск, 25–27 октября 2023 г.)* Мичуринск: БИС, 2023. С. 169–173. [Lykova A. B., Shatsky V. A., Nikonorova L. I. Neural networks in preschool education. *Engineering support of innovative technologies in agriculture: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Michurinsk, 25–27 Oct 2023.* Michurinsk: BIS, 2023, 169–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hffwprn>
- Максимова С. А. Типы обыденной интерпретации художественных текстов рядовыми носителями русского языка подросткового возраста (на материале интерпретирующих высказываний): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 164 с. [Maksimova S. A. *Types of everyday interpretation of literary texts by ordinary teenage speakers of Russian: Interpretive statements.* Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uciuhh>
- Максименко О. А. Искусственный интеллект: новые подходы в образовании. *Информационные технологии в образовании.* 2023. № 6. С. 213–217. [Maksimenko O. A. Artificial intelligence: New approaches in education. *Informacionnye tehnologii v obrazovanii*, 2023, (6): 213–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwgezj>
- Мельник Н. В. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 13. С. 69–73. [Melnik N. V. Derivational interpretation of the different types of secondary texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (13): 69–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcwfhf>
- Наумова А. Ю., Горшкова В. Е. Перевод vs трансмутация (на материале романа Стивена Кинга «Сияние»). *Вестник Иркутского университета.* 2022. Вып. 25. С. 115–116. [Naumova A. Yu., Gorshkova V. E. Interpretation vs transmutation (based on novel "The shining" by Stephen King). *Bulletin of Irkutsk University*, 2022, (25): 115–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plqlfu>
- Нестерова Е. В., Каменева С. И., Лакомова М. Н. Использование методических приемов синквейн, хокку, даймонд на уроках в начальной школе. *Преподаватель года 2022: II Междунар. профес.-исслед. конкурс. (Петрозаводск, 7 декабря 2022 г.)* Петрозаводск: Новая наука, 2022. С. 213–218. [Nesterova E. V., Kameneva S. I., Lakomova M. N. The use of methodological techniques of cinquain, haiku, diamond the classroom in elementary school. *Teacher of the Year 2022: Proc. II Intern. Profess.-Research Competition, Petrozavodsk, 7 Dec 2022.* Petrozavodsk: New Science, 2022, 213–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbulvm>
- Ножина О. И., Крамаренко О. К. Из опыта внедрения активно-продуктивного чтения в практику преподавания литературы и театральнo-игровой деятельности в ООО. *Образовательные технологии в современном учебно-воспитательном пространстве: III Всерос. метод.-практ. конф. (Петрозаводск, 24 июня 2021 г.)* Петрозаводск: Новая наука, 2021. С. 70–76. [Nozhina O. I., Kramarenko O. K. From the experience of introducing the action-productive reading into teaching of literature and drama-playing activities at secondary school. *Education technologies in the modern education environment: Proc. III All-Russian Method.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 24 Jun 2021.* Petrozavodsk: New Science, 2021, 70–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cprrrxb>
- Огаркова А. А. Влияние занятий каллиграфией на развитие личности ребёнка. *Психология образования в поликультурном пространстве.* 2012. Т. 4. № 20. С. 131–135. [Ogarkova A. A. The influence of calligraphy classes on the personality development of a child. *Psychology of education in multicultural space*, 2012, 4(20): 131–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzifol>
- Отрешко Л. И. Инновационные подходы к художественно-эстетическому развитию дошкольников. *Непрерывное образование в современном мире: история, проблемы, перспективы: VI Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Борисоглебск, 30 марта 2019 г.)* Борисоглебск: Перо, 2019. С. 75–77. [Otreshko L. I. Innovative approaches to artistic and aesthetic development of preschoolers. *Continuous education in the modern world: History, problems, and prospects: Proc. VI All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf., Borisoglebsk, 30 Mar 2019.* Borisoglebsk: Pero, 2019, 75–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqlust>
- Первова Г. М., Ерошина Ю. Г. Рецептивная эстетика как научное направление и основа методики литературного чтения. *Дошкольное и начальное образование: современные проблемы и перспективы развития: II Всерос. науч.-практ. конф. (Тамбов, 21 октября 2015 г.)* Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 173–180. [Pervova G. M., Eroshina Yu. G. Receptive aesthetics as a scientific field and basis for literare reading. *Preschool and primary education: Current issues and development prospects: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Tambov, 21 Oct 2015.* Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2015, 173–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcskxn>

- Платон. Философское наследие. Сочинения Платон, пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева, А. Н. Егунова, Н. В. Самсонова. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 622 с. [Plato. *Philosophical legacy. The works of Plato*, tr. Averintseva S. S., Egunova A. N., Samsonova N. V. Moscow: Mysl, 1968, vol. 1, 622. (In Russ.)]
- Подъянова С. М. Опорные сигналы – средство развития умений смыслового чтения текстов на уроках окружающего мира. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2019. № 4. С. 133–137. [Podieanova S. M. Support signals as the means of developing semantic skills of the texts in science lessons. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2019, (4): 133–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fuskiz>
- Пятакова Е. А. Каллиграфия. Умение писать или искусство распознавать собственную правду? *Итоги и перспективы научных исследований*. 2017. № 4. С. 34–42. [Piatakova E. A. Calligraphy. The skill of writing a good hand or the skill of understanding this good hand? *Itogi i perspektivy nauchnyh issledovanij*, 2017, (4): 34–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvnlth>
- Романичева Е. С. Как сблизить уроки русского языка и литературы: от задач М. А. Рыбниковой к новому образовательному контенту. *На путях к новой школе*. 2016. № 3. С. 49–51. [Romanicheva E. S. How to make lessons of Russian closer to lessons of literature: From the tasks of M. A. Rybnikova to a new educational content. *Na putjah k novej shkole*, 2016, (3): 49–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txrdwe>
- Романова С. С., Заварина С. Ю. Работа над художественным произведением с использованием музыкального оформления. *Инновации в образовании: теория и практика*, ред. Т. В. Горбунова. Чебоксары: ЧГУ им. И. Я. Яковлева, 2024. С. 156–161. [Romanova S. S., Zavarina S. Yu. Musical design of a work of art. *Innovations in education: Theory and practice*, ed. Gorbunova T. V. Cheboksary: CSPU named after I. Ya. Yakovlev, 2024, 156–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mcbkoy>
- Сафонова О. В. Использование моделей искусственного интеллекта на уроках русского языка и литературы в средней школе. *Педагогическая инноватика и непрерывное образование в XXI веке: II Междунар. науч.-практ. конф.* (Киров, 20 мая 2024 г.) Киров: ВГАТУ, 2024. С. 318–321. [Safonova O. V. Artificial intelligence models in Russian language and literature lessons at secondary schools. *Pedagogical innovation and continuous education in the 21st century: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kirov, 20 May 2024. Kirov: VSATU, 2024, 318–321. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbpcwi>
- Столярова М. О. Использование искусственного интеллекта в преподавании русского языка и литературы. *Информационные технологии в образовательном процессе вуза и школы: XVIII Всерос. науч.-практ. конф.* (Воронеж, 27 марта 2024 г.) Воронеж: ВГПУ, 2024. С. 326–330. [Stolyarova M. O. Using artificial intelligence in teaching Russian language and literature. *Information technologies at universities and schools: Proc. XVIII All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Voronezh, 27 Mar 2024. Voronezh: VSPU, 2024, 326–330. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvnmzl>
- Тимашова Н. А. Владение иностранным языком. Общеввропейская шкала уровней языковых компетенций. *Теория и практика инновационных технологий в АПК: конф.* (Воронеж, 16–20 марта 2015 г.) Воронеж: Воронежский ГАУ, 2015. [Timashova N. A. Foreign language proficiency. *Common European framework of reference for languages. Theory and practice of innovative technologies in agribusiness: Proc. Conf.*, Voronezh, 16–20 Mar 2015. Voronezh: Voronezh SAU, 2015. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uurlnd>
- Тихонов А. М. Компьютерные опорные сигналы. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2015. № 2. С. 66–71. [Tikhonov A. M. Computer support signals. *Bulletin of Moscow University. Series 20: Pedagogical Education*, 2015, (2): 66–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2015-2-66-71>
- Трефилова А. О. Рецептивная эстетика как способ развития универсальных учебных действий (написание развернутого ответа). *Учебная самостоятельность личности – основа образования через всю жизнь: Междунар. науч.-практ. конф.* (Иркутск, 27 апреля – 10 мая 2018 г.) Иркутск: ИГУ, 2018. С. 470–473. [Trefilova A. O. Receptive aesthetics as a means of developing universal learning actions: Writing an extended answer. *Personal academic independence as a foundation of lifelong learning: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Irkutsk, 27 Apr – 10 May 2018. Irkutsk: ISU, 2018, 470–473. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynzubf>
- Уразова М. Б. Обучение будущих учителей применению интеллект-карты на занятиях по русскому языку и литературе. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 11. С. 49–53. [Urazova M. B. Learning the future teachers to use intellect-cards on occupation of the Russian language and literature. *Scientific*

- Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, (11): 49–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swlktj>
- Ускова И. Интернет-ресурсы на уроках русского языка. *Русская словесность*. 2016. № 2. С. 103–104. [Uskova I. Internet resources in Russian language lessons. *Russian Literature*, 2016, (2): 103–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyjsyr>
- Ушакова А. Н. Значение использования интерсемиотических переводов в процессе изучения литературы. *Управление образованием: теория и практика*. 2022. № 6. С. 17–24. [Ushakova A. N. The importance of using intersemiotic translations in the process of studying literature. *Education Management Review*, 2022, (6): 17–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25726/w5079-5876-7838-q>
- Федорова Ю. В. Инструменты нейросети – в помощь учителю русского языка и литературы. *Непрерывность образования: от школы к вузу: 7 Всерос. науч.-метод. школа-семинар*. (Ульяновск, 25 октября 2023 г.) Ульяновск: УлГТУ, 2024. С. 257–259. [Fedorova Y. V. Neural network tools to assist Russian language and literature teachers. *Continuity of education: From school to university: Proc. 7 All-Russian Sci.-Method. School-Seminar*, Ulyanovsk, 25 Oct 2023. Ulyanovsk: USTU, 2024, 257–259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjhgtj>
- Филиппова И. Н. Трансмутация: новая экранная жизнь литературы? *Science and education: Research and development in the era of globalization: II European Intern. Resear.-Prac. Media Conf.* (Vienna, 31 мая 2019 г.) Vienna: Open knowledge, 2019. С. 23–28. [Filippova I. N. Transmutation: New screen life of literature? *Science and education: Research and development in the era of globalization: Proc. II European Intern. Resear.-Prac. Media Conf.*, Vienna, 31 May 2019. Vienna: Open knowledge, 2019, 23–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/veuddo>
- Флоря А. В. Драма как синтетический род литературы. *Русская словесность*. 2025. № 2. С. 43–48. [Florya A. V. Drama as a syncretic form of literature. *Russkaja slovesnost*, 2025, (2): 43–48. (In Russ.)] https://doi.org/10.47639/0868-9539_2025_2_43
- Фуксон Л. Ю. История герменевтики. 2-е изд., испр. и доп. М.: Перо, 2023. 228 с. [Fukson L. Yu. *History of hermeneutics*. 2nd ed. Moscow: Pero, 2023, 228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fczejf>
- Фуксон Л. Ю. Начало чтения. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2024. Т. 34. № 2. С. 384–388. [Fuson L. Yu. The beginning of reading. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2024, 34(2): 384–388. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykoiwb>
- Фуксон Л. Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассиздат, 2007. 222 с. [Fukson L. Yu. *Reading*. Kemerovo: Kuzbassizdat, 2007, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsuxit>
- Харитоновна Е. Ю., Горбачева О. А. Дидактический потенциал ментальных карт. *Вестник Белгородского института развития образования*. 2017. № 1. С. 36–43. [Kharitonova E. Yu., Gorbacheva O. A. Didactic potential of mind maps. *Bulletin of BELIED*, 2017, (1): 36–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykoiwb>
- Холбоев Б. М., Туремуратова А. А. Искусственный интеллект в образовании. *Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе: XV Междунар. науч.-метод. конф.* (Пермь, 20 марта – 26 апреля 2023 г.) Пермь: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2023. С. 250–256. [Holboev B. M., Turemuratova A. A. Artificial intelligence in education. *Modern innovative educational technologies in the information society: Proc. XV Intern. Sci.-Method. Conf.*, Perm, 20 Mar – 26 Apr 2023. Perm: Plekhanov RUE, 2023, 250–256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqalwg>
- Черниговская Т. В. ИИ против человечества: шах и... мат? *Бюджет*. 2018. № 3. С. 68–71. [Chernigovskaya T. V. AI vs. Humanity: Checkmate? *Bjudzhet*, 2018, (3): 68–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbvihb>
- Четырина Н. В. Организационно-педагогические условия обучения студентов иноязычному письменному взаимодействию на основе практики с чат-ботами. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 29. № 6. С. 1590–1607. [Chetyrina N. V. Organizational and pedagogical conditions for teaching students foreign language written interaction based on practice with chatbots. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2024, 29(6): 1590–1607. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1590-1607>
- Чечко Т. Н. Драмогерменевтика в прочтении литературного текста. *Русский мир в контексте глобальных вызовов современности: XLVI Междунар. науч.-практ. конф.* (Тюмень, 24–25 мая 2023 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2024. С. 146–149. [Chechko T. N. Drama hermeneutics in literary text interpretation. *The Russian world in the context of contemporary global challenges: Proc. XLVI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tyumen, 24–25 May 2023. Tyumen: TSU, 2024, 146–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cdalbk>

- Чович Б. К вопросу об отношении интер- и интралингвистического к интер-семиотическому переводу. *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2014а. № 1. С. 496–506. [Chovich B. On the relationship between inter- and intra-linguistic toward inter-semiotic translation (or transmutation). *Russian Language and Culture Through the Prism of Translation*, 2014a, (1): 496–506. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waiiqf>
- Чович Б. О трех типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации. *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. 2014b. № 3. С. 47–58. [Chovich B. On the relationship between inter and intralinguistic translation methods toward transmutation. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2014b, (3): 47–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sntmyx>
- Чувакин А. А. Деривационные отношения как тип межтекстовых взаимодействий (к предмету текстодериватологии). *Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии*: Всерос. конф. (Томск, 27–29 марта 1998 г.) Томск: ТГУ, 1998. С. 23–24. [Chuvakin A. A. Derivation relations of intertextual interactions in text derivation. *Actual problems of derivatology, motivology, and lexicography*: Proc. All-Russian Conf., Tomsk, 27–29 Mar 1998. Tomsk: TSU, 1998, 23–24. (In Russ.)]
- Чуреева О. А. Театральный текст как результат трансмутации: соотношение первичной и вторичной моделирующих систем. *Критика и семиотика*. 2023а. № 1. С. 469–483. [Chureyeva O. A. Theatrical text as a result of transmutation: Correlation between primary modeling system and secondary modeling system. *Criticism and Semiotics*, 2023a, (1): 469–483. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2023-1-469-483>
- Чуреева О. А. Трансмутация как инструмент интерпретации драматического текста. *Русская речь*. 2023b. № 3. С. 117–127. [Chureyeva O. A. Transmutation as a tool of dramatic text interpretation. *Russian Speech*, 2023b, (3): 117–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013161170026405-4>
- Шабарова Г. К. Сравнительный анализ повести М. Симашко «Емшан» и баллады А. Майкова «Емшан» на уроках русского языка и литературы. *III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24 мая 2023 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 684–690. [Shabarova G. K. Comparative analysis M. Simashko's story "Emshan" and ballads by A. Maykov "Emshan" at the lessons of the Russian language and literature. *III Kostomarovsky forum. Slavic culture: Origins, traditions, interaction*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 24 May 2023. Moscow: Pushkin Institute, 2023, 684–690. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jcrpza>
- Шанская Л. А. Оценивание уровня владения иностранным языком на неязыковых специальностях. *Проблемы качества подготовки в современном вузе*: Всерос. науч.-метод. конф. (Самара, 16 июня 2010 г.) Самара: СаГА, 2010. С. 55–63. [Shanskaya L. A. Assessing the level of foreign language proficiency in non-linguistic specialties. *Education quality in a modern university*: Proc. All-Russian Sci.-Metod. Conf., Samara, 16 Jun 2010. Samara: SAH, 2010, 55–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scnjhf>
- Ши Л. Исследование реформы преподавания русского языка в вузах на фоне искусственного интеллекта. *Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога*: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 28–30 марта 2024 г.) Тверь: ТвГУ, 2024. С. 543–546. [Shi L. Exploration of Russian language teaching reform in universities under the background of artificial intelligence. *Traditions and innovations in professional training and teachers' activity*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Tver, 28–30 Mar 2024. Tver: TSU, 2024, 543–546. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uoozcm>
- Шиканова Т. А. Обыденные дефиниции медицинских терминов как продукт метаязыковой деятельности рядовой языковой личности. *Речевая коммуникация в современной России*: III Междунар. конф. (Омск, 27–30 июня 2013 г.) Омск: ОмГУ, 2013. С. 267–276. [Shikanova T. A. Ordinary definitions of medical terms as a product of metalinguistic activity of a common linguistic personality. *Speech communication in modern Russia*: Proc. III Intern. Conf., Omsk, 27–30 Jun 2013. Omsk: OmSU, 2013, 267–276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sipggv>
- Шиканова Т. А. Терминологическая дефиниция как форма метаязыковой деятельности. *Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике*, ред. В. А. Богородицкая, А. А. Шарাপкова. М.: Макс Пресс, 2017. С. 355–364. [Shikanova T. A. Terminological definition as a form of metalinguistic activity. *Methodological foundations of cognition and communication research in modern linguistics*, eds. Bogoroditskaya V. A., Sharapkova A. A. Moscow: Maks Press, 2017, 355–364. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqmmvd>

- Шпильная Н. Н. Принципы деривационного моделирования текстообразования. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 4. С. 73–84. [Shpilnaya N. N. Principles of derivational modeling of text production. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, (4): 73–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxevr>
- Щукин А. Н. К вопросу об этапах обучения и уровнях владения русским языком как иностранным. *XXV Пушкинские чтения. А. С. Пушкин и Россия: язык – литература – культура – методика: конф.* (Москва, 24 ноября 2005 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2006. С. 85–109. [Shchukin A. N. On the question of the stages of learning and levels of proficiency in Russian as a foreign language. *XXV Pushkin Readings. A. S. Pushkin and Russia: Language – literature – culture – methodology: Proc. Conf.*, Moscow, 24 Nov 2005. Moscow: Pushkin Institute, 2006, 85–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzdobg>
- Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М., 1978. С. 16–24. [Jakobson R. O. *On linguistic aspects of translation. Issues of translation theory in foreign linguistics*. Moscow, 1978, 16–24. (In Russ.)]
- Язык о языке. М.: Языки русской культуры, общ. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с. [*Language about Language*, ed. Arutyunova N. D. Moscow: Jazyki russkoj kultury, 2000, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqrr>
- Pauriene G. Mind-mapping as a teaching and learning strategy in foreign language learning. *Profile and professional education in a modern multicultural space: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Chelyabinsk, 17–18 Dec 2018. Chelyabinsk: Chelyabinsk branch of the RANEPА, 2018, 51–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfsdbj>
- Zhu S. Drama-hermeneutics in the preparation of the future teacher-philologist. *Master in science and education: Current issues in modern literary education: Proc. VII Intern. Sci. Videoconf.*, Moscow, 5 Apr 2021. Moscow: MPSU, 2021, 80–86. <https://elibrary.ru/wmzhra>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dgsgas>

Коммуникативный аудит виртуального пространства детских школ искусств Иркутской области

Дворовенко Ольга Владимировна

Кемеровский государственный институт культуры, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7218-0535

<https://orcid.org/0000-0002-8128-4302>

dvoroenko_ov@mail.ru

Аннотация: Деятельность официальных представительств детских школ искусств направлена на решение следующих задач: повышение узнаваемости и позиционирование деятельности среди целевой аудитории; позиционирование деятельности и успехов преподавателей; продвижение информации об образовательных программах; информирование об услугах и мероприятиях. Цель статьи – оценить возможности продвижения детских школ искусств в виртуальном пространстве. База исследования – официальные сообщества 12 детских школ искусств Иркутской области в социальной сети ВКонтакте. Коммуникативный аудит виртуального пространства детских школ искусств, проведенный 18 сентября – 18 октября 2024 г., позволил определить статистические показатели вовлеченности подписчиков и актуальную тематику публикаций (новости, афиша, образовательные программы, культура региона и другое). Посредством изучения статистических показателей вовлеченности выявлены тематики, которые вызывают наибольший интерес у подписчиков, – посты о преподавателях, достижениях учеников, проектах школы. Большинство сообществ детских школ искусств имеют высокие показатели вовлеченности, что обусловлено их разнообразным контентом и высокой активностью подписчиков. Очень высокие показатели вовлеченности показали сообщества детской художественной и музыкальной школ г. Тулуна. Они ведут активную работу по продвижению образовательных программ и трансляции успехов учеников и достижений преподавателей в виртуальном пространстве. Установлено, что очень высокий и высокий показатели вовлеченности свидетельствуют об интересе к публикуемому детскими школами искусства материалу и дают возможность сообществам включиться в алгоритмы рекомендаций социальных медиа.

Ключевые слова: детская школа искусств, коммуникативный аудит, виртуальное пространство, официальное представительство, вовлеченность, тематический рейтинг

Цитирование: Дворовенко О. В. Коммуникативный аудит виртуального пространства детских школ искусств Иркутской области. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 242–250. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-242-250>

Поступила в редакцию 02.04.2025. Принята после рецензирования 06.05.2025. Принята в печать 07.05.2025.

full article

Virtual Communicative Review of Children's Art Schools of Irkutsk Region

Olga V. Dvoroenko

Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7218-0535

<https://orcid.org/0000-0002-8128-4302>

dvoroenko_ov@mail.ru

Abstract: Children's art schools use virtual accounts to promote their activities, teachers' achievements, curriculum, services, and events. The author studied twelve accounts of children's art schools located in the Irkutsk Region to evaluate the advertising options that virtual space offers to this category of education establishments. The research covered publications made in VKontakte social network between September 18 and October 18, 2024. It revealed a set

of statistical indicators that demonstrated subscribers' engagement and the most relevant topics, e.g., news, upcoming events, curriculum, local culture, etc. The most popular publications included information about teachers, students' achievements, and art school projects. Most accounts owed their high engagement rates to diverse content and high subscribers' activity. The communities of the Tulun children's art school and children's music school showed very high levels of engagement. The highest engagement levels belonged to the children's art and music schools in Tulun. These schools used social nets to promote their education programs and broadcast achievements of their students and teachers. The accounts with high engagement rates became involved in social media recommendation algorithms. **Keywords:** children's art school, communicative review, virtual space, official representation, involvement, thematic rating

Citation: Dvoroenko O. V. Virtual Communicative Review of Children's Art Schools of Irkutsk Region. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 242–250. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-242-250>

Received 2 Apr 2025. Accepted after review 6 May 2025. Accepted for publication 7 May 2025.

Введение

Детские школы искусств – это учреждения культуры, осуществляющие деятельность в области художественного образования. Вопросы их продвижения в виртуальном пространстве слабо освещены в научных публикациях, а исследования в сфере культуры не отражают присущей им специфики. На данный момент охарактеризованы цели присутствия учреждений культуры в виртуальном пространстве [Дворовенко 2022]; рассмотрено применение инструментов виртуального маркетинга в продвижении учреждений культуры в социальных медиа [Анненкова и др. 2022; Соловьева, Пьянова 2022; Шевцова, Амеличкин 2023]; проведен обзор методики оценки деятельности учреждений культуры [Зиновьева, Костина 2023]; сформулированы рекомендации учреждениям культуры по реализации эффективной работы в соцмедиа [Ланщикова, Сочнев 2024]; даны характеристика инструментов интернет-маркетинга, применяемых для продвижения услуг детских школ искусств, и рекомендации по выстраиванию коммуникативной стратегии [Романович, Холодецкий 2022].

Кроме того, в работе [Серебрякова 2022] предложена модель имиджа детской школы искусств, которая состоит из организационно-целевого и содержательно-деятельностного блоков, блока формирующих условий и критериально-результативного блока. Данная модель в комплексе отражает условия формирования позитивного отношения к образовательной организации. По мнению Д. О. Серебряковой, конкретные условия формирования имиджа складываются посредством применения маркетинговых инструментов, способствующих преобразованию культурно-образовательной

среды детской школы искусств. В свою очередь Н. В. Литвинова утверждает, что требуется сегментировать целевую аудиторию для продвижения коммерческих образовательных программ детских школ искусств. Однако ее исследование [Литвинова 2022] не содержит практических рекомендаций, которые позволили бы определить социально-демографические характеристики целевой аудитории.

Деятельность детских школ искусств в виртуальном пространстве направлена на выстраивание коммуникационного взаимодействия с целевыми аудиториями, такими как 1) родители и законные представители реальных и потенциальных обучающихся (основная целевая аудитория); 2) учредитель (специфическая целевая аудитория); 3) профессиональное сообщество. От заинтересованности первой целевой аудитории зависит выполнение государственного задания; ее удовлетворенность влияет на показатели оценки качества деятельности учреждения. Вторая не только осуществляет мониторинг деятельности детской школы искусств, но и контролирует ее. Третья же целевая аудитория – представители школ искусств региона и других субъектов страны – оценивают деятельность других школ, перенимают опыт их работы, в том числе и в виртуальном пространстве.

Официальный сайт учреждения культуры с актуальным и достоверным контентом рассматривается как главный инструмент продвижения его деятельности в виртуальном пространстве [Соболева 2024; Шефова 2021]. Так, Р. Л. Зайни определяет требования к материалу, размещаемому в виртуальном представительстве учреждения культуры: структурирование информации, регулярность ее обновления,

оригинальные иллюстрации, тематический контент [Зайни 2022]. В дополнение к этому исследователями подчеркивается, что подготовка уникальных материалов является приоритетом при продвижении учреждений культуры в социальных медиа [Лушпей, Дворовенко 2020].

Е. К. Плеханова анализирует сообщества детских школ искусств г. Екатеринбурге в социальной сети ВКонтакте и дает рекомендации по изменению их коммуникационной стратегии в виртуальном пространстве [Плеханова 2024]. Также ученые отмечают, что более детальному рассмотрению вопросов продвижения детских школ искусств способствует подготовка брендбука, который позволяет визуально идентифицировать каждую из школ [Камаева 2022; Трофимов и др. 2023]. Яркая внешняя атрибутика детской школы искусств является одним из элементов ее устойчивого имиджа [Перевышина, Малова 2023: 27].

Деятельность официальных представительств детских школ искусств направлена на решение следующих задач: повышение узнаваемости и позиционирование деятельности среди целевой аудитории; позиционирование деятельности и успехов преподавателей; продвижение информации об образовательных программах; информирование об услугах и мероприятиях. По нашему мнению, отдельного изучения требует контент детских школ искусств в социальных медиа. Таким образом, цель статьи – оценить возможности продвижения детских школ искусств в виртуальном пространстве.

Методы и материалы

18 сентября – 18 октября 2024 г. был проведен коммуникативный аудит детских школ искусств Иркутской области в социальной сети ВКонтакте. Всего в Иркутской области зафиксировано 92 детских школы искусств, в том числе детских музыкальных и художественных школ. Для анализа отобрано 12 школ¹, имеющих более 400 подписчиков:

1. Иркутская областная детская школа искусств (ИО ДШИ): 1040 подписчиков², 14 публикаций;

2. Детская художественная школа № 1 г. Иркутска (ДХШ № 1): 980 подписчиков, 34 публикации;
3. Детская школа искусств г. Саянска (ДШИ г. Саянска): 650 подписчиков, 18 публикаций;
4. Объединенная детская школа искусств № 3 г. Братска (ОДШИ № 3): 579 подписчиков, 28 публикаций;
5. Детская школа искусств № 3 г. Ангарска (ДШИ № 3): 546 подписчиков, 35 публикаций;
6. Детская художественная школа г. Усолье-Сибирское (ДХШ г. Усолье-Сибирское): 464 подписчиков, 23 публикации;
7. Детская школа искусств № 8 г. Иркутска (ДШИ № 8): 462 подписчика, 47 публикаций;
8. Детская художественная школа г. Тулуна (ДХШ г. Тулуна): 447 подписчиков; 15 публикаций;
9. Детская музыкальная школа г. Тулуна (ДМШ г. Тулуна): 441 подписчик, 22 публикации;
10. Детская художественная школа № 2 г. Черемхово (ДХШ № 2): 430 подписчиков, 33 публикации;
11. Детская школа искусств № 2 им. Т. Г. Сафиулиной г. Усть-Илимска (ДШИ № 2): 428 подписчиков, 26 публикаций;
12. Детская школа искусств р. п. Белореченский (ДШИ р. п. Белореченский): 400 подписчиков, 10 публикаций.

Для оценки количественных показателей деятельности детских школ искусств применен статистический метод, а также сравнение основных показателей их деятельности в социальной сети и контент-анализ публикаций.

Результаты

За исследуемый период на страницах официальных сообществ детских школ искусств Иркутской области в социальной сети ВКонтакте выявлено 305 публикаций. Лидерами по их количеству стали ДШИ № 8, ДШИ № 3, ДХШ № 1, ДХШ № 2 (47, 35, 34, 33 публикации соответственно)³.

Контент-анализ сообществ позволил выстроить тематический рейтинг публикаций детских школ искусств:

¹ Иркутская областная ДШИ. URL: <https://vk.com/club168125725>; Детская художественная школа № 1 города Иркутска. URL: <https://vk.com/public217206993>; Детская школа искусств г. Саянска. URL: https://vk.com/dshi_sayansk; Объединенная Детская Школа Искусств № 3 г. Братск. URL: https://vk.com/odshi3_bratsk; Детская школа искусств № 3 (г. Ангарск). URL: <https://vk.com/dshi3angarsk>; Детская художественная школа г. Усолье-Сибирское. URL: https://vk.com/dhsh_usolye; МБУ ДО ДШИ № 8 города Иркутска. URL: https://vk.com/art.school_8; МАУ ДО города Тулуна «ДХШ». URL: <https://vk.com/public199227649>; Детская музыкальная школа г. Тулуна. URL: <https://vk.com/public217340420>; «Детская художественная школа № 2» г. Черемхово. URL: <https://vk.com/public207145663>; ДШИ № 2 имени Т. Г. Сафиулиной. URL: <https://vk.com/uidshi2>; МБУДО «Детская школа искусств р. п. Белореченский». URL: <https://vk.com/dshibelor> (дата обращения: 20.03.2025).

² Здесь и далее количество подписчиков приведено за 20.10.2024.

³ См. раздел Методы и материалы.

1. **Новостной контент** (67 публикаций, 22,0 %), который является довольно простым в подготовке и отражает основные события школ. В отдельных публикациях акцент делается на изображении и сопровождается кратким комментарием к записи (*быстрый* контент). Например, в сообществе ДХШ г. Тулуна размещены фотографии пленэра учеников с подписью *Пока погода радует осенним солнышком, успеваем на пленэр*⁴ (20.09.2024). Такие публикации привлекают внимание интернет-пользователей, что отражается на количестве положительных реакций и комментариев.

2. В сообществах детских школ искусств специалисты регулярно размещают **афиши** (43 публикации, 14,1 %), напоминающие подписчикам о приближающемся событии.

3. **Образовательные программы** (34 публикации, 11,1 %), которые показывают обществу номенклатуру образовательных программ; родителям – динамику в учебной деятельности и направлены на то, чтобы заинтересовать их в обучении детей; коллегам – мастерство преподавателя. Данные публикации раскрывают информацию об образовательных программах и возможностях поступления в детские школы искусств. Например, за проанализированный период часто встречаются публикации о наборе детей на новый учебный год.

Отдельно следует отметить демонстрации открытых занятий в анализируемых сообществах, а также репетиций и самого процесса обучения. Публикации такого вида сопровождаются фотографиями и короткими видео занятий обучающихся. Так, видео открытых занятий преподавателей размещены в сообществе ОДШИ № 3, а процесс обучения в формате фотографий с подписями и коротких видео зафиксирован на официальной странице ИО ДШИ. Это позитивно влияет на позиционирование не только школ искусств, но и самих преподавателей.

4. **Культура региона** (33 публикации, 10,8 %). Цель таких публикаций – отражать культурную повестку региона и демонстрировать участие детских школ искусств в национальных и региональных проектах. Например, во многих сообществах размещено интервью с министром культуры Иркутской области О. Н. Полуниной о культурной жизни региона. Помимо этого, в постах, освещающих данный контент, отражены такие изменения в детских

школах искусств за 2024 г., как приобретение инструментов, модернизация зданий.

5. **Достижения учеников** (29 публикаций, 9,5 %). Данные посты отражают не только призовые места учеников детских школ искусств в конкурсах, но и информацию о выставках юных художников. Так, в сообществе ДХШ № 1 размещена публикация об открытии персональной выставки ученицы (17.10.2024). Помимо этого, в постах на официальной странице этой же школы показан прогресс в рисовании учеников за 5 лет с начала обучения (упоминаются обучающиеся и преподаватель). Для обучающихся школ это является дополнительной мотивацией в развитии таланта, а для педагогов – способом привлечения внимания к своим успехам и заслугам. Такие публикации позволяют представить талантливых обучающихся и привлечь внимание родителей, демонстрируют умения и навыки, которые приобретают дети в процессе обучения.

6. **Репосты** (28 публикаций, 9,2 %).

7. **Продвижение преподавателей и их деятельности** (21 публикация, 6,8 %) позволяет продемонстрировать обществу и учредителю заинтересованность руководителя в развитии детской школы искусств, качество предоставляемых образовательных услуг, высокий профессионализм сотрудников. Поскольку хронологические рамки исследования совпали с празднованием Дня учителя, это повлияло на характер публикаций: они отражают рабочий процесс преподавателей, получение ими наград, поздравления. В анализируемых сообществах размещены публикации, которые предполагали взаимодействие с подписчиками: в ДХШ № 2 предлагалось угадать преподавателя по детской фотографии (04.10.2024), в ДХШ г. Усолье-Сибирское – поздравить педагогов в комментариях (04.10.2024). Это вызвало позитивную реакцию подписчиков. Следует отметить, что образ компетентных руководителей и преподавателей детской школы искусств – составная часть имиджа учреждения [Перевышина, Малова, 2023: 26–27], а формирование личного бренда в виртуальном пространстве можно рассматривать как инструмент продвижения детской школы искусств [Корнева, Тарасов 2023; Шкунова и др. 2021; Якимов 2024].

8. **Успехи детской школы искусств**, демонстрация ее активной работы и привлечение внимания к ее деятельности (14 публикаций, 4,6 %).

⁴ Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация.

Это посты, которые отражают достижения детской школы искусств: статьи и ссылки на официальные сайты СМИ о школе, ее учениках и преподавателях; публикации о крупных проектах. Например, в сообществе ДХШ г. Усолье-Сибирское размещен пост о создании преподавателями арт-пространства (10.10.2024), в сообществе ДХШ № 2 – о проекте *Искусство вне возраста* (08.10.2024). Такая информация позволяет привлечь внимание целевой аудитории к деятельности детских школ искусств.

9. Познавательный контент (11 публикаций, 3,6 %) отражает исторические и культурные ценности среди подписчиков, мотивирует их на расширение культурного кругозора посредством изучения наследия культуры. Публикации посвящены культуре, истории детской школы искусств, биографии деятелей культуры региона, информации о культурных объектах региона. Так, в сообществе ДХШ № 2 опубликована статья о художнике-пейзажисте Д. С. Лукманове (22.09.2024), а специалисты ДШИ № 8 размещают фотографии рисунков детей, на которых изображены различные архитектурные объекты города, и к ним прилагают краткую историческую справку.

Познавательный контент представлен также трансляциями и записями концертов, которые проходили в детских школах искусств, или записями выступлений обучающихся на конкурсах и фестивалях. Подобный контент решает такие задачи продвижения школ в виртуальном пространстве, как развитие кругозора подписчиков, позиционирование талантливых учеников и их преподавателей.

10. Всероссийские акции (10 публикаций, 3,3 %).

11. Превентивный контент (9 публикаций, 2,9 %) направлен на продвижение здорового образа жизни, защиту подписчиков от угроз, в том числе и в виртуальной среде. В большинстве проанализированных виртуальных представительств детских школ искусств данный контент схож, представляя собой публикации материала Центра управления регионом Иркутской области. Важно отметить, что в отдельных сообществах наблюдается размещение постов, подготовленных сотрудниками школ. Например, специалисты ДХШ № 2 опубликовали запись о безопасности дорожного движения *Дети рисуют о безопасных дорогах и ПДД!...* (26.09.2024). Это демонстрирует работу педагогов с детьми по вопросам безопасности, а также является частью уникального контента, созданного ими самостоятельно и, соответственно, имеющего ценность и привлекающего внимание подписчиков.

12. Развлекательный контент (6 публикаций, 2,0 %) представлен только несколькими публикациями (чек-листы, ребусы и короткие опросы). Подобный материал вызывает интерес у подписчиков и, как правило, вызывает больше реакций.

Формат публикуемых материалов в сообществах детских школ искусств преимущественно статичный и представлен сочетанием текстовой информации и изображения. Лишь несколько из проанализированных школ (ДХШ № 1, ДХШ № 2, ДХШ г. Усолье-Сибирское) экспериментируют с форматами публикаций и размещают короткие видео, которые собирают большое количество реакций подписчиков. Такие видеопубликации демонстрируют работу учеников, процесс и результат их творчества; знакомят со школой искусств. Так, в сообществе ДХШ № 1 присутствуют шуточные клипы о школе и ее учениках с подписями *Типы учеников в художественной школе* или *Поспешишь – людей насмешишь*. В клипах участвуют сами обучающиеся, которые раскрывают в небольших историях школьную жизнь и отношения, демонстрируют значимость получения художественного образования для своего развития.

Для привлечения внимания к отдельным аспектам работы некоторые школы искусств используют виджеты – визуальный блок в сообществах социальной сети ВКонтакте. Так, на официальной странице ДШИ № 2 опубликованы виджеты рубрик *Наши преподаватели*, *Афиша*, *Пушкинская карта*. В рубрике *Афиша* представлены мероприятия, которые можно посетить в школе, и дана прямая ссылка на сервис покупки билетов. Кроме того, добавлена рубрика с расписанием занятий, что удобно для родителей и самих обучающихся.

Далее мы определили статистические показатели вовлеченности подписчиков в рассматриваемых сообществах (табл.).

Затем мы выявили детскую школу искусств с наибольшей активностью подписчиков, высчитав отношение суммы по отдельным статистическим показателям (лайки, комментарии, репосты) к общему количеству публикаций за анализируемый период:

- лайки: ИО ДШИ – 47,9; ДХШ № 1 – 42,5; ДХШ г. Тулуна – 44,3; ДМШ г. Тулуна – 31,9; ДШИ № 3 – 19,8.
- комментарии: ИО ДШИ – 3,2; ОДШИ № 3 – 2,1; ДХШ № 1 – 1,4; ДХШ г. Тулуна – 0,8; ДХШ № 2 – 0,8.
- репосты: ИО ДШИ – 2,8; ДМШ г. Тулуна – 2,6; ОДШИ № 3 – 2; ДХШ г. Тулуна – 1,9; ДХШ № 1 – 1,6.

Анализ полученных результатов позволил определить публикации сообществ, на которые было получено больше всего реакций подписчиков.

Табл. Статистические показатели вовлеченности подписчиков
Tab. Statistical indicators of subscribers' engagement

Название	Лайки	Комментарии	Репосты
ИО ДШИ	670	45	39
ДХШ № 1	1142	49	53
ДШИ г. Саянска	135	0	14
ОДШИ № 3	503	60	56
ДШИ № 3	694	9	27
ДХШ г. Усолье-Сибирское	336	13	14
ДШИ № 8	644	8	15
ДХШ г. Тулуна	664	12	29
ДМШ г. Тулуна	702	10	57
ДХШ № 2	443	27	26
ДШИ № 2	416	16	27
ДШИ р. п. Белореченский	188	0	4

Они проявили активность к постам о преподавателях и руководителях, оставляя комментарии и ставя лайки. Так, первая публикация рубрики *Наши учителя – наша гордость!* (06.10.2024) в сообществе ИО ДШИ получила 10 положительных комментариев и 131 лайк. Кроме того, пост о занесении имени директора ДХШ г. Тулуна Н. А. Яворского на Доску почета города собрал более 200 лайков, а просмотры составили около 7 тыс. Учитывая количество подписчиков сообщества (447), данные показатели являются довольно-таки высокими.

Также большой интерес представляют записи о достижениях учеников детских школ искусств: победы в конкурсах, открытие персональных выставок, присуждение именных стипендий. Важно, что такие публикации сопровождаются информацией о преподавателях, которые подготовили талантливых детей. Например, пост ИО ДШИ об учащейся, ставшей стипендиатом благотворительного фонда «Новые имена» (19.09.2024), собрал более 1,2 тыс. просмотров и 161 положительную реакцию.

Помимо этого, проекты школ искусств вызывают большое количество реакций подписчиков официальных сообществ. В сообществе ДШИ № 2 пост о проекте по преображению входной группы в жилом доме в г. Усть-Илимск (02.10.2024) получил 2,5 тыс. просмотров и более 200 позитивных реакций.

Все это демонстрирует интерес подписчиков к деятельности школ искусств. Их внимание также привлекает и контент, отражающий историю региона. Например, в сообществе ДХШ № 1 в рамках рубрики *Страничка истории любимого Иркутска* публикуются работы учеников школы с архитектурой и пейзажами, информацией о зданиях, людях и истории города.

Показатель вовлеченности подписчиков позволяет определить результативность применения администрацией виртуального представительства детских школ искусств маркетинговых инструментов в социальных медиа. Для анализа вовлеченности оцениваются данные о лайках, репостах и комментариях в сообществах. Обычно показатель вовлеченности рассчитывается по числу подписчиков (реакции / количество постов за анализируемый период / подписчики × 100 %) или охвату аудитории (реакции / количество постов за анализируемый период / охват × 100 %). В нашем исследовании мы прибегли к расчетам данного показателя с помощью первого варианта (по числу подписчиков)⁵.

Низкий показатель вовлеченности (< 1 %) среди проанализированных сообществ не был выявлен.

Средний показатель вовлеченности (1–3,6 %) имеют сообщества ДШИ г. Саянска, ДШИ № 8, ДХШ г. Усолье-Сибирское, ДХШ № 2. В них преобладает новостной контент, афиши мероприятий, мало публикаций о самой школе, ее учениках и проектах. Также отмечается низкая коммуникационная активность.

Высокий показатель вовлеченности (3,6–6,5 %) у сообществ ДХШ № 1, ОДШИ № 3, ДШИ № 3, ДШИ № 2, ДШИ р. п. Белореченский, ИО ДШИ. Это обусловлено не только характером публикуемого контента (он разнообразен по содержанию и форме представления), но и высокой активностью подписчиков.

Очень высокий показатель вовлеченности (> 6,5 %) свойственен только сообществам ДМШ г. Тулуна и ДХШ г. Тулуна. Они ведут активную работу по продвижению образовательных программ и транслируют успехи учеников и достижения преподавателей в виртуальном пространстве.

Необходимо отметить, что высокий и очень высокий показатели вовлеченности свидетельствуют об интересе к публикуемому детскими школами искусства материалу и дают возможность сообществам включиться в алгоритмы рекомендаций социальных медиа.

⁵ В статье использован усредненный показатель вовлеченности.

Заключение

Социальные медиа являются эффективным инструментом продвижения сведений о детских школах искусств. Проведенный коммуникативный аудит детских школ искусств Иркутской области позволил оценить возможности их продвижения в социальной сети ВКонтакте. Установлено, что контент сообществ чаще носит ситуативный характер. Инструменты продвижения в социальных медиа применяются сотрудниками, исходя из их интуиции.

При работе детских школ искусств в социальных медиа требуется четкое определение целевой аудитории (родители и законные представители реальных и потенциальных обучающихся, учредитель, профессиональное сообщество). Это позволит определить информационную политику учреждения и сформировать контент-план.

Установлены тематики публикаций, которые вызывают наибольший интерес у подписчиков, – посты о преподавателях, достижениях обучающихся, образовательных и культурных мероприятиях, детской школе искусств. Публикации подобного контента позволяют школам выстраивать эффективное коммуникационное взаимодействие с подписчиками, формировать высокий уровень вовлеченности в деятельность сообщества.

Видеопубликации и клипы набирают большое количество просмотров, что определяет тренды развития детских школ искусств в виртуальном пространстве. Однако пока они не в достаточной

степени освоили данный инструмент продвижения, что может быть связано с отсутствием соответствующих специалистов.

В публикациях детских школ искусств появляется уникальный краеведческий материал, который вызывает отклик у подписчиков. Такие посты включают уникальные работы обучающихся, сопровождаемые текстом об архитектуре и известных личностях Иркутской области.

Исходя из целевой аудитории детских школ искусств, можно обозначить основные направления их деятельности в социальных медиа: мотивирование пользователей на расширение культурного кругозора посредством изучения наследия культуры; создание положительного и превентивного контента; трансляция культурной политики региона; продвижение образовательных программ; позиционирование детских школ искусств; формирование личного бренда руководителя и преподавателей; организация эффективного коммуникационного взаимодействия; оценка эффективности в медиасреде.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анненкова А. А., Амеличкин А. В., Соболева Ю. П. Инновационные маркетинговые коммуникации в учреждениях социально-культурной сферы. *Вестник Академии знаний*. 2022. № 52. С. 18–23. [Annenkova A. A., Amelichkin A. V., Soboleva Yu. P. Innovative marketing communications in social and cultural institutions. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2022, (52): 18–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wojuxx>
- Дворовенко О. В. Подход к формированию контента учреждений культуры в социальных медиа. *Развитие креативных индустрий в современном мире: Междунар. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 27–29 апреля 2022 г.) Новосибирск: НГУАДИ, 2022. С. 22–24. [Dvorovenko O. V. Approach to the formation of the content of cultural institutions in social media. *Developing of creative industries in the modern world: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Novosibirsk, 27–29 Apr 2022. Novosibirsk: NSUADA, 2022, 22–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/afogks>
- Зайни Р. Л. Представленность культурных учреждений г. Казани в социальных сетях. *Агзамовские чтения – 2022: Междунар. науч.-практ. конф.* (Казань, 18 февраля 2022 г.) Казань: Отечество, 2022. С. 111–122. [Zaini R. L. Representation of cultural institutions of Kazan in social networks. *Agzamatov Readings – 2022: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kazan, 18 Feb 2022. Kazan: Otechestvo, 2022, 111–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/afahdr>
- Зиновьева Н. Б., Костина Н. А. Медиаактивность учреждений культуры в социальных сетях и методика ее оценки. *Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: X Междунар. науч.-практ. конф.* (Орел, 14 декабря 2023 г.) Орел: ОГИК, 2023. С. 87–91. [Zinovieva N. B., Kostina N. A. Media

- activity of cultural institutions in social networks and methods of its assessment. *Electronic information space for science, education, and culture: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Oryol, 14 Dec 2023. Oryol: OSIC, 2023, 87–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mayzrh>
- Камаева В. М. Разработка брендбука екатеринбургской детской музыкальной школы № 17 им. М. П. Мусоргского. *Культурные индустрии в пространстве открытого города: VIII Всерос. (с междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г.)* Екатеринбург: ЕАСИ, 2022. С. 359–364. [Kamaeva V. M. Development of the brandbook of Ekaterinburg children’s music school No. 17 named after M. P. Mussorgsky. *Cultural industries in an open city: Proc. VIII All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 24–25 Nov 2022. Ekaterinburg: EACA, 2022, 359–364. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jnwpbu>
- Корнева В. В., Тарасов О. Ю. Личный бренд педагога современной образовательной организации. *Наука и образование. Вестник Хабаровского края*. 2023. № 1. С. 30–33. [Korneva V. V., Tarasov O. Yu. Personal brand of a teacher in a modern educational organization. *Science and education. Bulletin of Khabarovsk territory*, 2023, (1): 30–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uouyuo>
- Ланщикова Г. А., Сочнев В. Д. Актуальные цифровые методы продвижения в социальных сетях для учреждений культуры Омска. *Научный альманах*. 2024. № 12-2. С. 42–45. [Lanshchikova G. A., Sochnev V. D. Current digital methods of promotion in social networks for cultural institutions of Omsk. *Science Almanac*, 2024, (12-2): 42–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opthlb>
- Литвинова Н. В. Сегментирование целевой аудитории платных образовательных программ в ДШИ: проблемы и актуальные управленческие решения. *Управление культурой*. 2022. № 3. С. 23–31. [Litvinova N. V. Segmentation of the target audience of paid educational programs in the children’s school of art: Problems and current management decisions. *Managing of Culture*, 2022, (3): 23–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqpsxf>
- Лушпей А. А., Дворовенко О. В. Развитие веб-коммуникации у специалистов учреждений культуры. *Развитие кадрового потенциала библиотек Российской Федерации в условиях цифровой экономики: Всерос. науч.-практ. заоч. онлайн-конф. (Кемерово, 28–29 мая 2020 г.)* Кемерово: КемГИК, 2020. С. 113–119. [Lushpei A. A., Dvorovento O. V. Web communication development for professionals at cultural institutions. *Developing human resources potential of libraries of the Russian Federation in the context of the digital economy: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Corresp. Online-Conf.*, Kemerovo, 28–29 May 2020. Kemerovo: KemSIC, 2020, 113–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/etwzys>
- Перевышина Н. Ю., Малова О. В. Проектная деятельность как средство продвижения имиджа поселковой детской школы искусств. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. 164 с. [Perevyshina N. Yu., Malova O. V. Project activities as a means of promoting the image of a rural children’s art school. Ekaterinburg: UrSPU, 2023, 164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwnnxe>
- Плеханова Е. К. Практики продвижения учреждений культуры в социальных сетях: тренды и рекомендации для детских школ искусств. *Управление культурой*. 2024. № 1. С. 57–64. [Plekhanova E. K. Practices of promoting cultural institutions on social networks: Trends and recommendations for children’s art schools. *Managing of Culture*, 2024, (1): 57–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oeruss>
- Романович В. К., Холодецкий Е. В. Пути продвижения услуг детской школы искусств в современной конкурентной среде. *Новые экономические исследования: V Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 15 марта 2022 г.)* Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 14–17. [Romanovich V. K., Kholodetsky E. V. Ways to promote children’s art school services in today’s competitive environment. *New economic research: V Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 15 Mar 2022. Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2022, 14–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yigpyw>
- Серебрякова Д. О. Модель формирования имиджа детской школы искусств. *Научные исследования, разработки и практические внедрения: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 31 января 2022 г.)* Ставрополь: Параграф, 2022. Ч. 1. С. 193–197. [Serebryakova D. O. Model for forming the image of a children’s art school. *Scientific research, development, and practical implementation: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Stavropol, 31 Jan 2022. Stavropol: Paragraf, 2022, pt. 1, 193–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mldbnv>
- Соболева Ю. П. Диджитал-маркетинг в аспекте развития сферы культуры. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2024. № 1. С. 132–139. [Soboleva Yu. P. Digital marketing in the aspect

- of cultural development. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, (1): 132–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2024.1.14>
- Соловьева И. А., Пьянова Н. В. Социальные сети как технология продвижения услуг учреждений социально-культурной сферы. *Вестник ОрелГИЭТ*. 2022. № 1. С. 66–72. [Solovieva I. A., Pyanova N. V. Social networks as a technology to promote the services of socio-cultural institutions. *OrelSIET bulletin*, 2022, (1): 66–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2022-1-59-66-72>
- Трофимов Д. В., Доника А. Д., Одинокова О. Д. Продвижение бренда учреждения дополнительного образования в сети Интернет с использованием аудиовизуального контента. *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2023. № 4. С. 89–98. [Trofimov D. V., Donika A. D., Odinokova O. D. Promotion of the additional education institution brand on the Internet using audiovisual content. *Humanities researches of the Central Russia*, 2023, (4): 89–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2023-429-89-98>
- Шевцова Л. Ю., Амеличкин А. В. Digital-маркетинг в деятельности учреждения культуры. *Государственная культурная политика России и механизмы ее реализации*: Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Орел, 4 апреля 2023 г.) Орел: ОГИК, 2023. С. 228–231. [Shevtsova L. Yu., Amelichkin A. V. Digital marketing in activities of cultural institutions. *Russia's state cultural policy and mechanisms of its implementation*: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf., Orel, 4 Apr 2023. Orel: OSIC, 2023, 228–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpkurm>
- Шефова Е. А. Сайт как инструмент маркетинга (на примере контентов детских музыкальных школ и школ искусств города Липецка). *Проблемы художественно-эстетического образования и воспитания в контексте социокультурных вызовов*: Всерос. науч.-практ. интернет-конф. с Междунар. уч. (Липецк, 10 декабря 2020 г.) Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 192–198. [Shefova E. A. Site as a marketing tool (on the example of sites of children's arts schools in Lipetsk). *Problems of artistic and aesthetic education and upbringing in the context of socio-cultural challenges*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Lipetsk, 10 Dec 2020. Lipetsk: LSPU, 2021, 192–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rivkbs>
- Шкунова А. А., Прохорова М. П., Гуреева Е. П. Преимущества и недостатки формирования личного бренда преподавателя школы. *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 71-3. С. 292–296. [Shkunova A. A., Prokhorova M. P., Gureeva E. P. Advantages and disadvantages of formation of personal brand of school teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2021, (71-3): 292–296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/isvjdp>
- Якимов Е. А. Личный бренд во ВКонтакте как инструмент PR-продвижения образовательного учреждения. *LXXIV молодежная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения первого космонавта земли Ю.А. Гагарина*: конф. (Самара, 2–4 апреля 2024 г.) Самара: Самарский университет, 2024. С. 392–393. [Yakimov E. A. Personal brand on VKontakte as a PR promotion tool for an educational institution. *LXXIV Youth Scientific Conference Dedicated to Yu. A. Gagarin's 90th Birth Anniversary*: Proc. Conf., Samara, 2–4 Apr 2024. Samara: Samara University, 2024, 392–393. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bsudcp>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nycccc>

Освещение пандемии COVID-19 в российских и зарубежных дата-трекерах

Сенинг Марина Андреевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 2271-7254
sening.m@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена семиотическому анализу дата-трекеров о пандемии COVID-19 – материалов, в которых дата-журналисты представляли актуальную и динамическую информацию о заболеваемости и смертности от коронавируса. Источники информации – данные официальных органов и общественных институтов (Росстат, Роспотребнадзор, Министерство здравоохранения и социальных служб США, Центр по контролю и профилактике заболеваний США, Австралийское бюро статистики, общественный проект CovidLive, Университет Джона Хопкинса и др.), а также собственные расчеты журналистов. Цель – выявить суггестивность материалов дата-журналистов, основанных на статистических данных, и дополнительные смыслы, формируемые авторами материалов при предоставлении читателю информации. Выяснено, что, несмотря на фактологическую основу, в вербальном тексте использовались метафоры и лексические единицы, несущие негативную эмоциональную окраску. Установлено, что в интерактивной дата-визуализации содержались графические метафоры, цветом выделялись определенные графические элементы. В основе дата-визуализации, которая является ключевым элементом дата-трекера, лежит *продолженное сообщение*, не имеющее окончания во времени, развитие которого непредсказуемо для авторов, так как зависит от поступающих данных. С течением времени сообщение меняется в зависимости от того, какие данные поступают. Однако авторы дата-трекеров акцентировали внимание читателя на определенных показателях и переносили фактологическую информацию в аксиологическое поле.

Ключевые слова: дата-журналистика, COVID-19, дата-трекер, дата-визуализация, продолженное сообщение, суггестия, семиотика

Цитирование: Сенинг М. А. Освещение пандемии COVID-19 в российских и зарубежных дата-трекерах. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 251–260. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-251-260>

Поступила в редакцию 03.05.2025. Принята после рецензирования 09.06.2025. Принята в печать 11.06.2025.

full article

COVID-19 Pandemic in Russian and Foreign Data Trackers

Marina A. Sening

Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 2271-7254
sening.m@gmail.com

Abstract: During the COVID-19 pandemics, numerous data trackers presented relevant information on morbidity and mortality rates. Journalists combined their own calculations with official data from Rosstat, Rospotrebnadzor, US Department of Health and Human Services, US Center for Disease Control and Prevention, Australian Bureau of Statistics, CovidLive, Johns Hopkins University, etc. As a result, COVID-19 data trackers acquired a certain suggestive potential and developed additional meanings. Despite the official factual basis, they contained metaphors and lexical units with a negative emotional connotation, accentuated by title typography. The interactive data visualization contained color-highlighted graphic metaphors and other graphic elements. As the key element of data tracking, data visualization is a *continuous message* that has no end in time: it's development is unpredictable for the journalist since it depends on the incoming data. Ideally, this message is supposed to be updated as the new data keep coming.

However, the journalists that published COVID-19 data trackers directed their readers' attention to certain indicators, thus transferring unbiased facts to the axiological field.

Keywords: data journalism, COVID-19, data tracker, data visualization, continuous message, suggestion, semiotic

Citation: Sening M. A. COVID-19 Pandemic in Russian and Foreign Data Trackers. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 251–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-251-260>

Received 3 May 2025. Accepted after review 9 Jun 2025. Accepted for publication 11 Jun 2025.

Введение

Несмотря на то что пандемия COVID-19 ушла с периодической новостной повестки, опыт, который получили журналисты во время ее освещения, нуждается в осмыслении. Пандемия внесла существенные изменения в работу этих специалистов, указав на важность деятельности дата-журналистов, представлявших широкой аудитории статистику заболеваемости и смертности [Бондарчик 2021]. Количество публикаций дата-журналистов во время и после пандемии значительно выросло [Witzenberger, Pfeffer 2024]. Ценность дата-журналистов и, соответственно, ценность собираемой ими информации была признана медицинским и географическим сообществом. Так, в 2020 г. в журнале *The Lancet* врачи выступили с призывом к более тесному сотрудничеству с дата-журналистами, представляющими данные о последствиях пандемии и показателях избыточной смертности [Desai et al. 2021]. В свою очередь D. Halpern и др., изучая расхождения в базах данных о COVID-19, включили в исследовательский материал сведения, которые собирали дата-журналисты [Halpern et al. 2021].

Освещение COVID-19 широко изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями, однако деятельность дата-журналистов остается, на наш взгляд, недостаточно изученной. Например, B. Cyrek и J. Peltonen проанализировали 358 научных статей о коммуникациях в период пандемии, опубликованных в высокорейтинговых журналах SJR за 2020–2024 гг., с целью их систематизации по географическому распределению и тематическим направлениям [Cyrek, Peltonen 2024]. Ими было выявлено доминирование четырех основных тем: особенности освещения, роли экспертов в медиа, изменения в работе журналистов и проблема свободы прессы. Кроме того, B. Cyrek и J. Peltonen обращали внимание на то, как журналисты использовали в своей работе визуализацию данных и статистику. Однако исследователи не выделили работу дата-журналистов во время пандемии в качестве отдельного тематического направления.

C. Pentzold с коллегами рассматривали дата-журналистов во время пандемии COVID-19 как *брокеров знаний*, помогающих обществу и политикам ориентироваться в условиях неопределенности [Pentzold et al. 2021]. S. Bisiani и др. провели опрос 1274 дата-журналистов из 136 стран и выяснили, как изменилась их работа во время пандемии. Так, 46 % респондентов отметили, что COVID-19 укрепил репутацию дата-журналистики, а 43 % указали на рост грамотности аудитории в области данных [Bisiani et al. 2025].

Отечественные исследования носят в основном описательный характер. Например, Д. Неренц, анализируя дата-проекты о пандемии, опубликованные в российских и зарубежных СМИ, классифицирует их в зависимости от тематики и цели: 1) проекты со статистической информацией; 2) симуляции распространения инфекции; 3) проекты, основанные на сборе данных через краудсорсинг; 4) дата-материалы о влиянии вируса на жизнь граждан; 5) расследования нарушений и преступлений во время пандемии [Неренц 2021]. Ф. Ван описывает *риторическую визуализацию* как форму журналистики данных, которую использовали журналисты РИА Новости при освещении хода пандемии [Ван 2023].

Цель данного исследования – выявить suggestивность материалов дата-журналистов, основанных на статистических данных, и дополнительные смыслы, формируемые авторами материалов при предоставлении читателю информации.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили семь дата-трекеров: РБК (освещает события в России), 2 дата-трекера Медиазоны (освещает события в России; юридическое лицо ООО «ЗП», учредившее это издание, внесено в реестр иностранных агентов), *The New York Times* (освещает события в США), *The Washington Post* (освещает события в США), *The Guardian* (освещает события в Австралии)

и The Economist (освещает международные события)¹. Посредством перечисленных дата-трекеров журналисты представляли актуальную и динамическую информацию об эпидемиологической ситуации.

При подготовке материалов специалисты использовали данные официальных органов и общественных институтов (Росстат, Роспотребнадзор, Министерство здравоохранения и социальных служб США, Центр по контролю и профилактике заболеваний США, Австралийское бюро статистики, общественный проект CovidLive, Университет Джона Хопкинса и др.), а также проводили собственные расчеты. Некоторые из изданий (например, The New York Times, The Economist, Медиазона) опубликовали свои наборы данных в открытом доступе² для того, чтобы ими могли воспользоваться все желающие.

Дата-трекер, по нашему мнению, является поликодовым текстом, т.к. сочетает в себе вербальный, цифровой и графический коды, взаимодействующие друг с другом³. В связи с этим применен метод семиотического анализа поликодового текста.

Для анализа использована модель, представленная в работе [Сенинг 2023], которая посвящена изучению дата-материалов о COVID-19 в российской журналистике. Предложенная модель основана на исследованиях пользовательского поведения при чтении интернет-текстов. К. Моран отмечает, что при чтении текстов пользователи в первую очередь обращают внимание на заголовки, графически выделенные элементы, текст, расположенный рядом с иллюстрациями и т.д.⁴ В связи с этим элементы поликодового текста анализировались в следующей последовательности:

- 1) заголовочный комплекс: рассмотрение наличия лексических единиц, несущих негативную эмоциональную окраску;

- 2) дата-визуализация как когерентный многоуровневый объект: исследование отдельных микроэлементов (линий графиков, столбцов диаграмм, используемых цветов и других составляющих визуализации), вербальной части, выраженной в заголовке визуализации и подписи к ней; определение послания, которое было сформулировано посредством вербально-графического языка;
- 3) вербальный текст: определение доли суггестивных слов и особенностей структурирования текста;
- 4) взаимоотношения между элементами: рассмотрение элементов дата-визуализации с точки зрения когезии поликодового текста, определение средств когезии и способов ее создания.

Результаты

Установлено, что в дата-трекерах используются семиотические способы моделирования информации. С их помощью авторы текстов концентрируют внимание читателя на определенных показателях (*смертность* или *заболеваемость*). Ключевым элементом дата-трекера является *дата-визуализация* – визуальное представление данных, которое составлено алгоритмически, легко воспринимается с использованием разных данных, имеет эстетичный вид и используется для представления больших данных [Iliinsky, Steele 2011]. Дата-визуализация передает фактологическую информацию графически, например статистику заболевших в виде линейного графика (рис. 1⁵).

Дата-визуализации регулярно обновлялись в течение 1–3 лет, но при их первоначальной публикации временной диапазон обновлений был неясен. Таким образом, в основе визуализации дата-трекера

¹ Началась выдача QR-кодов по антителам. Актуальное о COVID на 22 февраля. *РБК*. 22.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/02/2022/5e2fe9459a79479d102bada6>; Френкель Д. Коронавирус в России. Избыточные смерти. *Медиазона*. URL: <https://zona.media/coronadeaths>; Френкель Д. Коронавирус в России. Инфографика. *Медиазона*. URL: <https://zona.media/coronagraph>; Coronavirus in the U.S.: Latest map and case count. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/us/covid-cases.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article>; Tracking U.S. COVID-19 cases, deaths and other metrics by state. *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-us-cases-deaths/?itid=sn_coronavirus_1; Nicholas J., Evershed N., Ball A. COVID-19 Australia data tracker: Coronavirus cases, deaths, hospitalisations and vaccination. *The Guardian*. 5 Dec 2022. URL: <https://theguardian.com/australia-news/datablog/ng-interactive/2022/dec/06/covid-19-weekly-cases-australia-vaccine-data-tracker-deaths-per-week-hospitalisations-coronavirus-tracking-latest-numbers-stats-live-update>; Tracking COVID-19 excess deaths across countries. *The Economist*. 20 Nov 2021. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> (accessed 1 Mar 2025).

² U.S. Coronavirus data: Frequently asked questions. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/about-coronavirus-data-maps.html>; The Economist's tracker for COVID-19 excess deaths. *GitHub*. URL: <https://github.com/TheEconomist/covid-19-excess-deaths-tracker>; data-corona-Russia. *GitHub*. URL: <https://github.com/mediazona/data-corona-Russia> (accessed 1 Mar 2025).

³ Под *кодом* понимается система условных обозначений, символов, знаков и правил, их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде [Чернявская 2013].

⁴ Moran K. How people read online: New and old findings. *Nielsen Norman Group*. 5 Apr 2020. URL: <https://www.nngroup.com/articles/how-people-read-online/> (accessed 1 Mar 2025).

⁵ Coronavirus in the U.S...

Coronavirus in the U.S.: Latest Map and Case Count

Updated March 23, 2023

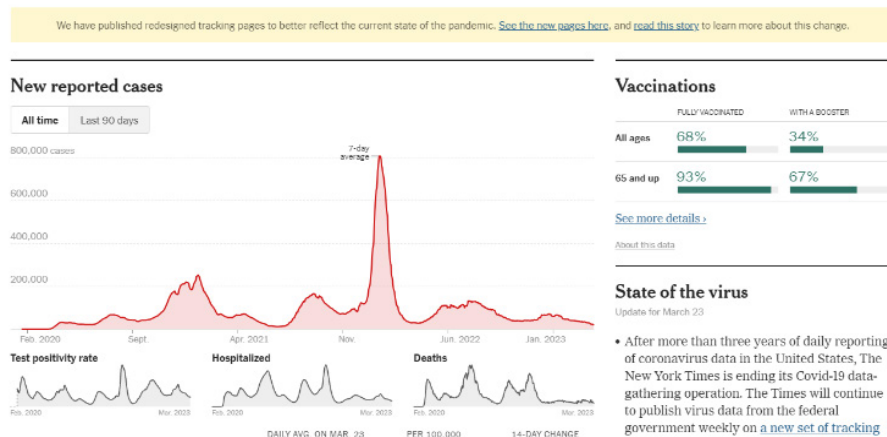

Рис. 1. Визуализация дата-трекера The New York Times
Fig. 1. Visualization of The New York Times data tracker

лежит сообщение, которое не имеет окончания во времени, соответственно, авторы материала не могут сформулировать информационный посыл, который они хотят донести до читателя. Мы предлагаем назвать это явление *продолженным сообщением*, которое регулярно обновляется и является безоценочным, т.к. его развитие непредсказуемо, и время окончания неизвестно для самих авторов.

Специфика продолженного сообщения влияет на семиотическую структуру дата-трекера – она меняется в зависимости от того, как изменяется дата-визуализация. Далее рассмотрим, как семиотические способы передачи информации применяются в разных элементах текстов дата-трекеров.

Заголовочный комплекс

Заголовки дата-трекеров фактологичны. Однако в них присутствуют лексические единицы, имеющие (*death, смерть*) либо получившие (*COVID-19, coronavirus, hospitalisations, коронавирус*) эмоциональную окраску в связи с потенциально опасной для жизни ситуацией пандемии.

Подзаголовки есть в дата-трекерах The Economist и The Washington Post. Подзаголовок первого дата-трекера включает в себя слова, которые несут дополнительную негативную эмоциональную окраску (*In many parts of the world, official death tolls undercount the total number of fatalities*⁶). Подзаголовок второго содержит слова *died, coronavirus*, а также числа, обозначающие количество умерших (выделено фиолетовым цветом) и заболевших (выделено красно-

оранжевым цветом): *More than 1,133,000 people have died from coronavirus in the U.S., and more than 104,659,000 cases have been reported.*

В дата-трекерах Медиазоны прямо под заголовком указаны числа (шрифт более крупный, чем у самого заголовка), обозначающие количество заболевших или умерших. В дата-трекере «Коронавирус в России. Избыточные смерти» под заголовком находится число 1188036, под которым есть подпись *Избыточных смертей к июню 2022*. В дата-трекере «Коронавирус в России. Инфографика» указаны три числа. Самым крупным кеглем обозначено количество заболевших – 4156211 (с подписью *Заболели на 20:00 20 февраля*), под этим числом указаны еще два: *3726193 выздоровели и 107673 умерли*. В дата-трекерах Медиазоны и числа, и заголовок указаны белым цветом, фон всего поликодового текста – черный.

Дата-визуализация

Тип

Графический способ передачи информации, выбранный изданиями, должен был соответствовать двум параметрам: 1) легкость обновления графики, т.к. данные постоянно менялись, визуализация обновлялась ежедневно или еженедельно в течение 1–3 лет; 2) понятность графики (иначе сообщение не дойдет до адресата) [Kennedy, Hill 2018]. В соответствии с этими параметрами в дата-трекерах используются следующие виды дата-визуализации: линейные графики, плиточные карты и хороплеты

⁶ Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация; выделено автором статьи.

(как наиболее эффективные виды карт для передачи информации такого рода [Hao et al. 2022]), столбчатые графики (барчарты) и таблицы.

Интерактивность

Практически все дата-визуализации в трекерах интерактивны – их внешний вид зависит от действий читателя. Он может выбрать вид данных (целые числа / проценты), регион (штат / страна), в некоторых случаях – вид визуализации (например, в дата-трекерах Медиазоны можно изменить плиточную карту на плиточный полигон). Интерактивность проявляется в том числе через появление *тултипов* – всплывающих подсказок, которые возникают на экране при наведении курсора на определенную точку линейного графика или барчарта. В таком тултипе обычно дана информация о заболевших / умерших в конкретный день или за неделю. При просмотре графика и перемещении курсора тултипы меняются, и, соответственно, меняется внешний вид визуализации (рис. 2⁷).

Таким образом, интерактивность делает читателя соучастником текста: он может влиять на сообщение, детализировать нужные фрагменты. Однако интерактивность ограничена и зависит от возможностей устройства и изменений, заложенных авторами.

J. Bertin описывает мультимодальность восприятия графики и называет ее однозначной областью пространственного восприятия: «знаковые

системы, предназначенные для восприятия глазом, являются прежде всего пространственными и вневременными»⁸ [Bertin 1983: 3]. Интерактивность дата-трекера снимает параметр вневременности: для того, чтобы прочесть продолженное сообщение, читателю необходимо совершить определенные действия. Полное сообщение складывается из нескольких элементов дата-визуализаций, связанных между собой и влияющих друг на друга.

Например, в дата-трекере Медиазоны «Коронавирус в России. Избыточные смерти» линейный график показывает данные по конкретному региону, представленному на плиточной карте (рис. 3⁹). Элементы карты взаимодействуют друг с другом: линейный график меняется в зависимости от того, какой регион выбрал читатель. Особенно ярко характеристика времени проявляется в анимированной визуализации *Избыточные смерти в других странах с начала 2020 года*. Столбцы ее барчарта начинают расти при нажатии читателем кнопки, расположенной под графиком (полный просмотр этой визуализации занимает 1 минут 24 секунды).

Графические метафоры

Линии графиков и столбцы барчартов визуализаций дата-трекеров могут быть интерпретированы как концептуальная метафора [Лакофф, Джонсон 2004]. Они выступают в роли визуализированной пространственной метафоры, связанной

New reported cases

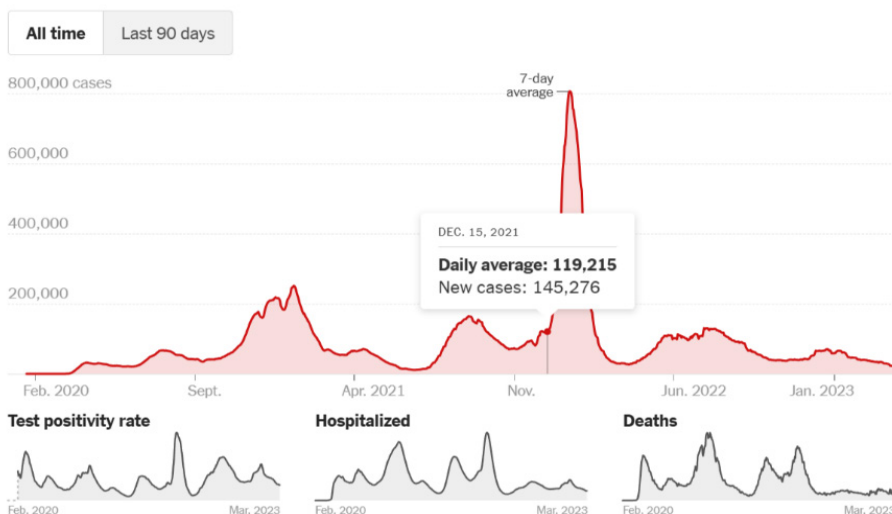

Рис. 2. Тултип в визуализации дата-трекера The New York Times
Fig. 2. Visualization tooltip in The New York Times data tracker

⁷ Coronavirus in the U.S...

⁸ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁹ Френкель Д. Коронавирус в России. Избыточные смерти...

Рис. 3. Визуализация дата-трекера Медиазоны
 Fig. 3. Visualization of Mediazone data tracker

с представлением о *верхе* и *ниже* и отражающей аксиологический параметр структурирования пространства и положения в нем человека. Таким образом, фактологическую информацию авторы материалов передают суггестивным способом, эмоционально воздействуя на читателя. Но поскольку в основе визуализации дата-трекера лежит продолженное сообщение, то это воздействие меняется и не является однозначным. Знаки трансформируются в разные метафоры (линия графика идет вверх / линия графика идет вниз) в зависимости от того, какие данные получают авторы визуализации и в какой момент времени читатель ее видит.

Цвет

Цвет в дата-трекерах используется для передачи информации посредством графического кода и эмоционального воздействия на читателя. Основными цветами визуализаций в дата-трекерах, посвященных пандемии, являются красный, фиолетовый, зеленый, серый. Однако используют эти цвета издания по-разному:

1. The Economist красным цветом обозначает показатели смертности.
2. The Washington Post и The Guardian используют для обозначения показателей смертности фиолетовый цвет, а красным выделяют заболеваемость.
3. РБК в разных визуализациях обозначает красным цветом или смертность, или заболеваемость.

4. Аналогично РБК поступает и Медиазона, при этом в ее дата-трекере «Коронавирус в России. Инфографика» красный цвет используется для обозначения заболеваемости, а фиолетовым указывается смертность.

Согласно работе А. J. Elliot и М. А. Maier, символика цвета зависит от контекста и культурологических особенностей – один и тот же цвет может иметь разные значения в разных ситуациях [Elliot, Maier 2013]. В работе [Сенинг 2023] показано, что цвет приобретает определенное значение, когда оказывается в ситуации противопоставления: красным обозначается то, что *плохо*, зеленым – то, что *хорошо*. Так цвета применяются в материалах РБК (рис. 4¹⁰) и Медиазоны (рис. 3).

Следует отметить, что РБК использует цвета, чтобы поместить фактологическую информацию в аксиологическое поле (красный – *плохо*, заболеваемость растет, зеленый – *хорошо*, заболеваемость падает). В дата-трекере же Медиазоны зеленый используется не для того, чтобы обозначить падение смертности / заболеваемости. В интерактивной дата-визуализации *Количество смертей в России* на плиточной карте указаны данные по регионам (разница между числом смертей за указанный период и ожидаемым числом смертей в этом периоде по прогнозам). Плитки окрашены в красный цвет – и чем он темнее, тем больше смертей в этом регионе. Однако при нажатии на кнопку *Из них*

¹⁰ Началась выдача QR-кодов по антителам...

Темпы распространения коронавируса в России

Понедельные темпы прироста новых случаев, %. Сравнение недели к неделе. Рассматривается период с начала мая 2020 года, когда количество ежесуточно проводимых тестов на коронавирус превысило 200 тыс.

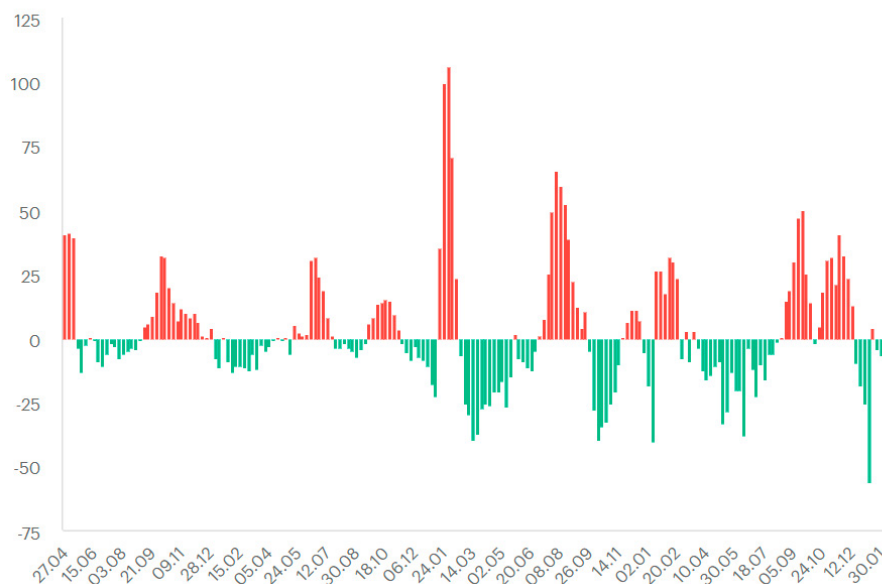

Рис. 4. Визуализация дата-трекера РБК
Fig. 4. Visualization of RBC data tracker

с коронавирусом цвет плиток меняется – если процент людей, умерших от COVID-19 (от числа избыточных смертей), больше 80, то плитка, символизирующая регион, окрашивается в зеленый цвет (рис. 3). При дихотомии *красный – зеленый* эти регионы воспринимаются как благополучные. Таким образом, сообщение, передаваемое с помощью этой визуализации, частично ошибочно¹¹.

5. The New York Times в своих визуализациях маркирует красным заболеваемость, а показатели смертности обозначает серым цветом. Несмотря на фактологическую основу, продолженное сообщение в дата-трекере The New York Times не является нейтральным, т.к. концентрируется на определенных аксиологически значимых показателях.

Вербальный текст

Количественный анализ лексики показал, что доля единиц, несущих негативную эмоциональную окраску, составила от 4,55 % (The New York Times) до 10,29 % (РБК). Наиболее часто в дата-трекерах

встречаются слова *death(-s)* (82), *COVID-19* (40), *смертность* (36), *коронавирус* (32), *смерть* (29). Стиль текстов преимущественно фактологический, за исключением текста в дата-трекере Медиазоны (Коронавирус в России. Инфографика) и The Economist.

В тексте Медиазоны использованы два метафорических выражения: *волны коронавируса* и *плато заболеваемости*. Они представляют собой онтологические метафоры, основанные на опыте обращения человека с физическими объектами и веществами [Лакофф, Джонсон 2004]. Существительное *волна* имеет несколько значений, но в прямом обычно употребляется во множественном числе: «водяные бугры, образующиеся в ветреную погоду в результате сильного колебания водной поверхности (реки, моря, океана и т.п.)»¹². Волна ассоциируется со стихийными явлениями, которые потенциально могут нести опасность. Слово *плато* имеет значение «возвышенная равнина, ограниченная четко выраженными уступами, крутыми

¹¹ А. Саиро отмечает, что «мозг гораздо лучше реагирует на изменения оттенков, чем на различия в форме» [Cairo 2013: 146]. При восприятии такого рода визуализации человек в первую очередь обращает внимание на цвета и только потом – на числа, изображенные на плитках.

¹² Волна. *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=волна&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=волна&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 01.03.2025).

склонами»¹³. На самом плато относительно безопасно, однако поскольку оно находится на возвышенности и имеет крутые склоны, нахождение на нем несет в себе потенциальную угрозу. Так, метафорические выражения, которые использует Медиазона, отождествляют изменение хода пандемии с природными явлениями, подчеркивая ее стихийность и неопределенность.

В тексте *The Economist* онтологические метафоры используются в большем количестве, чем в текстах других СМИ: *the pandemic has made it harder; America's east coast was hit hard by the pandemic; while COVID-19 was devastating New York* и др. Рассмотрим некоторые из этих метафор подробнее:

- глагол *devastate* (разрушать) имеет значения *to bring to ruin or desolation by violent action*¹⁴ – приводить в упадок посредством насильственных действий; *to reduce to chaos, disorder, or helplessness*¹⁵ – приводить к хаосу, беспорядку или беспомощности;
- прилагательное *devastating* (разрушительный) имеет значения *causing great damage or harm; causing extreme emotional pain; extremely effective or powerful*¹⁶, т.е. причиняющий большой ущерб или вред; причиняющий сильную эмоциональную боль; чрезвычайно эффективный или мощный.

С помощью выражений *while COVID-19 was devastating New York* – пока COVID-19 **опустошал** Нью-Йорк и *much of Latin America experienced a devastating first wave* – большая часть Латинской Америки пережила **разрушительную первую волну** пандемия оценивается не только как стихийное явление, но и явление, имеющее злой умысел, выражающийся в насилии. В целом метафоры *The Economist* характеризуют пандемию как деструктивное явление, отождествляют ее с катастрофой. Помимо этого, в тексте присутствуют оценочные слова (*people have become grimly familiar with the death tolls*), что также эмоционально воздействует на читателя.

Взаимоотношения между элементами

Поликодовый текст дата-трекера имеет четкую и однотипную структуру *вербальная часть* → *визуализация* → *вербальная часть* → *визуализация* и т.п.

При этом вербальная и визуальная части по-разному взаимодействуют между собой в разных текстах. А. Hennecke выделяет два типа их взаимосвязи в поликодовом тексте – отношения дополнения и взаимозависимости [Hennecke 2015]. В соответствии с этой типологией можно классифицировать тексты исследуемых дата-трекеров.

При **отношениях дополнения** доминирующей является визуальная часть текстов, а вербальная комментирует дата-визуализации, объясняет, как их следует читать (например, в дата-трекерах Медиазоны, *The New York Times*, *The Guardian*, *The Economist*). Вербальная часть лексически выстроена так, что внимание читателя сосредоточено на визуализации, присутствуют указательные слова и выражения (*на графике ниже, here, this chart*) и прямое обращение к читателю (*вы можете выбрать, you can see* и т.д.): **Here you can see the number of people who have died each week due to Covid** (*The Guardian*); **This table is sorted by places with the most cases per 100,000 residents in the last seven days** (*The New York Times*); **На карте вы можете выбрать конкретный регион или смотреть на ситуацию в целом по России** (Медиазона).

При **отношениях взаимозависимости** вербальная и визуальная части не дополняют, а усиливают друг друга (например, в дата-трекерах *The Washington Post* и РБК). Так, вербальная часть текста РБК оформлена в виде маркированного списка, каждый пункт которого является самостоятельным коротким сообщением и содержит гиперссылки на соответствующие новостные тексты РБК. В вербальной и визуальной частях дата-трекера смысл дублируется на метафорическом уровне. Это выражается в использовании слов *волна, wave, всплеск* (заболеваемости) и выборе линейного графика как типа дата-визуализации для отображения изменений заболеваемости / смертности. В совокупности с вербальным текстом линии графика становятся онтологической метафорой [Лакофф, Джонсон 2004].

Заключение

Выявлено, что, несмотря на фактологическую основу информационной модели дата-трекера, он оказывает эмоциональное воздействие на читателя.

¹³ Плато. *Большой толковый словарь...* URL: [https://gramota.ru/poisk?query=плато&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=плато&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁴ Devastate. *Merriam-Webster: America's most trusted dictionary.* URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/devastate> (accessed 1 Mar 2025).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Devastating. *Merriam-Webster...* URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/devastating> (accessed 1 Mar 2025).

Суггестия проявляется с помощью использования в заголовке лексических единиц, несущих негативную эмоциональную окраску; типографики заголовка (выделенные цветом или имеющие больший размер, чем основной текст, числа, которые несут информацию о количестве погибших или заболевших); выделения цветом элементов дата-визуализации; графических метафор дата-визуализации; интерактивности дата-визуализации, благодаря чему читатель становится соучастником текста; вербальных метафор и оценочных слов.

В основе дата-трекера лежит *продолженное сообщение* – регулярно обновляющееся и безоценочное, т.к. его развитие непредсказуемо, и время окончания неизвестно для самих авторов. Таким образом, эмоциональное воздействие, которое оказывает дата-трекер, меняется в зависимости от того, как изменяются данные, на основании которых создается сообщение.

Специфика продолженного сообщения влияет на семиотическую структуру дата-трекера: авторы не могут сформулировать однозначный информационный посыл, который хотят донести до читателя,

поскольку сообщение не имеет окончания во времени. Но с помощью перечисленных ранее способов авторы все же акцентируют внимание читателя на определенных показателях и переносят фактологическую информацию в аксиологическое поле, тем самым эмоционально воздействуя на читателя. Благодаря интерактивному взаимодействию элементов текста между собой, которым управляет читатель, дата-визуализация приобретает измерение во времени, выходя за пределы простого графического сообщения.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении дата-текстов с помощью семиотического анализа и выявлении способов моделирования информации в разных жанрах и форматах.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бондарчик В. В. Журналистика данных в период пандемии COVID-19. *Журналистика – 2021: стан, проблемы и перспективы*: 23 Міжнарод. навук.-практ. канф. (Мінск, 11 ноября 2021 г.) Мн.: БДУ, 2021. С. 13–16. [Bondarchik V. V. Data journalism during the COVID-19 pandemic. *Journalism – 2021: State, problems, and perspectives*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 11 Nov 2021. Minsk: BSU, 2021, 13–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrereg>
- Ван Ф. Стратегии визуальной риторики в сфере журналистики данных (на примере инфографики «РИА Новости» о COVID-19). *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2023. Т. 12. № 3. С. 81–88. [Wang F. Visual rhetorical strategies in data journalism (on the example of infographic "RIA News" about COVID-19). *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2023, 12(3): 81–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-3-81-88>
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Moscow: URSS, 2004, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaadx>
- Неренц Д. В. Роль «журналистики данных» во время кризиса (на примере дата-проектов о COVID-19). *Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии COVID-19*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 81–84. [Nerents D. V. The role of data journalism during a crisis (on the example of data projects about COVID-19). *Regional journalism in the new communication environment: Lessons from the COVID-19 pandemic*: All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 19–20 Apr 2021. Ekaterinburg: UrFU, 2021, 81–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhciuc>
- Сенинг М. А. Пандемия COVID-19 в российской дата-журналистике. *Вопросы журналистики*. 2023. № 14. С. 89–112. [Sening M. A. The COVID-19 pandemic in Russian data journalism. *Russian Journal of Media Studies*, 2023, (14): 89–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zivssn>
- Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: УРСС, 2013. 232 с. [Chernyavskaya V. E. *Text in the medial space*. Moscow: URSS, 2013, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwlpqd>
- Bertin J. *Semiology of graphics*. Redlands: Esri Press, 1983, 439.

- Bisiani S., Abellan A., Arias Robles F., García-Avilés J. A. The data journalism workforce: Demographics, skills, work practices, and challenges in the aftermath of the COVID-19 pandemic. *Journalism Practice*, 2025, 19(3): 502–522. <https://doi.org/10.1080/17512786.2023.2191866>
- Cairo A. *The functional art: An introduction to information graphics and visualization*. Berkeley: New Riders, 2012, 384.
- Cyrek B., Peltonen J. A comprehensive review of recent advances in research on COVID in communication studies. *Discover Public Health*, 2024, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12982-024-00154-5>
- Desai A., Nouvellet P., Bhatia S., Cori A., Lassman B. Data journalism and the COVID-19 pandemic: Opportunities and challenges. *The Lancet Digital Health*, 2021, 3(10). [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(21\)00178-3](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(21)00178-3)
- Elliot A. J., Maier M. A. Color psychology: Effects of perceiving color on psychological functioning in humans. *Annual Review of Psychology*, 2014, 65: 95–120. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115035>
- Fang H., Xin Sh., Pang H., Xu F., Gui Yu., Sun Ya., Yang N. Evaluating the effectiveness and efficiency of risk communication for maps depicting the hazard of COVID-19. *Transactions in GIS*, 2022, 26(3): 1158–1181. <https://doi.org/10.1111/tgis.12814>
- Halpern D., Lin Q., Wang R., Yang S., Goldstein S., Kolak M. Dimensions of uncertainty: A spatiotemporal review of five COVID-19 datasets. *Cartography and Geographic Information Science*, 2021, 51(2): 20–221. <https://doi.org/10.1080/15230406.2021.1975311>
- Hennecke A. Multimodale Texte und ihre Bedeutung für die Übersetzungspraxis. *trans-kom*, 2015, 8(1): 202–232.
- Illiinsky N., Steele J. *Designing data visualizations*. Sebastopol: O'Reilly Media, 2011, 110.
- Witzenberger B., Pfeffer J. Unleashing data journalism's potential: COVID-19 as catalyst for newsroom transformation. *arXiv*, 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2401.14816>
- Kennedy H., Hill R. L. The feeling of numbers: Emotions in everyday engagements with data and their visualization. *Sociology*, 2018, 52(4): 830–848. <https://doi.org/10.1177/0038038516674675>
- Pentzold C., Fechner D. J., Zuber C. "Flatten the curve": Data-driven projections and the journalistic brokering of knowledge during the COVID-19 crisis, digital journalism. *Digital Journalism*, 2021, 9(9): 1367–1390. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1950018>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lvlvpe>

Никонимы писателей-классиков в интернет-дискурсе

Бральнин Дмитрий Олегович

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Россия, Сыктывкар

eLibrary Author SPIN: 6106-6520

<https://orcid.org/0009-0000-1777-8132>

bralnin00@mail.ru

Аннотация: Исследование посвящено ономастическому анализу никонимов писателей-классиков, возникающих в социальных медиа как форма цифровой репрезентации культурно значимых исторических фигур. Цель – провести комплексное описание типологических особенностей никонимов писателей-классиков, выявленных в поликодовых текстах и функционирующих в интернет-коммуникации. Методология включает анализ единиц, извлеченных из поликодовых текстов в рамках нейросетевого эксперимента, и их последующее соотнесение с актуальными многоаспектными классификациями интернет-онимов. Результаты верифицируют тезис о неполном совпадении понятия *никоним* с псевдонимом, так как для писателей-классиков цифровое имя не становится знаком авторства, а выполняет иные функции. Показана вариативность способов образования никонимов от транслитерации базового антропонима до контаминированных конструкций с семантическим переосмыслением и широкий оценочный диапазон от нейтральных до ярко позитивных идентификаторов. Теоретическая значимость исследования состоит в апробации и уточнении существующих классификационных схем никонимов применительно к узкому корпусу, репрезентирующему канонические фигуры литературного наследия. Практическая значимость заключается в создании основы для компаративных исследований различных классов сетевых антропонимов. Выявленная модель *классический автор – никоним в поликодовом тексте* может быть использована в медиапроектировании аккаунтов для большей узнаваемости пользователей и актуализации идентификационных маркеров.

Ключевые слова: никоним, интернет-дискурс, сетевой антропоним, цифровая ономастика, писатель-классик, типология, оценочность, самопрезентация

Цитирование: Бральнин Д. О. Никонимы писателей-классиков в интернет-дискурсе. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 261–268. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-261-268>

Поступила в редакцию 16.06.2025. Принята после рецензирования 21.07.2025. Принята в печать 21.07.2025.

full article

Nickonyms of Classical Writers in Internet Discourse

Dmitriy O. Bralnin

Syktывkar State University, Russia, Syktывkar

eLibrary Author SPIN: 6106-6520

<https://orcid.org/0009-0000-1777-8132>

bralnin00@mail.ru

Abstract: Names of classical writers are often mentioned in social media as nickonyms, i.e., a digital representation of culturally significant historical figures. This article introduces an onomastic analysis of nickonyms that designate classical writers in polycoded texts of Internet communication. The nickonyms collected as part of this neural network experiment were calibrated against the existing multidimensional classifications of internetonyms. The concept of *nickname* did not prove to coincide with that of pseudonym: for classical writers, the digital name is no sign of authorship as it fulfills other functions. Most of the nickonyms originated from the English transliteration of the basic anthroponym, but the more creative ones were semantically reinterpreted contaminated constructions with a wide range of evaluative identifiers, from neutral to strongly positive ones. While the research refines the existing classification of nickonyms in relation to a narrow corpus of canonical literary figures, it lays foundations for comparative studies of other network anthroponyms. The model *classical author – nickname in a polycoded text* could be used to design recognizable names for Internet accounts with efficient identification markers.

Keywords: nickonym, Internet discourse, online anthroponym, digital onomastics, classical writer, typology, evaluative, self-representation

Citation: Bralnin D. O. Nickonyms of Classical Writers in Internet Discourse. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 261–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-261-268>

Received 16 Jun 2025. Accepted after review 21 Jul 2025. Accepted for publication 21 Jul 2025.

Введение

Цифровая коммуникация вывела сетевые антропонимы в центр ономастики, чем определяется актуальность исследования. Группу онимов, использующихся как аналог личного имени в сетевом пространстве, принято именовать никонимами. Несмотря на значительное количество работ, посвященных общим свойствам никонимов, их типологические особенности и функциональная специфика остаются недостаточно изученными.

Цель работы – провести комплексное описание типологических особенностей никонимов писателей-классиков, выявленных в поликодовых текстах и функционирующих в интернет-коммуникации. Задачи: определение целей и функций никонимов, выявление их структуры и графических элементов, описание словообразовательных моделей и оценка аксиологической направленности.

Термин *никоним* (никнейм, сетевой ник, сетевое имя, виртуальное имя собственное) в научной литературе не имеет устоявшегося определения. Однако многие исследователи выделяют ключевые признаки никонимов как лексической группы:

- использование в виртуальном пространстве [Аникина 2011а: 199; Горбачева 2021: 58; Дальдинова, Сапаева 2022: 168; Москальчук 2009: 248; Рябов, Кравчук 2023: 74; Соков 2013: 70; Юдаева 2020: 33–35];
- наличие конкретного референта [Смольников 2005: 29];
- выбор самой языковой личностью [Соков 2013: 69–70; Юдаева 2020: 33–35];
- актуальность для носителей языка [Смольников 2005: 29];
- цель использования:
 - 1) идентификация [Аникина 2011а: 199; Москальчук 2009: 248];
 - 2) самопрезентация личности / визитная карточка [Дальдинова, Сапаева 2022: 168; Москальчук 2009: 248; Рябов, Кравчук 2023: 74];
 - 3) отражение внутреннего мира человека и его ценностей [Рябов, Кравчук 2023: 74];
 - 4) привлечение внимания [Москальчук 2009: 248];
 - 5) реализация лингвокреативного потенциала виртуальной языковой личности [Соков 2013: 69–70; Юдаева 2020: 33–35];
 - 6) авторизация в системе [Соков 2013: 69–70].

Специфическими чертами никонимов как особого класса антропонимов также называют необязательность именования человека, ограничение функционального диапазона сферой межличностного общения [Аникина 2011а: 199], стилистическую неоднородность, отнесение к безэквивалентной лексике [Юдаева 2020: 33–35] и др.

Цели использования никонимов можно соотносить с их функциями в виртуальной реальности¹. Так, М. Г. Чабаненко выделила 5 функций никонимов: *функция самопрезентации* соответствует цели самопрезентации личности, *дискурсивная* – отражению внутреннего мира человека и его ценностей посредством детерминации речевого поведения, *игровая* – реализации лингвокреативного потенциала, *контактоустанавливающая* и *эмоционально-экспрессивная* функции связаны с целью привлечения внимания (различие можно выявить только в желаемом результате – вступить / не вступить в коммуникацию) [Чабаненко 2007: 4–5].

А. А. Соков добавляет техническую функцию никонима, что соответствует цели авторизации в системе, а также подчеркивает: никоним является результатом воспроизводимой совокупности психологических и речеповеденческих характеристик языковой личности [Соков 2013: 70], что можно связать с идентификацией личности.

Многие ученые сближают никнейм с псевдонимом и рассматривают его как частный случай псевдонима [Андреев 2011], интернет-псевдонима [Шмелева 2013: 180], указывают на сходство понятий при учете того, что никнейм применяется в общении

¹ Соотнесение целей и функций никонимов выполнено автором статьи.

личного характера, тогда как псевдоним является знаком авторства [Голомидова 2005: 19–20]. Как считает А. В. Зубарева, единственным ключевым признаком противопоставления никнейма и других типов онимов становится сфера функционирования в Интернете, поэтому такой тип онима можно назвать интернет-антропонимом [Зубарева 2018: 121].

Основными мотивами при создании никонима могут стать: реализация идеального Я, не совпадающего с реальным Я; уход от норм, правил, барьеров живой коммуникации; эксперименты с поиском истинного Я; желание реакции от других участников интернет-общения; обширное поле для имятворчества [Аникина 2011b: 143].

Представляют интерес никонимы, которые выбирают для самопрезентации известные личности. Одна из таких групп – писатели-классики, т.к. этот лингвокультурный типаж «являет собой ментальный конструкт, инвариантные черты которого (общезвестность и общепризнанность автора, непреходящее значение его произведений, выдающийся вклад в культуру и искусство) выражены системой языковых средств, выбор которых определяется жанрово-стилистической природой текстов и сферой их функционирования» [Бральнин 2025: 7–8]. В анализируемых примерах никоним не выбирается самостоятельно, а присваивается современным пользователем, что соответствует внешней идентификации представителя, что в большинстве случаев не характерно для никонимов, однако позволяет проводить исследование в контексте цифровой памяти культуры, связанной с осознанием «произошедших качественных изменений в мышлении и практиках современного человека» [Захарченко, Щедрина 2023: 33].

Методы и материалы

Нейросетевые эксперименты представляют собой попытку показать, как выглядели бы великие писатели и поэты в XXI в. В некоторых из них представлены никонимы, потенциально пригодные для аккаунтов писателей-классиков. Источником поликодовых текстов с никонимами послужили примеры, представленные на сайте AdMe², а также никонимы с сайта LiveLib³. Корпус исследования

составили никонимы, репрезентирующие авторов русского литературного канона XIX–XX вв. Объем выборки ограничен серией поликодовых текстов, оформленных в виде постов, где каждый пост предваряется никонимом, и статьей о возможных никах писателей-классиков в Сети.

Отбор никонимов осуществлялся методом сплошной выборки, т.к. весь материал удовлетворяет таким критериям, как принадлежность «писателю-классику», статус которого подтвержден включением в школьную программу, и наличие в нике графических элементов, отражающих типичный интерфейс социальных сетей (в первой группе никонимов).

Классификация никонимов проводилась с помощью методов функционально-целевого, структурно-графического, морфолого-деривационного и контент-анализа с категоризацией.

Результаты

В научной литературе встречается множество классификаций никонимов по различным основаниям. Для описания разных типов никонимов предлагают такие термины, как апоконимы, полуаллонимы, палинонимы, пренонимы, этнонимы и др. [Сымова, Николаева 2021: 220–222].

По **функционально-целевым** характеристикам [Соков 2013: 71] выделяются никонимы с номинативной, идентифицирующей, коммуникативной и технической функциями. Никонимов с технической функцией (набор бессвязных символов, цифр или семантически опустошенное имя) найдено не было.

К никонимам с коммуникативной функцией относятся случаи номинации с целью коммуникации с аудиторией. Такими никами можно считать: Александр «*Ваше всё*» Пушкин, Лев «*Читай меня полностью*» Толстой, Антон «*Поверьте, это смешно*» Чехов.

К никонимам с номинативной функцией можно отнести случаи полного или частичного дублирования фамилий писателей с никнеймом: @gogol_viy (никоним Н. В. Гоголя), @chekhov_a (никоним А. П. Чехова), @ah_akhmatova (никоним А. А. Ахматовой), @_shenshin (никоним А. А. Фета⁴), @mayak (никоним В. В. Маяковского).

² AdMe. URL: <https://adme.media/articles/my-predstavili-chno-mogli-by-postit-v-socsetyah-velikie-poety-i-pisateli-esli-by-zhili-v-nashe-vremya-2521765/> (дата обращения: 01.06.2025).

³ LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/group/168/post/4434-a-byli-by-u-pisatelej-niki-i-prozvischa> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Шеншин – настоящая фамилия поэта.

Идентифицирующая функция, при реализации которой никнейм может указывать на качества или свойства человека, внешность и другое, в проанализированных никонимах выражена в указании на произведения писателей-классиков: @gogol_viy (Н. В. Гоголь «Вий»), @bird_of_prophecy (пер. «птица пророчества», А. А. Блок «Гамаюн, птица вещая»); цитаты из них: Федор «Человеческой души потемки» Достоевский (цитата «Чужая душа – потемки» из романа «Идиот»); прозвища: @sverchok (Сверчок, никоним А. С. Пушкина), @lel_ryazansky (Лель рязанский, никоним С. А. Есенина); местность, связанную с писателем: @poet_of_the_caucasus (никоним М. Ю. Лермонтова; пер. «поэт Кавказа»), @countryman (никоним Н. А. Некрасова; пер. «деревенский житель»); факты биографии: Николай «Жгу» Гоголь.

Так, «Рязанским Лелем» С. А. Есенина называли в меценатских гостиных и литературных салонах⁵, а происхождение прозвища А. С. Пушкина «Сверчок» связано с псевдонимом поэта, взятым из поэмы В. А. Жуковского «Светлана», в литературном обществе «Арзамас»⁶. О прозвище А. С. Пушкина «Сверчок», иных типах номинации поэта на примере такого поликодового текста, как манга, подробнее можно прочесть в публикации [Бральнин 2024].

Лексико-семантическая классификация никонимов соотносится с первым типом и включает образование ников от собственных имен или фамилий, названий животных и растений, профессии, именованных психического и эмоционального состояния человека и др. [Рябов, Кравчук 2023: 72–73].

Е. Н. Горбачева выделяет несколько иные модели образования антропонимов в виртуальной сфере: от личных имен (в том числе известных людей); от игры слов, указывающих на место, профессию, род деятельности, внешний вид, качества человека, интеллектуальные, эмоциональные и физические характеристики и т. д. [Горбачева 2021: 61].

Кроме этого, исследователи указывают на такие тенденции в образовании сетевых имен, как совпадение с именем коммуниканта; переход общепотребительных лексем или их сочетаний в ряд онимов; актуализация имен славянских богов и мифологических существ, отождествление с природными объектами или явлениями [Бойка 2008: 31]; прецедентные высказывания, иноязычные лексемы,

десемантизация и симплификация онима [Якунина 2013: 219–220].

Исследуемые никонимы образованы от лексем, связанных с личными именами писателей, прозвищами, с названиями произведений, цитатами из них, фактами биографии и местностью, актуальной для их творчества.

При рассмотрении **словообразовательной** классификации были выделены ключевые способы словообразования никонимов: аббревиация с усечением начальной или конечной частей слова либо с буквенным сокращением словосочетаний или предложений; аффиксация; контаминация; наложение фонетических ассоциаций и лексико-синтаксический способ [Саакян 2017: 152–155]. В представленном материале найдены такие словообразовательные способы, как лексико-синтаксический способ с субстантивными словосочетаниями в основе с соединением частей подчеркиванием (@bird_of_prophecy, @lel_ryazansky, @poet_of_the_caucasus), усечение (@mayak – усечение фамилии с возможной метафоризацией и связи поэта В. В. Маяковского с маяком как символом проводника) и контаминация с применением подчеркивания (@gogol_viy – фамилия + название произведения; @chekhov_a – транслитерация фамилии + инициал имени; @ah_akhmatova – усеченная транслитерированная основа имени + транслитерированная фамилия). В остальных случаях речь идет об обычной транслитерации (@shenshin – транслитерация настоящей фамилии с предшествующим подчеркиванием; @sverchok – транслитерация личного прозвища) или переводе, например, ключевой характеристики тематики поэта (@countryman – относительно некрасовской поэзии). Также *ники* писателей образовывались от целых слов без транслитерации: Александр «Ваше всё» Пушкин, Лев «Читай меня полностью» Толстой, Антон «Поверьте, это смешно» Чехов, Федор «Человеческой души потемки» Достоевский, Николай «Жгу» Гоголь.

Значимой для классификации никонимов становится категория **оценочности**: никнеймы с дружеской, положительной, пейоративной оценкой и неофициальные дериваты официального антропонима своего носителя с нейтральной характеристикой [Дальдинова, Сапаева 2022]. Пейоративной оценки

⁵ Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁶ Как Пушкин стал сверчком? *История РФ: главный исторический портал страны*. 27.07.2017. URL: <https://histrf.ru/read/articles/pochiemu-pushkin-stal-svierchkom> (дата обращения: 01.06.2025).

для никонимов писателей-классиков зафиксировано не было.

Большинство исследуемых никонимов являются нейтрально-характеризующими: @gogol_viy, @chekhov_a, @ah_akhmatova, @shenshin, @mayak, @poet_of_the_caucasus, @countryman. Однако в примерах имеются незначимые для данной классификации отличия: добавление элементов узнаваемости, например название произведения (@gogol_viy), акцент на биографический факт или особенности творчества (@shenshin, @poet_of_the_caucasus, @countryman), или отсутствие таких элементов и переход к чисто утилитарной идентификации (@chekhov_a, @mayak). Для таких никнеймов, как @mayak и @poet_of_the_caucasus, может быть применена также положительная оценка.

Остальные никонимы имеют положительную оценку: @mayak, @bird_of_prophecy, @lel_ryazansky, @poet_of_thecaucasus. Отметим, что такие никнеймы декларируют отчасти суть творческой миссии каждого автора: творчество В. В. Маяковского отсылает к образу поэта-пророка, ведущего за собой светоча (маяк); пророческая сущность поэзии А. А. Блока (птица пророчества); подчеркивание связи творчества С. А. Есенина с фольклором и малой родиной (Лель рязанский); указание на пространственную доминанту многих произведений М. Ю. Лермонтова, что может сопровождаться аксиологической трактовкой (поэт Кавказа⁷). Дружеская оценка представлена лишь в одном никнейме – @sverchok. Никоним передает личное именование, вызывающее чувство человечности по отношению к А. С. Пушкину, это никоним с камерной оценкой.

Со стороны **структурного** аспекта можно выделить никонимы из одного или нескольких слов и графические ники (с использованием букв различной высоты, с использованием букв латинского алфавита, различных символов и цифр, смешения алфавитов или нарушения орфографии) [Рябов, Кравчук 2023: 72–73].

Существуют более детальные классификации структурных частей никнейма. Так, выделяются кириллические, латинизированные, транслитерированные (как в одну, так и в другую стороны), цифровые, символные, ненормативные, беспробельные никонимы [Соков 2014: 132–133]. Также рассматриваются популярные способы креолизации сетевого имени: беспробельное написание, введение в текст неязыковых символов, выделение в слове шрифтом

некоторой части, смешение строчных и прописных букв, использование искусственной ошибки, переименование кириллицы с латиницей, кириллическая запись иноязычных слов, возвращение к старой, дореформенной орфографии [Снегирева 2022].

Все никонимы писателей-классиков первой группы состоят из букв латинского алфавита и двух графических знаков небуквенной природы: @ и нижнее подчеркивание. Каждый из десяти никонимов представляет собой конструкцию из одного компонента, элементы которого соединены нижним подчеркиванием, несмотря на то что в основе нейминга часто лежат словосочетания. Во второй группе представлены никонимы исключительно кириллические из одного (Жгу), двух (Ваше всё) и более (Читай меня полностью, Поверьте, это смешно, Человеческой души потемки) слов.

Заключение

Никонимы писателей-классиков воспроизводят основные словообразовательные, оценочные и структурные модели, описанные в современной ономастике, но акцент переходит на культурологическую значимость канонических авторов.

Функционально-целевой фокус рассмотрения данной группы никонимов выявил исключительно номинативные, коммуникативные и идентифицирующие никонимы, что объясняется восприятием классиков как сакральных фигур. Такая закономерность показывает, что авторы-классики, репрезентированные в виртуальном пространстве, сохраняют ориентацию на узнаваемость, а не на игровые практики, что отличает их от большинства пользователей Сети.

Анализ оценочного спектра выявил преобладание нейтральных самоназваний при наличии значительно меньшего количества положительных и дружеских коннотаций. Такое распределение соотносится с социальным статусом референтов: писатель-классик не нуждается в эпатажно-негативной самоидентификации, но подчеркивается символический капитал автора. Тем самым выявлено, что оценочная составляющая никонима обусловлена культурной значимостью референта.

Все десять никонимов первой группы используют знак @ и нижнее подчеркивание для сегментирования написанных латиницей элементов. Анализ показал, что никонимы писателей-классиков тяготеют к латинизированным формам с минимумом

⁷ Никоним может быть понят как «наиболее значимый поэт всего Кавказа».

графических маркеров, что может отражать общий тренд на унификацию, тогда как более сложные приемы креолизации для никонимов писателей-классиков нехарактерны. Встретились и кириллические начертания во второй группе никонимов.

Исследуемые никонимы писателей-классиков охватывают лишь часть спектра сетевой антропонимии, демонстрируя тяготение к номинативным, коммуникативным и идентифицирующим моделям.

Лексико-семантическая характеристика включает транслитерированные имена и фамилии, названия произведений, личные прозвища, характеризующие символы, указание на происхождение и др. Со структурной точки зрения исследуемые никонимы представляют собой многообразие конструкций: встретились как простые однословные, так и двухсловные и многословные фразы, выполненные латиницей или кириллицей, часто с транслитерацией русских слов. В качестве основного графического элемента было выделено использование знака @ в начале каждого никонима из первой группы и применение подчеркивания как основного разделителя.

Выбор имени не только маркирует автора, но и конструирует ключевой элемент погружения читателя в литературное наследие, что представляет аргумент для рассмотрения никонима по большей части как инструмента цифровой репрезентации литературного канона.

Перспективы исследования: сравнение моделей нейминга у современных писателей-классиков, которые производят номинацию целенаправленно и самостоятельно, с представленной в статье ситуацией внешней номинации, когда никоним закрепляется за автором создателем поликодового текста. Также планируется привлечение иных инструментов анализа, таких как учет социолингвистического контекста и др., что в дальнейшем позволит сравнить обновленные данные с полученными итогами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Андреев В. К. Автономизация в корпоративных языках молодежи: Форма и содержание. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 5. С. 4–7. [Andreev V. K. Autonomization in corporate languages of the youth: Form and content. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, (5): 4–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyjtsb>
- Аникина Т. В. Политизированные никнеймы в ономастическом пространстве чатов. *Политическая лингвистика*. 2011а. № 1. С. 198–201. [Anikina T. V. Political nicknames in chats. *Political linguistics*, 2011а, (1): 198–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndwvov>
- Аникина Т. В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011б. 224 с. [Anikina T. V. *Comparative study of the virtual anthroponymy of English-, Russian- and French-speaking chat rooms*. Cand. Philol. Sci. Diss. Yekaterinburg, 2011b, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tasjlh>
- Бойка В. Ю. Никнеймы в белорусском интернет-дискурсе (на материале интернет-ресурсов TUT.BY I LIVEJOURNAL.COM). *Шостыя танкаўскія чытанні. Да 125-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа і 95-годдзя з дня нараджэння Максіма Танка*: конф. (Минск, 26–27 октября 2007 г.) Минск: БГПУ им. М. Танка, 2008. С. 92–94. [Boyka V. Yu. Nicknames in Belarusian Internet discourse (based on the Internet resources TUT.BY I LIVEJOURNAL.COM). *6th Tankov Readings. To mark the 125th anniversary of Yanka Kupala and Yakub Kolas and the 95th anniversary of Maxim Tank*: Proc. Conf., Minsk, 26–27 Oct 2007. Minsk: BSPU, 2008, 92–94. (In Bel.)]
- Бральнин Д. О. Лингвокультурные образы «Пушкин» и «Россия» в манге: визуально-номинативный аспект. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2024. № 1. С. 89–98. [Bralnin D. O. Cultural linguistic images of "Pushkin" and "Russia" in manga: Visual-nominative aspect. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2024, (1): 89–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-1-118-6>

- Бральнин Д. О. Лингвокультурный типаж «писатель-классик» в современной русской речевой практике: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2025. 208 с. [Bralnin D. O. *The linguistic and cultural type of "a classical writer" in modern Russian speech practice*. Cand. Philol. Sci. Diss. Arkhangelsk, 2025, 208. (In Russ.)]
- Голомидова М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков. *Вопросы ономастики*. 2005. № 2. С. 11–22. [Golomidova M. V. Russian Anthroponymy at the Turn of the Century. *Problems of onomastics*, 2005, (2): 11–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugudcd>
- Горбачева Е. Н. Антропонимическая система в компьютерно-опосредованной коммуникации. *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики*, ред. М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. М.: МГПУ, 2021. С. 56–62. [Gorbacheva E. N. Anthroponimic sistem in computer-based communication. *Relevant issues of English linguistics and linguistic didactics*, eds. Bloch M. Ya., Freidina E. L. Moscow: MPSU, 2021, 56–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsnggb>
- Дальдинова Э. О. Г., Сапаева Х. Самопрезентация личности в интернет-дискурсе. *Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы*, ред. А. А. Сукиасян. Уфа: АМИ, 2022. С. 168–170. [Daldinova E. O. G., Sapaeva H. Personal self-presentation in Internet discourse. *Traditional and innovative science: History, current status, and prospects*, ed. Sukiasyan A. A. Ufa: AMI, 2022, 168–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxvkcl>
- Захарченко И. Н., Шедрина О. М. Художественная визуализация цифровой памяти в современном медиа-арте. *Артикульт*. 2023. № 4. С. 33–46. [Zakharchenko I. N., Shchedrina O. M. Artistic visualization of digital memory in contemporary media art. *Artikult*, 2023, (4): 33–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2023-4-33-46>
- Зубарева А. В. Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2018. № 4. С. 115–123. [Zubareva A. V. Nickname as a special type of onym: In search of integrated sign. *Proceedings of southern Federal University. Philology*, 2018, (4): 115–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2018-4-115-123>
- Москальчук А. А. Никнейм – виртуальное имя человека. *Записки горного института*. 2009. Т. 182. С. 246–248. [Moskalchuk A. A. Nickname is a virtual name of a person. *Journal of Mining Institute*, 2009, 182: 246–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzebrh>
- Рябов Т. Д., Кравчук М. Г. Никнейм как форма самопрезентации в сети Интернет: структурно-семантический аспект. *Великое русское слово...: XX науч.-практ. конф.* (Иркутск, 9 декабря 2022 г.) Иркутск: ИГУ, 2023. С. 71–74. [Ryabov T. D., Kravchuk M. G. Nickname as a form of self-presentation on the Internet: Structural and semantic aspect. *Great is the Russian language...: Proc. XX Sci.-Prac. Conf.*, Irkutsk, 9 Dec 2022. Irkutsk: ISU, 2023, 71–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbwrgg>
- Саакян А. Б. Способы образования и тематические группы никонимов. *Исследовательская деятельность в образовательном пространстве региона: V науч.-практ. конф.* (Славянск-на-Кубани, 3–8 апреля 2017 г.) Славянск-на-Кубани: Филиал «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2017. С. 151–156. [Sahakyan A. B. Ways of formation and thematic groups of nickonyms. *Research activity in the regional academic environment: Proc. V Sci.-Prac. Conf.*, Slavyansk-on-Kuban, 3–8 Apr 2017. Slavyansk-on-Kuban: The Branch of KubSU in the town of Slavyansk-on-Kuban, 2017, 151–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vudorv>
- Смольников С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия. *Вопросы ономастики*. 2005. № 2. С. 23–35. [Smolnikov S. N. Actual and Potential Russian Anthroponymy. *Problems of onomastics*, 2005, (2): 23–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugudaz>
- Снегирева Е. В. Никнейм как вид креолизованного текста. *Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений: Междунар. науч.-практ. конф.* (Уфа, 2 июля 2022 г.) Уфа: Омега Сайнс, 2022. С. 84–85. [Snegireva E. V. Nickname as a type of creolized text. *Problems of scientific and practical activity. Search and choice of innovative solutions: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ufa, 2 Jul 2022. Ufa: Omega Science, 2022, 84–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lcyrbj>
- Соков А. А. Никоним как языковой знак: особенности графического оформления. *Научное мнение*. 2014. № 9-1. С. 130–134. [Sokov A. A. Nickname as a linguistic sign: Features of graphic figuration. *The Scientific Opinion*, 2014, (9-1): 130–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/teeggf>

- Соков А. А. Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе. *Известия ВГПУ*. 2013. № 4. С. 69–72. [Sokov A. A. Functional and stylistic peculiarities of nicknames in the virtual discourse. *Izvestia of the VSPU*, 2013, (4): 69–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgzws1>
- Сымова Ю. А., Николаева Е. В. Никнейм в интернет-пространстве как единица ономастики. *Вопросы зарубежной филологии в контексте современных исследований: XXX Междунар. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 26–27 апреля 2021 г.) Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2021. С. 218–223. [Symova Yu. A., Nikolaeva E. V. Nickname on the Internet as a unit of onomastics. *Issues of foreign philology in the context of modern research: Proc. XXX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Cheboksary, 26–27 Apr 2021. Cheboksary: CSPU named I. Yu. Yakovlev, 2021, 218–223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbvzva>
- Чабаненко М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 21 с. [Chabanenko M. G. *Youth discourse as a realization of typical and individual linguistic personality*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2007, 21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njcgtp>
- Шмелева Т. В. Русский рэп как пространство языкового креатива. *Лингвистика креатива*, ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. С. 176–194. [Shmeleva T. V. Russian rap as a space of linguistic creativity. *Linguistics of creativity*, ed. Gridina T. A. Ekaterinburg: USPU, 2013, 176–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbwojz>
- Юдаева О. В. Никнеймы как элемент речевого портрета пользователя сети. *Военно-филологический журнал*. 2020. № 1. С. 32–38. [Yudaeva O. V. Nicknames as an element of the network user's speech portrait. *Voенно-фiлогический журнал*, 2020, (1): 32–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvygysq>
- Якунина М. Л. Особенность интернет-дискурса: никнейм. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 3-2. С. 218–221. [Yakunina M. L. Features of internet-discourse: Nickname. *Philology. Theory & Practice*, 2013, (3-2): 218–221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvjwlv>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sznyab>

Сетевые фреймы как инструмент интерпретации событий Арабской весны в языковом сознании русско- и англоязычных интернет-пользователей

Девятяров Дмитрий Владимирович

Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 2725-3730

<https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

dimad9@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению репрезентации событий Арабской весны в непрофессиональном политическом дискурсе, продуцируемом русско- и англоязычными пользователями видеохостинга YouTube. Материал исследования – комментарии к видеороликам, посвященным кризисам в Ливии и Сирии. Дискурсивный материал анализируется через призму функционирующих в нем сетевых фреймов, представляющих собой знаниевые структуры, содержание которых обусловлено специфическими особенностями пространства сетевой коммуникации. Объект исследования – сетевые фреймы, задействованные при интерпретации событий Арабской весны в русско- и англоязычном непрофессиональных политических дискурсах, предмет – структура и содержание выделенных фреймов. Цель работы заключается в моделировании и интерпретации сетевых фреймов, описывающих кризисы Арабской весны в русско- и англоязычном непрофессиональных политических дискурсах. Поскольку динамика является одной из ключевых характеристик сетевых фреймов, исследуемый материал включает тексты комментариев, написанные пользователями в разные периоды времени. В рамках исследования была разработана и применена методика анализа динамики сетевых фреймов. Результатом использования данной методики стало определение фреймовых составов, участвующих в описании событий Арабской весны в русско- и англоязычном дискурсах. Описана структура и содержание каждого выделенного сетевого фрейма, а также определены основные тенденции, свойственные для динамики изучаемых сетевых ментальных единиц.

Ключевые слова: непрофессиональный политический дискурс, интернет-комментарии, фреймы, сетевые фреймы, кризис легитимности, Арабская весна, когнитивно-дискурсивный подход

Цитирование: Девятяров Д. В. Сетевые фреймы как инструмент интерпретации событий Арабской весны в языковом сознании русско- и англоязычных интернет-пользователей. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 269–278. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-269-278>

Поступила в редакцию 05.06.2025. Принята после рецензирования 01.07.2025. Принята в печать 01.07.2025.

full article

Arab Spring in Linguistic Consciousness of Russian- and English-Speaking Internet Users: Network Frames as Interpreting Tool

Dmitriy V. Devyatiyarov

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 2725-3730

<https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

dimad9@rambler.ru

Abstract: The article describes the representations of the Arab Spring events in the non-professional political discourse produced by Russian- and English-speaking YouTube users. The research material involved comments to videos that featured the crises in Libya and Syria. The discursive material was analyzed using the method of network frames.

Network frames are cognitive structures filled with content that depends on the specific network communication environment. The research objective was to model and interpret the network frames, their content, and structure in Russian- and English-speaking non-professional political discourses about the Arab Spring. Since network frames are essentially dynamic, the material also included comments published at different times. The author developed and applied a method for analyzing the dynamics of network frames to identify the frames involved in the description of the Arab Spring in Russian- and English-language discourse. The analysis for each frame involved its structure, content, and the main trends.

Keywords: non-professional political discourse, Internet comments, frames, network frames, legitimacy crisis, Arab Spring, cognitive-discursive approach

Citation: Devyatyyarov D. V. Arab Spring in Linguistic Consciousness of Russian- and English-Speaking Internet Users: Network Frames as Interpreting Tool. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 269–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-269-278>

Received 5 Jun 2025. Accepted after review 1 Jul 2025. Accepted for publication 1 Jul 2025.

Введение

Пространство сетевого общения представляет собой обширное коммуникативное поле, анализ которого позволяет исследователям делать выводы о существующих в том или ином языковом сообществе взглядах и мнениях касательно мировых политических событий, имеющих резонансный характер. Способность мировой Сети накапливать и долгое время хранить информацию способствует тому, что появляется возможность изучать сетевой дискурс не только в момент его порождения, но и фиксировать его динамику на протяжении весьма продолжительных отрезков времени вплоть до целых десятилетий.

В рамках настоящей работы за основу был взят когнитивно-дискурсивный подход, который направлен на изучение ментальных единиц человеческого знания, возникающих в процессе интерпретационной деятельности участников интернет-коммуникации [Лесникова 2024; Лузина 2008; Цурикова 2002]. Эти единицы представляют собой разного рода концептуальные структуры, отражающие различные способы восприятия индивидами окружающей действительности. В научной литературе существует масса классификаций и типологий концептуальных структур, однако наиболее удобной и релевантной нашему исследованию политически опосредованной интернет-коммуникации знаниевой структурой является фрейм, который становится основной единицей анализа предпринятой работы.

Многие лингвисты сходятся во мнении о том, что предназначение фреймов заключается в стереотипизации языкового сознания. Из этого следует, что в нем хранится набор структур (фреймов), которые используются для описания той или иной

стереотипной ситуации [Бабушкин 1996; Болдырев 2001; Fillmore, Atkins 1992]. Таким образом, обсуждая какое-либо политическое явление (в нашем случае это кризисы Арабской весны), интернет-пользователи активизируют в своем сознании те его фрагменты, в которых содержатся связанные с обсуждаемым явлением фреймы.

Из вышесказанного вытекает закономерный вопрос о природе фреймов в контексте статики и динамики. С одной стороны, тезис о стереотипности фреймовых структур свидетельствует об их универсальности и, следовательно, статичности [Ван, Дашинимаева 2022; Елина, Кузнецова 2016]. Однако некоторые исследователи считают, что фреймы способны не только быть формой отображения в сознании некоего статичного знания, но и быть способом упорядочивания информации о стереотипной ситуации под воздействием ряда экстралингвистических факторов, таких как политическая обстановка, темпоральный фактор, языковая принадлежность коммуникантов и др. [Девятыйarov 2024; Ковалев 2022; Щербаков 2020]. В этой связи М. Minsky и Н. Н. Болдырев разграничивают классификационные фреймы (статичное знание) и ситуационные фреймы (ситуация в динамике) [Болдырев 2004; Minsky 1975].

В рамках настоящей работы мы оперируем понятием *сетевой фрейм*, которое требует дополнительного разъяснения. Анализируя сетевое коммуникативное пространство, целесообразно рассматривать такие ментальные структуры, которые бы не только отражали представление сетевого языкового сообщества о некоторой стереотипной ситуации, но и находились в прямой зависимости

от фактора Сети, влияющего на динамику указанных структур. Такими структурами и являются сетевые фреймы. Для них характерна динамика, вариативность, а также подверженность воздействию фактора анонимности, модерации и других особенностей сетевого общения.

Сетевые фреймы изучаются нами на материале непрофессионального политического дискурса, представляющего собой разновидность дискурса реагирования, в рамках которого обычные интернет-пользователи обсуждают волнующие их политические вопросы [Мельник 2023; Савельева 2020; Тань 2024]. Такого рода коммуникация преимущественно происходит посредством комментирования некоторого исходного материала, будь то новостная статья, видеорепортаж или видеоблог.

Таким образом, объект исследования – сетевые фреймы, задействованные при интерпретации событий Арабской весны в русско- и англоязычном непрофессиональных политических дискурсах, предмет – структура и содержание выделенных фреймов. Цель работы заключается в моделировании и интерпретации сетевых фреймов, описывающих кризисы Арабской весны в русско- и англоязычном непрофессиональных политических дискурсах.

Методы и материалы

Сегодняшние события свидетельствуют о том, что кризисы легитимности власти могут стать отправной точкой для продолжительного периода нестабильности в стране. Ярким примером служат кризисы Арабской весны, которые по настоящий момент так и не получили окончательного разрешения. В качестве материала исследования были выбраны политические интернет-комментарии, в которых пользователи Сети обсуждали видеоролики на видеохостинге YouTube, посвященные

кризисам в Сирии и Ливии. Важным критерием отбора материала в данном случае стала особенность этого видеохостинга, позволяющая хранить всю историю пользовательских комментариев, начиная со дня публикации интересующих нас видеороликов. В общей сложности было проанализировано 3000 комментариев на русском и английском языках (1500 текстов для каждой языковой группы) к 14 видеороликам¹. Комментируемые материалы представляли собой как новостные репортажи о событиях Арабской весны, так и ролики, созданные видеоблогерами, зарегистрированными на видеохостинге. Для выявления динамических особенностей сетевых фреймов каждая языковая группа интернет-комментариев была разделена на три временные подгруппы по 500 текстов в каждой. Таким образом, были проанализированы ранние комментарии (2011–2014 гг.), медианные (2015–2018 гг.) и новые (2019–2023 гг.).

Выделение сетевого фрейма в качестве новой единицы исследования, на наш взгляд, требует разработки специализированных методик анализа. В результате была предложена методика анализа динамики сетевых фреймов. Она включает несколько этапов, направленных, во-первых, на моделирование сетевых фреймовых структур, а, во-вторых, на изучение их динамики.

Первый этап разработанной методики заключается в сборе языкового материала методом сплошной выборки и его дальнейшем распределении по временным группам. На втором этапе происходит непосредственное фреймовое моделирование с опорой на электронную библиотеку фреймов FrameNet². Отсюда наше понимание структурной организации фрейма во многом базируется на идее Ch. J. Fillmore, согласно которой элементы фрейма выстраиваются вокруг некоторой центральной лексической

¹ Арабская весна: игра на выбывание. (ТБЦ). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UNwuiqzB3Tg&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=36>; Гражданская война в Сирии на пальцах. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rXlRqbnCUwo&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=43>; Кто начнет войну в Сирии? – Сагановский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CJp0OKuvQRI>; Михаил Леонтьев: Сирия — это Ливия-2. Однако, Время. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4aWSiLx4W7g&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=47>; Почему началась война в Сирии? URL: https://www.youtube.com/watch?v=a_aA8zzlya0&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=37; Путин и Медведев о Ливии. Эфир 01.05.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UyU2P5XrsSo&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=48>; Путин. Ливия. Мне это не нравится. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yB9lheOga9A&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=31>; Путин: Париж – Сирия – Ливия – трезвый взгляд... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OixNwordlig&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=49&t=1s>; How Western Propaganda Destroyed Libya (and Got Away with it). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7iVXsKfXGno&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=50>; Know Your News! Understanding the Syrian Revolution in Under 4 Minutes. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ElRoN-uNli4&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=51&t=18s>; Libyan protesters prepare for «day of anger». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c3aG63v7zic&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=30&t=2s>; Libya's Leader Speaks Out. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y1rpzUD3vgE&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=34>; The war in Syria explained in five minutes. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K5H5w3_QTG0&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=32&t=1s; What you don't know about the libyan crisis. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9h1OhymEY7c&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=33> (accessed 21 May 2025).

² FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/> (accessed 10 May 2025).

единицы [Fillmore 1977]. Мы, в частности, заимствуем номинацию этих элементов, отражающих различные аспекты стереотипной ситуации, описываемой фреймом (например, компоненты **Убийца** и **Жертва** фрейма УБИЙСТВО). Вслед за отечественными учеными, работающими в русле фреймовой семантики, было принято решение назвать данную категорию фреймовых элементов субфреймами и применить к ним принцип полевой организации, что привело к выделению нами субфреймов ближней, средней и дальней периферии [Гусельникова 2010; Десятаров, Мельник 2023; Соколова 2006]. Также мы добавили слотовый уровень сетевого фрейма, отвечающий за непосредственное содержательное наполнение всей структуры.

На третьем этапе производился контент-анализ, который позволил выявить наиболее частотные ядерные лексические единицы сетевых фреймов, а также распределить субфреймы по уровням периферии и зафиксировать содержащиеся в них слоты. Следующий шаг подразумевал анализ структурной и содержательной динамики сетевых фреймов. Заключительным этапом нашей методики стал сопоставительный анализ, нацеленный на выявление сходств и отличий в репрезентации событий Арабской весны в непрофессиональном политическом дискурсе, характерном для русско- и англоязычного интернет-сообщества.

Результаты

Проанализировав массивы текстов интернет-комментариев к видеороликам, посвященным кризисам легитимности власти в Сирии и Ливии, были выделены наиболее частотные сетевые фреймы, описывающие их (табл. 1).

Анализ дискурсивного материала позволил определить основные ядерные лексические единицы, характерные для выделенных сетевых фреймов. В таблице 2 представлены самые распространенные из них.

Периферия сетевых фреймов, выстраиваемая вокруг ядерных лексических единиц, состоит из субфреймов и слотов (более мелких смысловых единиц, входящих в состав субфреймов). В качестве примера приведем подробный разбор периферийной зоны сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО (табл. 3).

Для большей наглядности целесообразно проиллюстрировать реализацию сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО в текстах интернет-комментариев:

- (1) *Truth is **Muammar Gaddafi** (субфрейм **Leader**) is the type of **Leader** (ядерная лексическая единица) who is good for his people (субфрейм **Depictive**)³;*
- (2) *Забыл упомянуть что Россия помогает **сирийскому** (субфрейм **Описание**) **диктатору** (ядерная лексическая единица) **Башару Асаду** (субфрейм **Лидер**) который и не дает закончить войну (субфрейм **Деятельность**)⁴.*

Выше представлены хвалебный (1) и критический (2) комментарии, в которых пользователи видеохостинга выражают свое отношение к ныне уже бывшим лидерам Ливии и Сирии. В обоих случаях сетевой фрейм ЛИДЕРСТВО строится вокруг ядерных лексических единиц, представленных лексемами *leader* и *диктатор*, и их периферийные

Табл. 1. Сетевые фреймы, описывающие Арабскую весну в Сирии и Ливии

Tab. 1. Network frames describing the Arab Spring in Syria and Libya

Сетевой фрейм	Лексические единицы
<i>Англоязычный дискурс</i>	
Hostile encounter	197
Leadership	182
Killing	161
Taking sides	101
Change of leadership	95
Reject leadership	72
Destroying	72
<i>Русскоязычный дискурс</i>	
Враждебное столкновение	153
Лидерство	129
Размежевание сторон	95
Убийство	53
Уничтожение	52
Смена лидерства	52
Оказание помощи	34
Неприятие лидерства	30

Прим.: фреймы расположены в порядке убывания их ядерных лексических единиц.

³ What you don't know about the libyan crisis...

⁴ Гражданская война в Сирии на пальцах...

Табл. 2. Ядерные лексические единицы сетевых фреймов
Tab. 2. Core lexical units of the network frames

Сетевой фрейм	Лексические единицы
<i>Английский язык</i>	
Hostile encounter	<i>war (78), invasion / to invade (27), fight / to fight (24), intervention / to intervene (17), conflict (17), attack / to attack (15)</i>
Leadership	<i>leader (46), government (38), dictator (24), ruler / to rule (22), regime (15), dictatorship (8), president (8)</i>
Killing	<i>to kill (100), to murder (19), to bomb (16), slaughter / to slaughter (7), genocide (7), to shoot (5)</i>
Taking sides	<i>support / to support (44), to be / unify forces / turn / bulwark / stand up / chant / demonstrate against (15), opposition / to oppose (11), to back (10)</i>
Change of leadership	<i>revolution (21), to overthrow (14), removal / to remove (13), to take over (9), to step down (7), coup (6), to topple (6)</i>
Reject leadership	<i>rebel / to rebel (24), Arab Spring (15), protest / to protest / protestor (13), uprising / to uprising (10)</i>
Destroying	<i>to destroy (43), to bomb (6), to ruin (4)</i>
<i>Русский язык</i>	
Враждебное столкновение	<i>война / воевать (101), лезть (10), вторгаться / вторжение (9), конфликт / конфликтовать (8), нападение / нападать (5)</i>
Лидерство	<i>власть (24), президент (18), диктатор (10), правитель (10), режим (9), управлять / править (8), диктатура (7), лидер (6)</i>
Размежевание сторон	<i>поддержка / поддерживать (47), оппозиция (12), быть за (9), финансировать (7), быть против (7), быть с (6)</i>
Убийство	<i>убийство / убивать (28), казнь / казнить (5), геноцид / проводить мочить (3), убирать (3), вырезать (3), расстреливать (3)</i>
Уничтожение	<i>бомбежка / бомбить (24), уничтожать (14), рушить (7), разваливать (5)</i>
Смена лидерства	<i>революция (16), свержение / свергать (15), избирать (6), переворот (4), выборы / выбирать (4)</i>
Оказание помощи	<i>помогать (34)</i>
Непринятие лидерства	<i>бунт / бунтовать (7), повстанцы (7), митинг (6), восстание (4)</i>

зоны включают субфреймы **Лидер** и **Описание**. Субфрейм **Лидер** представлен слотом *Арабские лидеры*, а субфрейм **Описание** – слотами *Позитивная характеристика* (комментарий (1)) и *Принадлежность к стране или нации* (комментарий (2)). В комментарии (2) также имеется субфрейм **Деятельность** (слот *Деструктивная деятельность*), преимущественно характерный для зоны средней периферии данного сетевого фрейма.

Анализ фреймового состава непрофессионального политического дискурса, посвященного кризисам Арабской весны, выявил, что рассматриваемые события находят отражение в языковом сознании русско- и англоязычных интернет-пользователей преимущественно в виде одних и тех же сетевых фреймовых структур. Выделенные нами сетевые фреймы демонстрируют, что комментаторы рассматривают Арабскую весну в двух основных аспектах, а именно как череду кризисных ситуаций, возникающих вокруг борьбы за власть (сетевые фреймы

ЛИДЕРСТВО, СМЕНА ЛИДЕРСТВА и др.) и сопровождающихся насильственными действиями (сетевые фреймы УБИЙСТВО, РАЗРУШЕНИЕ и др.). Поскольку в обоих языковых сообществах центральным является сетевой фрейм ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, то мы делаем вывод, что насильственный аспект имеет первостепенное значение для пользователей при обсуждении данной темы. Стоит также отметить, что фреймовые составы, посредством которых описываются кризисы Арабской весны в русско- и англоязычном дискурсах, подвержены влиянию фактора принадлежности комментирующих к тому или иному языковому сообществу. Так, в русскоязычном непрофессиональном политическом дискурсе достаточно ярко выражен сетевой фрейм ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ, наличие которого обусловлено непосредственным участием Российской Федерации в сирийском конфликте.

Нами было проинтерпретировано лексическое наполнение ядер выделенных сетевых фреймов.

Табл. 3. Периферия сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО
Tab. 3. Periphery of the network frame LEADERSHIP

Субфреймы	Субфреймы и слоты ближней периферии	Субфреймы и слоты средней периферии		
Массив комментариев	<i>Английский язык</i>			
		Depictive	Leader	Activity
Ранние	Belonging to a country or a nation	Arab leaders	Destructive activity	
	Positive description	Western leaders	Beneficial activity	
	Negative description	Famous public and political figures		
	Temporal description	Communities		
	Form of government			
Медианные	Depictive		Leader	
	Belonging to a country or a nation	Arab leaders		
	Positive description	Western leaders		
	Negative description	Famous public and political figures		
	Temporal description	Communities		
Новые	Leader		Depictive	
	Arab leaders	Belonging to a country or a nation	-	
	Famous public and political figures	Positive description		
		Negative description		
	<i>Русский язык</i>			
Ранние	Лидер		Описание	
	Российские лидеры	Принадлежность к стране или нации	Страны	
	Арабские лидеры	Позитивная характеристика	Мир	
	Общности	Негативная характеристика		
	Страны	Тип государственного устройства		
Медианные	Лидер		Описание	
	Российские лидеры	Принадлежность к стране или нации	-	
	Арабские лидеры	Позитивная характеристика		
	Тип государственного устройства	Негативная характеристика		
	Должность	Тип государственного устройства		
Новые	Лидер		Описание	
	Российские лидеры	Принадлежность к стране или нации	Деструктивная деятельность	
	Арабские лидеры	Позитивная характеристика	Деятельность во благо	
	Общности	Негативная характеристика		
		Темпоральная характеристика		

Кризисы Арабской весны прочно ассоциируются в сознании как русско-, так и англоязычных пользователей с войной, о чем свидетельствует доминирующее положение лексем *война / воевать* в сетевом фрейме ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ. Кроме этого, важным является и мотив вмешательства третьих стран в разворачивающийся конфликт. В таком случае ядерными лексемами данного сетевого фрейма выступают *вторжение / invasion / intervention, вторгаться / invade / intervene*. Так, анализ сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО показал, что в центре внимания интернет-пользователей стабильно оказывается феномен диктатуры (ядерные лексические единицы *диктатор /*

dictator, диктатура / dictatorship). Ключевой лексической единицей сетевого фрейма СМЕНА ЛИДЕРСТВА является *революция / revolution*, что говорит о том, что пользователи вслед за большинством СМИ относят разворачивающиеся на протяжении многих лет в Сирии и Ливии конфликты к разряду «цветных революций». Лексический состав ядерных сетевых фреймов в трех временных группах был также проанализирован с позиции динамики, однако значимых изменений и закономерностей выявлено не было, следовательно, ядерные компоненты рассматриваемых сетевых фреймов остаются относительно стабильными на протяжении всего периода наблюдений.

Рассмотрим периферийную зону сетевых фреймов. Анализ заключался в выявлении особенностей расположения субфреймов относительно ядра, а также в изучении имеющихся в них содержательных компонентов (слотов). Исследование показало, что зона периферии сетевых фреймов содержит доминантные субфреймы, которые отражают те аспекты стереотипной ситуации, на которых интернет-пользователи в большей степени заостряют свое внимание при обсуждении кризисов Арабской весны. Такие субфреймы чаще всего занимают место в ближней периферии. Например, для сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО это субфреймы **Лидер** и **Описание**, для сетевого фрейма УНИЧТОЖЕНИЕ – **Разрушитель** и **Объект воздействия** и т.д. Вариативной частью периферии сетевых фреймов являются средняя и дальняя зоны, которые содержат субфреймы, позволяющие максимально полно представить контекст описываемой данной структурой ситуации в определенный отрезок времени (**Место**, **Время**, **Результат**, **Обстоятельства** и др.). Таким образом, основная динамика периферийной зоны сетевого фрейма заключается в смене и перемещении субфреймов в пределах средней и дальней зон. Но необходимо отметить, что доминантные субфреймы также могут перемещаться в пределах ближней и средней периферийных зон с течением времени.

Выделение слотового уровня субфреймов позволяет нам систематизировать и анализировать непосредственное содержательное наполнение сетевых фреймовых структур, в результате чего мы имеем возможность наглядно продемонстрировать сходства и различия в восприятии Арабской весны представителями русско- и англоязычного интернет-сообщества, а также выявить некоторые тенденции в контексте динамики взглядов на представленную проблему. Проиллюстрируем это положение на примере слотового состава каждого из выделенных нами сетевых фреймов.

Так, рассмотрев слотовое наполнение сетевого фрейма ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, мы пришли к выводу, что оно практически идентично в русско- и англоязычном непрофессиональных политических дискурсах. Особый интерес вызывает слот *Руководство страны* субфрейма **Агрессор**. В русскоязычных текстах имена бывших арабских лидеров М. Каддафи и Б. Асада значительно реже выступают в качестве содержания указанного слота в отличие от комментариев на английском языке. В целом для англоязычных текстов характерен ярко

выраженный плюрализм в содержании слотов доминантных субфреймов (**Агрессор** и **Объект агрессии**), который в последствии сходит на нет, что является признаком того, что в сознании англоговорящих пользователей происходит окончательное разграничение сторон конфликта. В содержании слота *Страны и блоки* в дискурсе обеих языковых групп стабильно фигурируют США и НАТО, следовательно, пользователи отмечают непосредственное участие коллективного Запада в конфликте.

Для содержательной динамики сетевого фрейма ЛИДЕРСТВО прежде всего свойственны изменения в оценке личных качеств и деятельности арабских лидеров (слоты *Позитивная / Негативная характеристика* и др.), особенно четко прослеживающиеся именно в англоязычном дискурсе. В нем наблюдается тенденция к выстраиванию положительного образа свергнувших правителей.

Говоря о сетевом фрейме УБИЙСТВО, необходимо отметить, что ключевой слот субфрейма **Жертва** – *Гражданское население*. Изучение комментариев, посвященных Арабской весне в Ливии, позволило установить, что после свержения и убийства М. Каддафи его имя стало чаще фигурировать в содержании субфрейма **Жертва**, в то время как имя Б. Асада в большей степени свойственно субфрейму **Убийца**.

Моделирование сетевого фрейма РАЗМЕЖЕВАНИЕ СТОРОН логичным образом позволяет выявить и разграничить агентов поддержки противоборствующих сторон. В русскоязычном дискурсе пользователи в более новых комментариях начинают проводить параллели между Арабской весной, Евромайdanом и специальной военной операцией. Других ярких динамических тенденций обнаружено не было.

Анализ содержания слотов сетевого фрейма СМЕНА ЛИДЕРСТВА показал, что изначально пользователи преимущественно придерживались точки зрения, согласно которой инициатором государственного переворота (**Агентом**) выступал народ (*Гражданское население*). Однако со временем более значимым в рамках субфрейма **Агент** становится слот *Страны и блоки*, в содержании которого мы отмечаем акцент на причастности США к организации кризисов Арабской весны. Схожие мотивы наблюдаются и в содержании слотов сетевого фрейма НЕПРИНЯТИЕ ЛИДЕРСТВА.

Рассмотрим сетевой фрейм УНИЧТОЖЕНИЕ, а именно два его ключевых субфрейма – **Разрушитель** и **Объект разрешения**. Для первого субфрейма

наиболее значимым является слот *Страны и блоки*, для второго – *Города*, а также *Страны и блоки*. Таким образом, разрушительному воздействию прежде всего подвергается городская инфраструктура, а в качестве основного «разрушителя» пользователи называют коллективный Запад.

Заключение

В пространстве непрофессионального политического дискурса можно выделить сетевые фреймы, являющиеся отдельными ячейками ситуативного знания, которые подвержены воздействию экстралингвистических факторов. Они имеют относительно стабильное ядро, содержащее лексемы, которые выступают смысловым центром всей концептуальной структуры. Устойчивость характерна и для зоны ближней периферии сетевого фрейма. Входящие в нее субфреймы в основном являются доминантными и составляют устойчивый каркас конструкции. Однако в процессе реального сетевого общения сетевые фреймы подстраиваются под контекст коммуникации и демонстрируют способность к динамическим изменениям. На их динамику влияет лингвокультурная принадлежность участников общения, время совершения коммуникации и политическая повестка, характерная для конкретного временного отрезка. Структурные и содержательные изменения сетевой фреймовой структуры находят отражение в смене и перемещении субфреймов средней и дальней зон периферии. Кроме этого, может меняться и наполнение слотов доминантных субфреймов. Таким образом, сетевые фреймы могут стать удобным инструментом интерпретации политических событий, протекающих в течение длительного периода времени.

Определено, что русско- и англоязычные пользователи интерпретируют данные события Арабской

весны, используя один и тот же набор фреймовых структур. При этом лингвокультурные отличия имеют место, о чем говорит наличие сетевого фрейма ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ в русскоязычном массиве текстов. Обе языковые группы рассматривают Арабскую весну как насильственный конфликт, обусловленный агрессивной борьбой за власть. В результате исследования было выявлено, что отношение интернет-пользователей к кризисам в Ливии и Сирии менялось с течением времени, что, в свою очередь, проявляется в изменении содержания слотов, входящих в субфреймы периферийной зоны. К наиболее заметным тенденциям мы относим изменение отношения к свергнутым арабским правителям с негативного на положительное (в большей степени это характерно для англоязычного дискурса); возрастание роли США и НАТО в организации обсуждаемых кризисов легитимности власти; снижение роли в конфликте, отводимой местному населению. Для русскоязычного дискурса также характерно проецирование Евромайдана и последующей специальной военной операции на события Арабской весны.

Перспективы настоящего исследования: изучение непрофессионального политического дискурса в контексте изучения кризисов легитимности власти в других странах, расширение спектра рассматриваемых политических явлений и применение разработанной методики анализа на материале дискурса, продуцируемого иными языковыми группами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с. [Babushkin A. P. *Types of concepts in lexical-phraseological semantics of language*. Voronezh: VSU, 1996, 104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uovbjj>
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. 2-е изд. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. 123 с. [Boldyrev N. N. *Cognitive semantics. A course of lectures in English philology*. 2nd ed. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin, 2001, 123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzdoif>
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 18–36. [Boldyrev N. N. The conceptual space of cognitive linguistics. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, (1): 18–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opvzuj>

- Ван Ч., Дашинимаева П. П. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 2. С. 29–40. [Wang Zh., Dashinimaeva P. P. Frame, gestalt and image: Equivalence or contiguity of categorization? *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, 20(2): 29–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40>
- Гусельникова О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2010. № 9. С. 137–149. [Guselnikova O. V. Frame structure terminology. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2010, (9): 137–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwjxwv>
- Девятияров Д. В. Построение сетевой фреймовой модели «кризис легитимности власти» на материале русско- и англоязычного непрофессионального политического дискурса. *Политическая лингвистика*. 2024. № 4. С. 167–174. [Devyatiyarov D. V. Construction of a network frame model "power legitimacy crisis" based on Russian- and English-language non-professional political discourse. *Political Linguistics*, 2024, (4): 167–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgtezn>
- Девятияров Д. В., Мельник Н. В. Структурная динамика сетевых фреймов в контексте кризиса легитимности власти в Ливийской Джамахирии (на материале интернет-комментариев). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 3. С. 84–94. [Devyatiyarov D. V., Melnik N. V. Structural dynamics of network frames in the context of the legitimacy crisis in Libyan Jamahiriya (based on the Internet comments). *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, 21(3): 84–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-84-94>
- Елина Е. Н., Кузнецова Л. И. Когнитивные основания учебного фреймового словаря. Красноярск: СФУ, 2016. 165 с. [Elina E. N., Kuznetsova L. I. *Cognitive foundations of education frame dictionary*. Krasnoyarsk: SFU, 2016, 165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylcvyh>
- Ковалев Н. А. Концепт New Cold War на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы). *Филологические науки в МГИМО*. 2022. Т. 8. № 2. С. 18–28. [Kovalev N. A. New Cold War concept amid modern challenges (based on material of English-language press). *Linguistics & Polyglot Studies*, 2022, 8(2): 18–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-2-31-18-28>
- Лесникова М. А. Моделирование концепта Diversidad при переводе: испаноязычный медиадискурс сквозь призму когнитивно-дискурсивного подхода. *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2024. Т. 16. № 2. С. 187–196. [Lesnikova M. A. Modelling the Diversidad concept in translation: Spanish-language media discourse through the lens of a cognitive-discursive approach. *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 2024, 16(2): 187–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-2-187-196>
- Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания. *Парадигмы научного знания в современной лингвистике*, отв. ред. Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 40–48. [Luzina L. G. Cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge. *Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics*, eds. Kubryakova E. S., Luzina L. G. Moscow: INION RAS, 2008, 40–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwmqcp>
- Мельник Н. В. Аксиосфера современного политического непрофессионального дискурса: детерминативный аспект. *Языковое образование в меняющемся мире: Междунар. науч. форум*. (Анапа, 3 ноября 2023 г.) Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2023. С. 36–38. [Melnik N. V. Axiosphere of modern political non-professional discourse: Determinative aspect. *Language education in a changing world: Proc. Intern. Sci. Forum*, Анапа, 3 Nov 2023. Krasnodar: Izdatelskij Dom-Jug, 2023, 36–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txzrrh>
- Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: интенциональный аспект (на материале интернет-комментариев к политическим новостям). *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2020. Т. 9. № 4. С. 83–90. [Saveleva I. V. Non-professional political discourse: An intentional aspect (case study of Internet comments to political news). *Scientific research and development. Modern Communication Studies*, 2020, 9(4): 83–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-83-90>
- Соколова О. В. Семантика фразеологизмов: способы ее представления и динамика. *Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: II Междунар. науч.-практ. конф.* (Барнаул, 5–6 октября 2006 г.) Барнаул: БГПУ, 2006. Ч. 1. С. 384–388. [Sokolova O. V. Semantics of phraseological phrases: Ways of its representation and dynamics. *Problems of intercultural communication in language theory and linguistic didactics*:

- Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 5–6 Oct 2006. Barnaul: BSPU, 2006, pt. 1, 384–388. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxwscyp>
- Тань Ц. Непрофессиональный политический дискурс в жанрах медиакommunikации. *Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие*: Междунар. науч-практ. конф. (Москва, 23 мая 2024 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 819–823. [Tan J. Non-professional political discourse in media communication genres. *Slavic culture: Origins, traditions, and interaction*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 23 May 2024. Moscow: Pushkin Institute, 2024, 819–823. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dkzxcsm>
- Цурикова Л. В. Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен. *С любовью к языку*, отв. ред. В. А. Виноградов. М.: ИЯз РАН, 2002. С. 419–429. [Tsurikova L. V. Naturalness of discourse as a cognitive-pragmatic phenomenon. *With love to language*, ed. Vinogradov V. A. Moscow: IL RAS, 2002, 419–429. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vaodyh>
- Щербаков С. В. Фреймы конфликтных ситуаций и переговоров. *Вестник Башкирского университета*. 2020. Т. 25. № 3. С. 688–696. [Scherbakov S. V. Frames of conflict situations and negotiations. *Herald of Bashkir University*, 2020, 25(3): 688–696. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020.3.36>
- Fillmore Ch. J. The case for case reopened. Grammatical relations. *Syntax and semantics*, eds. Cole P., Sadock J. M. NY: Academic Press, 1977, vol. 8, 59–81. https://doi.org/10.1163/9789004368866_005
- Fillmore Ch. J., Atkins B. T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. Frames, fields and contrasts. *New essays in semantic and lexical organization*, eds. Lehrer A., Kittay E. F. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992, 75–102.
- Minsky M. A framework for representing knowledge. In: Winston P. H. *The psychology of computer vision*. NY: McGraw-Hill Book, 1975, 211–277.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ttdkvi>

Восприятие «наивной» легитимизации как политического и дискурсивного феномена адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса

Савельева Ирина Викторовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5642-0447

<https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Scopus Author ID: 57197718513

saviren1973@mail.ru

Аннотация: Актуальность исследования определяется стремительным развитием массовых дискурсивных практик Интернета. Одной из них является непрофессиональный политический интернет-дискурс. Объект – механизм легитимизации, действующий в текстах интернет-комментариев. Предмет – прагматико-лингвистические средства, маркирующие тенденции в восприятии дискурса о политике его субъектами (авторами интернет-комментариев). Цель статьи – выявить и систематизировать специфику восприятия интернет-комментариев внутренним кругом читателей, рассматривая тексты как акты «наивной» (непрофессиональной) легитимизации. Дискурс-анализ парных реплик – вторичных текстов, являющихся корневыми постами к статье о политике (K1), и третичных текстов (K2), представляющих собой реакции представителей виртуального сообщества, позволяет определить: 1) какой из вариантов легитимизации (политический или дискурсивный) «считывает» в корневом комментарии адресат дискурса; 2) каковы тенденции восприятия, которые демонстрирует дискурс адресата непрофессионального дискурса с учетом свойства бинарности мышления личности (рецепция-плюс или рецепция-минус). Установлена неоднородность восприятия адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса комментариев собеседников в аспекте легитимизации. Так, политическая легитимизация может восприниматься как дискурсивная (комментарий как отстаивание своей позиции), а комментарий, в котором автор легитимизирует свое мнение, получает иную интерпретацию – адресат фокусируется на легитимизации как на политическом феномене. Кроме того, выявлена вариативность реакций в формате рецепция-плюс и рецепция-минус. Узаконивание своего слова в (K1) не обязательно вызывает реакции (K2) на дискурс легитимизации в дискурсивном варианте, они могут фокусироваться и на ее референциальном (политическом) аспекте.

Ключевые слова: политическая лингвистика, прагматико-лингвистика, интернет-дискурс, комментарий, вторичный текст, первичный текст, легитимизация, макроинтенция, восприятие, адресат

Цитирование: Савельева И. В. Восприятие «наивной» легитимизации как политического и дискурсивного феномена адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 279–293. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-279-293>

Поступила в редакцию 18.02.2025. Принята после рецензирования 02.04.2025. Принята в печать 04.04.2025.

full article

"Naive" Legitimization Perceived as a Political or Discourse Phenomenon by the Recipient of Non-Professional Internet Discourse

Irina V. Saveleva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5642-0447

<https://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Scopus Author ID: 57197718513

saviren1973@mail.ru

Abstract: The non-professional political discourse is a rapidly developing Internet discursive practice. The research featured the legitimization mechanism in Internet comments and the tools of pragmatic linguistics that affect the perception of political discourse by its senders, i.e. commentators. The author identified and systematized how the inner circle of readers perceived political Internet comments in an act of "naive" (unprofessional) legitimization. The discourse analysis of paired lines involved secondary texts, i.e., root posts to a political article (K1), and tertiary texts (K2), i.e., reactions of the virtual community. The analysis made it possible to determine 1) which of the legitimization options, i.e., political or discursive, was registered by the recipient in the core comment; 2) the perceptual trends in the recipient's discourse, taking into account the binary nature of personal thinking (reception-plus or reception-minus). The research revealed a certain heterogeneity of the recipient's perception of the comments in terms of legitimization. A comment defending one's position could be perceived as discursive act of political legitimization; a comment that legitimized one's opinion could be associated with legitimization as a political phenomenon. The reception-plus and reception-minus reactions proved variable. Legitimizing one's word in (K1) did not necessarily cause a discursive (K2) reaction to the legitimization discourse: it might focus on its referential, i.e., political aspect.

Keywords: political linguistics, pragmatic linguistics, Internet discourse, commentary, secondary text, primary text, legitimization, macro intention, perception, addressee

Citation: Saveleva I. V. "Naive" Legitimization Perceived as a Political or Discourse Phenomenon by the Recipient of Non-Professional Internet Discourse. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 279–293. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-279-293>

Received 18 Feb 2025. Accepted after review 2 Apr 2025. Accepted for publication 4 Apr 2025.

Введение

Лингвопрагматический анализ современных социокоммуникативных практик – одно из востребованных направлений в дискурсивной лингвистике. К таким практикам относится непрофессиональный политический интернет-дискурс, который формируется в результате коммуникативной деятельности пользователей, оставляющих обратную связь к тому или иному электронному контенту. Коммуникативный статус активного пользователя глобальной Сети сопрягается с интенциональностью непрофессиональной языковой личности, которая направлена на экспликацию обратной связи в виде текста малой формы, представленного в том числе интернет-комментарием. Он также обусловлен воздействием на рядового носителя языка

институциональных дискурсов, в частности медиановостей о политике, практически полностью переместившихся в виртуальное пространство [Евсеева 2019; Кушнерук 2024; Чудинов, Сегал 2023].

Наряду с изучением рецепции и интерпретации – процессов, связанных с декодированием адресатом институционального дискурса [Голев, Ким 2023; Ким 2020] и формирующих в результате непрофессиональные дискурсы, важен и внутренний иллюкутивный потенциал производных текстов, поскольку в них формируется особое коммуникативно-когнитивное пространство [Ионова 2012], которое отражает эффект воздействия на адресата не только официальных политических новостей, но и текстов других участников сетевого сообщества – симметричных

коммуникантов [Савельева 2022]. В медиалингвистике, медиастилистике, коммуникативных исследованиях этот эффект получает название *теории информационных волн* [Болотнов 2015]. Публикуемая в Интернете резонансная новость преобразуется в разные жанры, формирующие единое медийное пространство [Болотнов 2015]. Она может затухать и возобновляться в разных дискурсных формах, генерируя различные пространственно-временные конфигурации. Волновой эффект виртуального медийного пространства оказывает значимое влияние на непрофессиональный дискурс, в нем наиболее высока степень вариативных репрезентаций информационного эха [Ким, Рольгайзер 2024].

Одной из макроинтенций непрофессионального дискурса является интенция *легитимизации* (одобрения законности), которая включает и ее противоположный вариант – *делегитимизацию* (отрицание законности). Прагматической детерминантой порождения непрофессионального политического интернет-дискурса служит реакция читателя на политические события. Посредством совершения коммуникативного акта пользователь подтверждает или отрицает законность решений, принимаемых политическими акторами [Девириков 2020; Мельник, Митякина 2024; Силкова 2022]. Поэтому любое мнение партнера по коммуникативной площадке воспринимается прежде всего как акт политической легитимизации.

В работах по дискурс-анализу (Т. А. Ван Дейк, П. Цап, Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен, Э. Лакло и Ш. Муфф, Т. Ван Леувен, А. В. Колмогорова, О. Н. Кондратьева, Н. В. Мельник и др.) легитимизация также понимается как узаконивание собственного мнения (своего слова) с помощью актуализации тех или иных значений дискурса. Так, субъект, публикующий микротекст в глобальном коммуникативном пространстве, осуществляет коммуникативный акт, который также является актом легитимизации – оправдания / узаконивания своего слова.

Поскольку акт выражения политической позиции осуществляется на коммуникативной площадке, предназначенной для общения неформального типа, то, согласно нашей концепции, *непрофессиональный дискурс* – это серия актов наивной легитимизации [Савельева 2021]. Цель статьи – выявить и систематизировать специфику восприятия интернет-комментариев внутренним кругом читателей, рассматривая тексты как акты «наивной» (непрофессиональной) легитимизации.

Понятие «*наивная*» *легитимизация* берет свое начало из работ, в которых исследуется проблемное поле обыденного сознания и его отражения в языке и тексте (Н. Д. Голев, В. Б. Кашкин, Н. Б. Лебедева, Н. В. Мельник, А. Н. Ростова, З. И. Резанова и др.). Проявление обыденного сознания в речевых произведениях, создаваемых языковой личностью рядового носителя языка, выражается в объективации в тексте наивной картины мира автора.

Лингвопрагматический подход к исследованию способов аргументации непрофессиональной языковой личностью политических взглядов и убеждений, которые высказываются ей в интернет-комментариях к статьям политической тематики, позволяет ввести в научный обиход термин *непрофессиональная* или «*наивная*» *легитимизация*, обозначающий речевые стратегии легитимизации / делегитимизации, используемые обычными людьми, рассуждающими на профессиональные темы в рамках неофициального общения [Савельева 2021]. В таком контексте процесс легитимизации в большей степени представляет отстаивание виртуальным собеседником своей позиции.

Лингвистический анализ высказывания, в фокусе которого находятся средства, указывающие на заложенные в него автором интенции, позволяет систематизировать языковые механизмы согласно их потенциальной способности выражать то или иное намерение, реализовывать посредством дискурса ту или иную цель. Отметим, что Дж. Серль, основатель теории речевых актов, благодаря которому категория интенциональности перешла в разряд лингвистических, отмечал: «Именно осуществление акта произнесения с определенным множеством интенций превращает произнесение в иллокутивный акт и, таким образом, придает произнесению Интенциональность» [Серль 1987: 126].

Активность сознания языковой личности наделяет порождаемый ей дискурс смыслом, придает ее высказываниям цель, иллокутивную силу, обуславливает выбор языковых средств, их синтаксическую «аранжировку» [Мельник 2010]. Для личности сетевого комментатора также релевантна интенция самопрезентации, т.к. его интенциональный план обусловлен стремлением «к самопрезентации, самовыражению и самоидентификации личности в Интернете» [Сидорова 2014: 65], что соответствует такой тенденции в современной коммуникации, как «виртуальное инобытие личности» [Альжанова и др. 2023: 204]. В дискурсивном пространстве непрофессионального политического

интернет-дискурса, образуемом медиатекстом и комментариями к нему, преобладает та или иная макроинтенция, которая, как правило, согласуется с одной из четырех, выделенных нами в работе [Савельева 2022]: реактивно-когнитивной, оценочно-репрезентативной, политико-идеологической и интерактивно-диалоговой.

Под непрофессиональным дискурсом подразумевается совокупность текстов спонтанного реактивного и анонимного характера, производимых преимущественно рядовым носителем языка в Сети. Ввиду полипарадигмальности современного языкознания и междисциплинарного характера объекта исследования анализируемая социокоммуникативная практика рассматривается как персональный [Карасик 2002; Сидорова 2014] и обыденный [Ким 2020] типы дискурса, а также как дискурс реагирования [Плотникова, Домышева 2009], проблематизации [Романтовский 2017], легитимизации / кризиса легитимности власти [Девятияров 2020; Мельник 2021; Мельник, Митякина 2024], «наивной» легитимизации [Савельева 2021].

Принимаемая в настоящей работе трактовка непрофессионального дискурса актуализирует его онтологические свойства. Гносеологический аспект предполагает, что субъекты непрофессионального дискурса производят ответный, нередко оппозиционный дискурс, формирующий собственное прагма-семантическое пространство. Тем не менее тематически непрофессиональный политический интернет-дискурс остается связанным с той или иной профессиональной сферой (политика, экономика, спорт и т.д.). Поэтому при описании конкретных речевых произведений присутствует необходимость уточнять, какая разновидность непрофессионального дискурса исследуется (политическая, экономическая, спортивная и т.п.) [Чудинов и др. 2016]. В фокусе нашего внимания находится политический дискурс в своей непрофессиональной разновидности, представленный жанром интернет-комментария и тематически сфокусированный на политической проблематике [Савельева 2021; 2022].

В непрофессиональном дискурсе, тематически связанном с политической проблематикой, одной из макроинтенций является политико-идеологическая интенция, дискурсивно объективированным вариантом которой становится легитимизация. Непрофессиональный политический интернет-дискурс – макрокоммуникативный акт по осуществлению легитимизации, который

представлен на микроуровне единичными актами «наивной» легитимизации. Однако механизм легитимизации имеет сложную, неоднородную природу. В традиционном варианте легитимизация представляет собой акт узаконивания власти, преимущественно осуществляемый в институциональных дискурсах, акт приведения определенных силовых, властных, государственных структур и их представителей в статус законно избранных и занимающих свой пост по праву, полученному на основании законодательных норм [Мельник, Митякина 2024; Силкова 2022].

Дискурсивные механизмы и способы осуществления легитимизации достаточно подробно описаны в научной литературе. Легитимизация в дискурсе соотносится с референциальным и собственно дискурсивным аспектами. В первом случае происходит установление истинности и законности событий в политической реальности, во втором – дискурс как социальная практика выступает в качестве эффективной формы узаконивания перечисленных феноменов [Ван Дейк 2013; Йоргенсен, Филлипс 2008; Колмогорова 2018; Кондратьева, Игнатова 2021; Сар 2008; Van Leeuwen 2008].

Для нашего исследования релевантным положением является расширение семантики понятия *легитимизация* в отношении собственной позиции говорящего / пишущего. Отстаивая эту позицию, субъект речи транслирует право иметь собственную точку зрения, основанием которой служат логически обоснованные аргументы или собственный здравый смысл. Так, если субъект речи оправдывает свое нежелание участвовать в той или иной процедуре, он может сказать или написать об этом. Тот же принцип лежит в основе порождения непрофессионального политического интернет-дискурса. Позиция многих рядовых носителей языка детерминирована индивидуальным дискурсивным и внедискурсивным опытом, и поэтому обсуждаемая в комментариях информация имеет широкий спектр интерпретаций [Голев, Ким 2023]. С данным видением соотносится высказывание о трансформации информации в широком дискурсивном поле и о том, что «стимулированные информационным поводом тексты рождают собственное информационное поле и информационные волны» [Болотнов 2015: 113]. По этой причине справедливым является положение о действии механизма легитимизации в варианте дискурсивного узаконивания своей точки зрения [Йоргенсен, Филлипс 2008].

Исходя из трактовки легитимизации, спроецированной в область узаконивания личного мнения актом речепорождения, текст комментария, смысловым ядром которого становится политическая позиция и любое субъективное мнение непрофессионального автора, является актом легитимизации. Реагирование партнеров по площадке ответной репликой актуализирует результат воздействия акта легитимизации на адресата. В итоге возникает серия третичных текстов – реакций на комментарии партнеров. Третичный текст, по мнению А. В. Болотнова, «отражает только элементы авторских оценок, взятые из другого текста, первичного или вторичного (т.е. различные императивы, пересказанные идеи или смыслы)» [Болотнов 2015: 114]. Продолжая мысль исследователя и экстраполируя ее в сферу непрофессионального политического интернет-дискурса как области легитимизации мнений его субъектов, мы считаем, что комментарий второго порядка (третичный текст) – это маркер успешности / неуспешности акта легитимизации в непрофессиональном дискурсе. При этом в силу неоднородности объекта исследования в третичном тексте субъект вербализирует свое восприятие акта «наивной» легитимизации по-разному. Бинарная природа мышления обуславливает положительную / отрицательную реакцию адресата, а фокус рецепции (оценивается референциальная или дискурсивная составляющая комментария) указывает на то, какой акт легитимизации – политический или дискурсивный – состоялся / не состоялся.

Методы и материалы

Смысловая и гносеологическая неоднородность объекта исследования – социополитического феномена легитимизации, как отмечалось во Введении, отражается не только в возможности его междисциплинарной интерпретации, но и в том, какая из его функций (собственно политическая или дискурсивная) более значима для непрофессиональной языковой личности. Дискурс становится не только макроактом легитимизации, но и полем, актуализирующим последствия его воздействия на адресата в вариантах успешности (рецепция-плюс) и неуспешности (рецепция-минус).

В качестве материала для анализа взяты комментарии пользователей к статьям политической тематики за 2024–2025 гг. на американских новостных порталах¹. Легитимизация понимается двояко: как социополитический и дискурсивный феномен, преломляемый в непрофессиональном дискурсе в серии мнений пользователей. В связи с этим для установления дискурсивных триггеров в реализации интенционального (иллокутивного) сценария легитимизации мы сделали выборку комментариев первого порядка (K1), на которые имеется реакция одного или более пользователей. Третичные тексты, т.е. реакции на корневые посты, рассмотрены как комментарии второго порядка (K2). Комментарии первого порядка были проанализированы на предмет осуществления в них акта легитимизации в двух названных вариантах. Комментарии второго порядка – индикаторы успешности / неуспешности акта «наивной» легитимизации, а также репрезентанты тенденций в восприятии адресатом названных актов. В качестве частных лингвистических методов исследования применены лингвопрагматический и лингвостилистический анализ текста и дискурса. Также использовался метод сопоставительного анализа исходного и производных текстов.

Исследование направлено на то, чтобы выяснить, 1) какой из вариантов легитимизации (политический или дискурсивный) «считывает» в корневом комментарии адресат дискурса; 2) каковы тенденции восприятия, которые демонстрирует дискурс адресата непрофессионального дискурса с учетом свойства бинарности мышления личности (рецепция-плюс или рецепция-минус).

Таким образом, микроуровень настоящей статьи связан с установлением перлокутивного эффекта, оказываемого на читателей собеседниками (другими субъектами дискурса), опредмеченного в третичных текстах-комментариях. Макроуровень обусловлен следующей исследовательской интенцией: в отличие от утвердившегося подхода к анализу влияния медиасреды в ее профессиональном воплощении (официальные новости на сайтах СМИ и в социальных сетях; блогерский контент; персональные страницы госслужащих и известных

¹ Burriss S. K. Far-right Republican falls down Capitol steps after speaker vote: report. *Raw Story*. 5 Jan 2025. URL: <https://www.msn.com/en-ca/news/politics/far-right-republican-falls-down-capitol-steps-after-speaker-vote-report/ar-AA1wVAVM>; Peterson M. Trump will inherit a booming economy. Why change it? *Barron's*. 10 Jan 2025. URL: <https://www.msn.com/en-us/money/markets/trump-will-inherit-a-booming-economy-why-change-it/ar-BB1rfc5Z?ocid=hpmsn&cvid=adf7433d6cdc436dc5bcf0b3e76bac8b&ei=53>; Trepany C. Trump's election has women swearing off sex with men. It's called the 4B movement. *USA TODAY*. 9 Nov 2024. URL: <https://www.msn.com/en-us/news/us/trump-s-election-has-women-swearing-off-sex-with-men-it-s-called-the-4b-movement/ar-AA1tLmwO?ocid=hpmsn&cvid=4bc9e198abe74e0180237a665f68b5e5&ei=11> (accessed 31 Jan 2025).

сетевых личностей), нас интересует, каким образом коммуникативно-прагматические параметры дискурса влияют на его участников.

Результаты

В непрофессиональном дискурсе смысловым ядром является личное мнение автора. Непрофессиональная личность и ее наивная картина мира – точки отсчета при порождении непрофессионального политического интернет-дискурса. Репрезентация картины мира становится коммуникативной целью, а политические факты являются средством для ее реализации. Актуализация политических предпочтений адресата политического дискурса, обусловленная реализацией политико-идеологической интенции является смыслообразующим параметром. Читатели обосновывают свое видение «правильной» политики, реализуя право голоса посредством порождения реактивных текстов, доминантой которых является субъективное мнение автора в аспекте его политической компетентности. В американской политической системе сегодня наиболее остро стоит вопрос о возрасте представителей правящей элиты. Поэтому адресата институциональных и неинституциональных дискурсов интересуют сообщения в прессе, касающиеся случаев, высвечивающих слабые стороны политиков, а наибольший эффект имеют факты, дискредитирующие власть. Одной из наиболее обсуждаемых стала публикация о неудачном появлении на публике женщины-политика: «член Палаты представителей США от партии MAGA Вирджиния Фокс, по-видимому, упала с лестницы в Капитолии в пятницу после голосования за пост спикера»².

Первая реакция в ленте актуализирует вопрос возрастного ценза политиков высшего круга. Повестку дня в дискурсивном поле адресата для многих комментаторов устанавливает комментарий следующего содержания:

(K1): *Another fine case to be made for term limits and age restrictions. The 3rd in line for the presidency is now 91... That's 91... / Еще один прекрасный аргумент в пользу ограничения срока полномочий и возраста. Третьему в очереди на президентское кресло сейчас 91 год... Это 91 год...*³ (Raw Story).

В комментарии поднимается проблема, обозначаемая формулами *term limits* и *age restrictions* (ограничение срока службы и возраста соответственно), которая широко обсуждается в американских СМИ и может быть причислена к макротемам американского политического дискурса. С позиции комментатора медиафакт о падении Вирджинии Фокс, немолодой женщины, занимающей высокий пост, – очередной аргумент в пользу введения такого ценза. Акт легитимизации, цель которого – напомнить о необходимости введения ограничений для возрастных политиков, осуществляется посредством указания на то, что комментируемая новость представляет еще один прекрасный аргумент (*another fine case*), подтверждающий нелегитимность чрезвычайно долго функционирующих престарелых чиновников. Кроме этого, автор делает акцент на числовом выражении возраста, дважды актуализируя его в эмфазе *That's 91* и сопровождая многоточием с семантикой незавершенности мысли и необходимости самостоятельного умозаключения.

На (K1) последовали реакции в виде третичных текстов, эксплицирующих разные векторы восприятия комментария как акта «наивной» легитимизации. Вариант рецепция-плюс представлен в следующем комментарии партнера по коммуникативной площадке:

(K2): *Nothing says they need more than a sitting representative being quietly placed in a nursing home while staff closes the doors of her district office, in secret. I still want to know who pocketed the \$1.5 million in allowance for that office and her travel expenses / Ничто так не говорит о том, что им нужен постоянный представитель, как тихое помещение в дом престарелых, в то время как сотрудники втайне закрывают двери ее районного офиса. Я все еще хочу знать, кто присвоил 1,5 миллиона долларов на содержание этого офиса и ее дорожные расходы* (Raw Story).

Микротекст (K2) подтверждает идею ангажированности престарелых персон (рецепция-плюс), точка зрения автора созвучна мнению (K1). Параллельно транслируется следующая мысль: с помощью политических марионеток не вполне

² Burris S. K. Far-right Republican falls down... Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

³ Здесь и далее в примерах выделено автором статьи.

дееспособного возраста совершаются сделки по отмыванию крупных сумм. Для (K2) важнее поиск доказательств последнего – улики о краже государственных финансов. Реакция (K2) демонстрирует успешность акта политической легитимизации в ее «наивном» варианте (непрофессиональная личность (K1) выражает свою политическую позицию).

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-плюс. Политическая легитимизация воспринимается как политическая легитимизация. Акт легитимизации носит успешный характер.

Сомнение в успешности предлагаемого политического хода отражено в реакции комментатора, текст которого указывает на восприятие по типу рецепция-минус:

(K2): *Congress people will never vote for term limits for themselves. They are much too interested in accumulating and consolidating personal power. Power is their drug of choice / Конгрессмены никогда не проголосуют за ограничение срока их полномочий. Они слишком заинтересованы в накоплении и консолидации личной власти. Власть – это их любимый наркотик* (Raw Story).

В данном третичном тексте отражается реакция на комментарий (корневой пост) как политический акт, положительно решающий проблему ограничения срока госслужбы. Для автора (K2) очевидна его неуспешность (рецепция-минус). Однако осуществление желаемого сценария аннулируется в третичном тексте не потому, что адресат не поддерживает точку зрения собеседника. Причина в том, что акт легитимизации не может состояться вследствие референциальных препятствий, обусловленных фактором власти. На это указывают номинации и местоимения, формирующие дейксис дискурса: *Congress people, they, their drug*. Политическая реальность такова, что ограничение срока полномочий политиков – дело рук самих политиков, следовательно, это утопия. Интенсификатором позиции рецепция-минус в восприятии акта «наивной» легитимизации адресатом служит инновационная политическая метафора: *Power is their drug of choice*.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-минус. Политическая легитимизация воспринимается адресатом как политическая делегитимизация. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Более естественной является реакция других пользователей, которые заинтересовались вопросом настоящего возраста и статуса объекта наивной легитимизации. Заявление автора (K1) не единожды ставится под сомнение (рецепция-минус), и в следующем третичном тексте вновь оспаривается истинность утверждения о возрасте и очередности в получении президентского кресла:

(K2): *Nearly 29k people follow someone that thinks Grassley is 3rd in line for POTUS behind Vance. WRONG. Johnson is 3rd in line and he's 52 / Почти 29 тысяч человек подписаны на кого-то, кто считает Грассли третьим в очереди на пост президента после Вэнса. НЕПРАВИЛЬНО. Джонсон занимает 3-е место в очереди, и ему 52 года* (Raw Story).

Так, в серии откликов (K2) отражается реакция на текст (K1) как на акт установления политической законности: собеседниками проводится верификация очередности претендентов в случае отставки президента и оценивается их возраст. В фокус восприятия адресата непрофессионального политического интернет-дискурса попадает референциальный аспект непрофессионального дискурса: реальные люди, их политический статус и личные данные – фамилии, имена, возраст. В представленных примерах участники дискурса воспринимают акты «наивной» легитимизации в политическом контексте.

Тип восприятия: сдвиг по объекту восприятия, рецепция-минус. Политическая легитимизация при восприятии переходит в дискурсивную делегитимизацию. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

В другой публикации, комментарии к которой иллюстрируют специфику восприятия адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса актов «наивной» легитимизации, поднимается вопрос возможного снижения роста экономики США вследствие прихода к власти Дональда Трампа. Внимание комментаторов привлекло выражение *a booming economy* из заголовка, содержащее оценочный компонент (*to boom* – бурно, быстро развиваться, процветать):

(K1): *Yes, not being able to afford to feed your family or not being able to put gas in your car to get to work, is definitely a booming economy / Да, неспособность прокормить свою семью или заправить*

машину, чтобы добраться до работы, – это, безусловно, бурно развивающаяся экономика (Barron's).

Использование иронии в (K1) нацелено на делегитимизацию распространяемого СМИ мнения о росте экономики США. Аргументом автора интернет-комментария становится личная история, которая конструируется с помощью повтора модальной конструкции *not being able to*. Ее использование в качестве подлежащего создает эффект «стабильного» состояния, не меняющегося низкого уровня жизни в противовес утверждению официальных источников о растущей экономике. В этом примере легитимизация касается дискурсивных формул, вводимых в медиатекст с целью создания картины благополучия. С данным вариантом номинации реальности и не согласен автор (K1). Его высказывание вызывает серию реплик, по-разному оценивающих его взгляды:

(K2): *Well it won't improve with the orange one in charge / Что ж, с оранжевым во главе ситуация не улучшится* (Barron's).

В первой реакции акт легитимизации не воспринимается как дискурсивный, скорее, участник дискурса оценивает политическую реальность. Автор косвенно соглашается с мнением, выраженным автором (K1), однако замечает, что с приходом Дональда Трампа ситуация в стране станет еще хуже. Он презрительно называет вновь избранного президента *the orange one*. Хотя реакция на (K1) строится по типу рецепция-плюс, общая тональность дискурса – отрицательно-пессимистичная. Автор (K2) игнорирует выражение *a booming economy*, а потому воспринимает акт легитимизации в социополитическом варианте.

Тип восприятия: сдвиг по объекту восприятия, рецепция-плюс. Дискурсивная легитимизация переходит в политическую. Акт легитимизации носит успешный характер.

Аналогичную тенденцию в восприятии непрофессионального дискурса с фокусом на политическую сторону легитимизации демонстрирует следующий комментарий:

(K2): *Grocery prices are up 25% over the last 4 years. \$100 worth of groceries now cost \$125. How is that making you unable to feed your family? / За последние 4 года цены на продукты выросли*

на 25%. Продукты на 100 долларов теперь стоят 125 долларов. Почему вы не можете прокормить свою семью из-за этого? (Barron's).

В цитируемом (K2) имплицитно идея об умеренном росте цен, поэтому реакция комментатора на текст (K1) скорее отрицательная (рецепция-минус). Кроме того, в тексте сделан акцент на статистике, касающейся динамики цен на продукты (*25% over the last 4 years*). Соответственно, легитимизация (K1) оценивается как неуспешная и в плане содержания (утверждения в (K1) голословны), и в плане формы (в (K2) намеренно повторяется выражение *be able* в его противоположном варианте – *unable to feed your family*).

Тип восприятия: сдвиг по объекту восприятия, рецепция-минус. Дискурсивная легитимизация воспринимается как политическая делегитимизация. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Следующий комментарий репрезентирует акт «наивной» легитимизации политической терминологии (мы также относим его к осуществлению легитимизации как формы узаконивания значений дискурса):

(K1): *Far-right = reactionary, not conservative. Donald Trump has taught anyone awake enough to pay attention the difference between a conservative and a reactionary. Progressives progress. Conservatives conserve. Reactionaries regress. Trump's reactionary / Ультраправый = реакционер, а не консерватор. Дональд Трамп научил всех, у кого хватает ума обращать внимание на разницу между консерватором и реакционером. Прогрессивные прогрессируют. Консерваторы консервируют. Реакционеры регрессируют. Трамп – реакционер* (Barron's).

Автор поста рассуждает о тонкостях политической терминологии. Тем самым он делегитимизирует дискурсивный статус крайне правых и признает легитимным статус прогрессивных, имея в виду демократов. Его рассуждения представляют собой пример лингвистической демагогии, с помощью которой включается механизм дискурсивной легитимизации идеологически ангажированного мнения. В (K1) демократы прогрессивны, а республиканцы во главе с лидером Дональдом Трампом реакционны. Очевидно, что такое эксплицитно высказанное мнение вызвало

серию реакций и возымело эффект на адресата дискурса как в варианте рецепция-минус, так и в иных формах:

(K2): *The progressives have lost their collective minds. What your point? After seeing the progressives over the last four years everyone can see the sheer destruction caused by them! / Прогрессивные потеряли свой коллективный разум. К чему вы клоните? Понаблюдав за прогрессивными за последние четыре года, каждый может увидеть те явные разрушения, которые они причинили (Barron's).*

Автор (K2) категорически не согласен с автором (K1). Он считает, что ситуация прямо противоположна высказанной в (K1) мысли о реакционности лидера республиканцев. Для легитимизации своего мнения он перефразирует устойчивое сочетание *lose smb's mind* в *lost their collective minds*, вкладывая в последнее смысл не единичного, а группового сумасшествия, что очевидным образом касается партии демократов.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-минус. Дискурсивная легитимизация в тексте адресата переходит в дискурсивную делегитимизацию. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Легитимизация мнений производится и в последующих репликах, авторы которых одновременно реагируют как на текст (K1), так и на другие комментарии. Вариант рецепция-минус представлен в следующем тексте:

(K2): *Can you describe this "sheer destruction" that "everyone can see"? Prices are up 20% but wages are up 16.5%, that's a hit, but it's not "sheer destruction". My salary took a 20% hit in 2020 because I worked for a hotel chain and salaries got cut across the board. Should I blame trump? US oil production under Biden is up 35%. <...> Every time a Dem wins the White House, I'm told that "they're coming for your guns!" I've had a gun since 1994 and no one came. No one. When are they coming? Where is all that "sheer destruction"? I can't see it / Можете ли вы описать это «явное разрушение», которое «все могут видеть»? Цены выросли на 20 %, но зарплаты выросли на 16,5 %, это поразительно, но это не «явное разрушение». В 2020 году моя зарплата упала на 20 %, потому что я работал в сети отелей,*

и зарплаты сократили по всем направлениям. Стоит ли винить Трампа? Добыча нефти в США при Байдене выросла на 35 %. <...> Каждый раз, когда демократ побеждает в Белом доме, мне говорят, что «они придут за вашим оружием!» У меня было оружие с 1994 года, и никто не приходил. Никто. Когда они придут? Где же все это «явное разрушение»? Я его не вижу (Barron's).

Автор (K2) в качестве контраргумента использует личный нарратив. Оппонируя мнению автора предшествующего третичного текста, он тем самым поддерживает продемократическую позицию, высказанную в (K1). Комментатор описывает последние пять лет своей жизни. Многочисленные факты и цифры (шесть числовых выражений) помогают ему убедить собеседников в успешности и, соответственно, легитимности демократического правительства, а также в нелегитимности идеологии предыдущего автора. В данном случае представлен вариант легитимизации как дискурсивного (делеги- тимизация дискурсивной формулы *sheer destruction*, использованной в тексте (K1)), так и социополитического феномена. Делегитимизация дискурса производится также с помощью приема включения чужого слова. Выражение *sheer destruction* открывает и закрывает комментарий. Его включение в кавычки и неоднократный повтор указывают на статус триггера реакции адресата.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-минус. Дискурсивная легитимизация переходит в дискурсивную делегитимизацию. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Иллокутивным триггером следующих реакций становится экспрессивно-эмоциональная тональность дискурса, представленного в следующем тексте (K1), смысловую основу которого образует личное мнение автора:

(K1): *Can anyone blame them. When we look at how chauvinistic and sexist men have been during all of this. Threatening to take away Health Care for women with the ban on abortion and forcing them into caring an unwanted child due to a wrong we may do just for what is looked at as satisfaction. Once men stop this behavior (which would be a major undertaking at best) things may be different / Можно ли их за это винить. Если мы посмотрим, какими шовинистами и сексистами были мужчины во время всего этого. Угрожая лишить женщин медицинской помощи*

из-за запрета на аборт и **заставля** их заботиться о **нежеланном** ребенке из-за того, что мы совершаем **неправильные действия**, мы можем делать это только ради того, что считается удовлетворением. Как только мужчины прекратят такое поведение (что в лучшем случае было бы серьезной проблемой), все может измениться (USA TODAY).

Перед нами акт «наивной» легитимизации как узаконивания своего слова. Речь в защиту сторонниц движения 4В (Женский марш противниц Трампа) включает приемы преувеличения, контраста. Речь также нацелена на выявление двойных стандартов (*what is looked at as satisfaction*). Эмоциональный зачин выполнен в форме инверсии. Сеть эпитетов с отрицательной коннотацией указывает на легитимизацию дискурсивных значений. Мужской части населения приписываются отрицательные, более того, низменные качества, дискредитирующие их в глазах сетевого сообщества: *how chauvinistic and sexist men have been; threatening; forcing*. Такой алгоритм реализации иллюкативного сценария высвечивает слабое место субъекта, который легитимизирует свое мнение: отрицательные эмоции преобладают, и они не позволяют автору увидеть реальное положение дел, взвесить все факты и прийти к рациональному выводу. Этот дисбаланс и становится триггером для реакции другого пользователя. Он фокусирует внимание адресата на отсутствии логических доводов в дискурсе (K1) и публикует следующий пост в варианте рецепция-минус:

(K2): *The left-wing propagandists have been filling your head with a lot of nonsense. I thought the US Supreme Court already made it clear that abortion will be decided on a state level. That's way out of the jurisdiction/power of the President. Plus, really, abortion is just a cliché talking point with little relevance to anything that matters, including health care. The only time abortion really comes up – seriously, ever – is when someone is spreading nonsense on purpose about the opposing party. That might help you get some weaker links solidified via the glue called loyalty, but it doesn't do more than hurt the nation at large when you're trying to turn people into cheap enemies rather than idealistically opposing viewpoints, which are actually somewhat less pronounced than people give them credit for / Пропандисты левого толка забивают вам голову всякой*

ерундой. Я думал, Верховный суд США уже ясно дал понять, что решение об аборте будет приниматься на государственном уровне. Это выходит за рамки юрисдикции / полномочий президента. К тому же, на самом деле, аборт – это повод для спора, не касающийся важных вопросов, включая здравоохранение. Единственное, когда об абортах действительно серьезно спорят – это когда кто-то намеренно распространяет чушь об оппозиции. Это может помочь вам укрепить некоторые слабые звенья с помощью клея под названием «лояльность», но это не принесет ничего, кроме вреда нации в целом, если вы пытаетесь превратить людей в дешевых врагов, а не в идеологических, что на самом деле менее значимо (USA TODAY).

Критика оппонента (в данном случае именно такую позицию занимает автор (K2)) производится последовательно и детализированно. Привлекаются разные типы дискурса, и они вступают в контрадикторные отношения (конфликт интерпретаций). Сначала используется вводная фраза с выражением неконкретной семантики (*a lot of nonsense*) для указания на манипулятивное воздействие, оказываемое на автора (K1) в течение достаточного периода времени. Грамматический уровень (K2) представлен формой настоящего завершенного длительного времени с семантикой частичного результата и продолжения осуществления действия по отношению к объекту. На лексическом уровне (K2) мы видим термины *the US Supreme Court* и *the jurisdiction/power of the President*, которые придают тексту формальность и являются маркерами политической легитимации. Затем в (K2) идет речь о конвенциональности и закреплённом в обществе смысле, вкладываемом в понятие *abortion*. Используя метатекстовое выражение *just a cliché talking point* с дискурсивной частицей преуменьшения, автор (K2) нивелирует значимость обсуждаемого понятия и темы абортов как макротопика дискурса. По мнению комментатора, тема абортов является средством воздействия и манипуляции общественным сознанием. На последнем этапе реализации делегитимизации мнения (K1) реципиент актуализирует прием обратного эффекта, обвиняя (K1) в продолжении манипулятивного дискурса политиков. Фразы *hurt the nation* и *you're trying to turn people into cheap enemies* повторяют эмоционально-экспрессивную тональность дискурса в (K1). Автор реакции использует то же

«оружие» – экспрессивный стиль, эмоционально-оценочную лексику. Прием бумеранга также реализуется за счет генерализации, которая проявляется в понятиях *people* и *nation*. Автор (K1) наносит вред всему человечеству своими нерациональными речевыми формулами, что представляет большую угрозу, чем такие явления, как сексизм и расизм.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-минус. Дискурсивная легитимизация переходит в дискурсивную делегитимизацию. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Вариант реализации идеологического интенционального сценария в аспекте легитимизации своей позиции представлен в следующем тексте:

(K1): *Anyone who allows politics to destroy their life has a deeper problem than they know. Especially straight single men & women who feel the opposite sex is the reason for their unhappiness or are a threat to their personal political beliefs when they only need to stay away from people they disagree with and become extremely selective in their choices. This also applies to friends / Улюблого, кто позволяет политике разрушать свою жизнь, проблема глубже, чем он думает. Особенно одинокие гетеросексуальные мужчины и женщины, которые считают противоположный пол причиной своего несчастья или угрозой своим личным политическим убеждениям, когда им нужно только держаться подальше от людей, с которыми они не согласны, и становятся чрезвычайно избирательными в своем выборе. Это также относится к друзьям (USA TODAY).*

Актуальность обсуждаемого события для любого гражданина и выявление глубинных причин поведения женщин-сторонниц движения 4В – смысловое ядро данного текста. В (K1) профессиональное и обыденное максимально сближаются и взаимодействуют в дискурсе комментатора. Прагматика смешанных форм такова: обсуждаемая проблема имеет психологические причины, она сугубо субъективна.

Идея микроколлектива и взаимоподдержки отражается в следующем дискурсе:

(K2): *Life is tough enough doing it alone. I was lucky enough to find a life partner who helped me get through rough times, that would have been more difficult to weather alone. Even economically two incomes are better than one. And our four*

children added so much to the relationship. I just feel sad for these women, who are letting their anger over politics limit their chances of developing loving relationships with someone else / В жизни и без того нелегко справляться в одиночку. Мне посчастливилось найти спутника жизни, который помог бы мне пережить трудные времена, которые было бы труднее пережить в одиночку. Даже с экономической точки зрения два дохода лучше, чем один. И наши четверо детей так много добавили к нашим отношениям. Мне просто жаль этих женщин, которые позволяют своему гневу из-за политики ограничить их шансы на развитие любовных отношений с кем-то еще (USA TODAY).

Эта реплика демонстрирует вариант рецепции-плюс, продолжая пессимистичную тональность (K1). Значимость спутника жизни составляет смысловую доминанту текста комментария, построенного по типу личностного нарратива с включением эмоционального подтекста. С одной стороны, (K2) включает формулы экономического дискурса, с другой – фраза *two incomes are better than one*, вводимая наречием *economically* сопровождается деактуализатором *even* и по сути является перифразом народного изречения *two minds are better than one*, имплицитующего коллективное начало личности. Семантическая сеть дискурса формируется концептуальными единицами, входящими в семантическое поле взаимоотношений людей. Смежное поле значений, которые связаны с проблемой одиночества, актуализировано такими лексемами, как *tough, rough, alone, one, sad*. Они создают контраст с изображаемой в (K2) картиной семейной жизни. Такая картина дополняет образ психологически нестабильной одинокой личности, сформированный в тексте, который представляет собой акт легитимизации непрофессионального взгляда на политику.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-плюс. Дискурсивная легитимизация воспринимается симметрично, т. е. как дискурсивная легитимизация. Акт легитимизации носит успешный характер.

Еще один пример легитимизации мнений как дискурсивного акта – обсуждения движения 4В:

(K1): *Regarding the "no childbirth" thing by leftist women, what's the downside? Seems like that would be a positive evolutionary effect / Что касается*

того, что женщины-лефтистки отказываются от деторождения, в чем его недостаток? Похоже, это было бы положительным эволюционным эффектом (USA TODAY).

(K1) характеризуется выраженной интертекстуальностью. Автор (K1) легитимизирует свое мнение в форме внутреннего диалога, уделяя внимание обсуждению значений дискурса. Это передается на уровне метакоммуникаторов (*regarding, seems like*), а также через приемы цитации и грамматикализации, наблюдаемые на примере выражения *the "no childbirth" thing by leftist women*. Эффект информационных волн отражается в реакции на сформулированный в начале (K1) вопрос. Иронический смысл, который транслируется в (K1), воспринимается автором (K2) по типу рецепция-плюс. Он заимствует лексему *the downside* в свой дискурс, формулируя ответ:

(K2): *The only downside I can see is if we ever needed "foots on the ground" in war. Otherwise it's a great idea to lessen the amount of people in this country and heck, around the world! / Единственный недостаток, который я вижу, заключается в том, нужна ли нам вообще «твердая почва под ногами» во время войны. В остальном это отличная идея – уменьшить количество людей в этой стране и, черт возьми, во всем мире!* (USA TODAY).

Сужение семантики лексемы *downside* производится в (K2) для легитимизации другого смысла, который также лично ориентирован. Этот макросмысл связан с двумя медиаконцептами: с перманентным противостоянием Востока и Запада и с теорией золотого миллиарда.

Тип восприятия: тождество по объекту восприятия, рецепция-минус. Дискурсивная легитимизация переходит в тексте адресата в дискурсивную делегитимизацию. Акт легитимизации носит неуспешный характер.

Заключение

В современном непрофессиональном политическом интернет-дискурсе существуют тенденции к расслоению векторов восприятия иллюкутивного плана текстов-комментариев участниками непрофессионального политического интернет-дискурса. Как макроакт легитимизации (политической или дискурсивной) данный тип дис-

курса не эксплицирует устойчивых корреляций в восприятии его участниками легитимизационных стратегий. Если авторы (K1) фокусируются на политическом аспекте легитимизации, то наблюдение за перлокутивным эффектом в текстах комментариев показывает допустимость смены варианта легитимизации. Фокус восприятия одного (K1) в третичных текстах может варьироваться от рецепции-плюс до рецепции-минус.

Результаты показывают неоднородность восприятия адресатом непрофессионального политического интернет-дискурса комментариев собеседников в аспекте легитимизации: политическая легитимизация может восприниматься как дискурсивная и наоборот. Узаконивание своего слова не обязательно вызывает реакции собеседников, они могут фокусироваться на референциальном аспекте легитимизации. Однако в проанализированных парах *вторичный текст – третичный текст* наиболее часто субъекты дискурса склонны оценивать акты «наивной» легитимизации как дискурсивный тип узаконивания субъективного мнения. Помимо этого, вариант восприятия рецепция-минус в непрофессиональном интернет-дискурсе при преобладании актов (де)легитимизации в их дискурсивном выражении позволяет нам поддержать положения дискурс-аналитиков, пишущих о борьбе дискурсов, а также тезис о конфликте интерпретаций.

Кроме того, на материале интернет-комментариев о политике с учетом восприятия участниками дискурса текстов симметричных коммуникаторов (K1) доказывается эффект адаптации к дискурсу собеседника, воспроизведение его стратегий и стиля общения. Это происходит независимо от типа реакции реципиентов: она может быть и отрицательной, и положительной.

При всех изложенных положениях на сегодняшний день вопрос установления интенциональности непрофессионального политического интернет-дискурса и закономерностей в реализации интенционального репертуара его субъектов требует дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Альжанова Г. Б., Карипбаев Б. И., Шорманбаева Д. Г. Массовая коммуникация как онтологический фон современной культуры. *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*. 2023. Т. 109. № 1. С. 202–207. [Alzhanova G. B. Karipbayev B. I., Shormanbayeva D. G. Mass communication as an ontological background of modern culture. *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series*, 2023, 109(1): 202–207. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31489/2023hph1/202-207>
- Болотнов А. В. О некоторых ключевых понятиях формирующейся информационно-медийной парадигмы в русистике. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1. С. 111–116. [Bolotnov A. V. Certain key notions on forming informational and media paradigm in rusistics. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, (1): 111–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thitbz>
- Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с. [Van Dijk T. A. *Discourse and power: The representation of dominance in language and communication*. Moscow: Librokom, 2013, 344. (In Russ.)]
- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26. [Golev N. D., Kim L. G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 2023, 10(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>
- Девятияров Д. В. Легитимизация в области политической лингвистики (на примере интернет-комментариев). *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2020. № 1. С. 110–113. [Devyatiyarov D. V. Legitimization in the field of political linguistics (based on the analysis of the Internet commentaries). *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*, 2020, (1): 110–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prwshw>
- Евсеева Л. И. Политические коммуникации в цифровом обществе: технологии трансформации. *Международные отношения и диалог культур*. 2019. № 7. С. 16–26. [Evseeva L. I. Political communications in a digital society: Transformation technologies. *International Relations and Dialogue of Cultures*, 2019, (7): 16–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejpsvs>
- Ионова С. В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2012. № 1. С. 163–168. [Ionova S. V. Text space of medial sphere: Theoretical and empirical aspects of linguistic research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2012, (1): 163–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcafit>
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с. [Jorgensen M. V., Phillips L. J. *Discourse analysis as theory and method*. 2nd ed. Kharkov: Gumanitarnyj centr, 2008, 352. (In Russ.)]
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Linguistic circle: Personality, concepts, and discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugqamp>
- Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии: конфликт интерпретаций новостного текста. *Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 1–10 октября 2020 г.)*. М.: Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Жуковского, 2020. С. 160–164. [Kim L. G. Ordinary political Internet comments: Conflict between interpretations of the news text. *Innovative, information, and communication technologies: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Sochi, 1–10 Oct 2020*. Moscow: Association of graduates and employees of AFEA named after prof. Zhukovsky, 2020, 160–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsjlxn>
- Ким Л. Г., Рольгайзер А. А. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации. *Жанры речи*. 2024. Т. 19. № 3. С. 286–294. [Kim L. G., Rolgayzer A. A. Comment vs Internet comment: On the issue of the specific genre characteristics of virtual communication. *Speech genres*, 2024, 19(3): 286–294. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>
- Колмогорова А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа. *Политическая лингвистика*. 2018. № 1. С. 33–40. [Kolmogorova A. V. Legitimation as a societal phenomenon and as an object of discourse analysis. *Political Linguistics*, 2018, (1): 33–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl18-01-03>

- Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ). *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 69–85. [Kondratieva O. N., Ignatova Yu. S. Strategies for the mediatization of legal concepts in Russian mass media of XXI century (concept LEGITIMACY). *Nauchnyi dialog*, 2021, (3): 69–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>
- Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата. *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 85–91. [Kushneruk S. L. Telegram discourse as product of digital ecosystem: Visualization of format. *Terra Linguistica*, 2024, 15(2): 85–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208>
- Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 4. С. 148–153. [Melnik N. V. Derivatological and linguopersonological interpretation of secondary texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nenoit>
- Мельник Н. В., Митякина О. В. Делегитимирующий потенциал аксиологической оппозиции «свой-чужой» (на материале англоязычных политических интернет-комментариев). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2024. Т. 23. № 3. С. 172–185. [Melnik N. V., Mityakina O. V. Delegitimising potential of the "friend-foe" axiological opposition (exemplified by English-language political Internet comments). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23(3): 172–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.14>
- Плотникова С. Н., Домышева С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования. *Политическая лингвистика*. 2009. № 1. С. 103–108. [Plotnikova S. N., Domysheva S. A. Political discourse space and its structural organization. *Political linguistics*, 2009, (1): 103–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwuabn>
- Романтовский А. В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ. *Коммуникативные исследования*. 2017. № 4. С. 150–164. [Romanovsky A. V. The mass discourse of problematization as the basis of communication in electronic media forums. *Communication research*, 2017, (4): 150–164. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orqzbz>
- Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2022. 496 с. [Saveleva I. V. *Non-professional political discourse as a new communicative phenomenon: Linguopragmatic and linguopersonological aspects of modeling*. Dr. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2022, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yukkvh>
- Савельева И. В. Формы «наивной» легитимизации в дискурсе интернет-комментариев (на материале интернет-новостей о президенте Соединенных Штатов Америки Джо Байдене). In: Артемова К. А., Девятяров Д. В., Игнатова Ю. С., Каменева В. А., Кондратьева О. Н., Кукарцева С. М., Мельник Н. В., Митякина О. В., Савельева И. В., Силкова М. А. *Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект*. М.: Перо, 2021. С. 46–66. [Saveleva I. V. Forms of naive legitimization in the discourse of Internet comments to Internet news about the President Joe Biden. In: Artemova K. A., Devyatyarov D. V., Ignatova Yu. S., Kameneva V. A., Kondrateva O. N., Kukarceva S. M., Melnik N. V., Mityakina O. V., Saveleva I. V., Silkova M. A. *The problem of legitimization in political discourse: A linguopersonological aspect*. Moscow: Pero, 2021, 46–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxgwdj>
- Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний. *Философия, логика, язык*, ред. Д. П. Горский. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126. [Searle J. R. The nature of intentional states. *Philosophy, logic, and language*, ed. Gorsky D. P. Moscow: Progress, 1987, 96–126. (In Russ.)]
- Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с. [Sidorova I. G. *Communicative and pragmatic characteristics of genres of personal Internet discourse: Website, blog, social network, and commentary*. Cand. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2014, 249. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svblkn>
- Силкова М. А. Модальность как средство легитимизации в видеообращении министра-президента Баварии М. Зедера. *Политическая лингвистика*. 2022. № 5. С. 180–186. [Silkova M. A. Modality as a means of legitimization in the video message of the Minister-President of Bavaria M. Söder. *Political linguistics*, 2022, (5): 180–186. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_18

- Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. 308 с. [Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Kashkarova N. N., Kondratieva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhentseva N. B., Solopova O. A. *Theory and methodology of linguistic analysis of a political text*. Ekaterinburg: UrSPU, 2016, 308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zughqf>
- Чудинов А. П., Сегал Н. А. Прецедентный феномен «преступление и наказание» в русскоязычном медиадискурсе. *Русистика*. 2023. Т. 21. № 2. С. 242–253. [Chudinov A. P., Segal N. A. The precedent phenomenon of "crime and punishment" in Russian media discourse. *Russian Language Studies*, 2023, 21(2): 242–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-242-253>
- Cap P. Towards the proximization model of the analysis of legitimization in political discourse. *Journal of Pragmatics*, 2008, 40(1): 17–41. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2007.10.002>
- Van Leeuwen T. Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford: Oxford University, 2008, 184.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vbcxzk>

Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи

Соколова Елена Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 4470-6451
<https://orcid.org/0000-0002-3374-6779>
sokolovapr@yandex.ru

Рассохина Ирина Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 5838-0314
<https://orcid.org/0009-0002-1199-7734>

Аннотация: В работе исследуются изменения в речевой культуре современной молодежи на примере эмпирического анализа отношения студентов гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета к ненормативной (обценной) лексике в медиaprостранстве с целью анализа границ речевой нормы в студенческой и профессиональной коммуникации. Цель – выявить роль ненормативной лексики в контексте формирования современной социокультурной идентичности студенческой молодежи (на примере студентов старших курсов гуманитарного факультета СПбГЭУ). Новизна исследования заключается в комплексном изучении использования ненормативной лексики в студенческой среде и рассмотрении влияния обценной лексики на формирование социальной идентичности студентов. Для изучения общественного мнения молодежи о месте ненормативной лексики в общественном пространстве коммуникаций и самоидентификации в данном поле языковой нормы было проведено исследование методом анкетного опроса, в котором участвовали 285 студентов. Работа позволяет понять роль данной лексики как средства выражения культурных и языковых ценностей, а также как фактора формирования и трансляции языковой культуры внутри современного студенческого сообщества, которое оказывает большое влияние на развитие современного русского языка в целом. Рассмотрены границы допустимости применения обценной лексики в современных медиатекстах (ограничения приветствуются студентами в бизнес-литературе, документальном и художественном кино, театральных постановках, беллетристике и прочем; расширение границ речевой нормы признается учащимися допустимым в музыке тяжелых стилей, блогерстве, юмористических передачах). В результате выявлено, что использование ненормативной лексики рассматривается студентами как вариант речевой нормы языковой личности в обыденной речевой практике в качестве элемента социокультурной идентичности.

Ключевые слова: речевая норма, ненормативная лексика, социокультурная идентичность, студенческая молодежь, медиaprостранство, профессиональная коммуникация

Цитирование: Соколова Е. А., Рассохина И. Ю. Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 294–304. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-294-304>

Поступила в редакцию 30.06.2025. Принята после рецензирования 22.07.2025. Принята в печать 22.07.2025.

full article

Obscenities as Part of Socio-Cultural Identity of University Students

Elena A. Sokolova

St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg
eLibrary Author SPIN: 4470-6451
<https://orcid.org/0000-0002-3374-6779>
sokolovapr@yandex.ru

Irina Yu. Rassokhina

St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg
eLibrary Author SPIN: 5838-0314
<https://orcid.org/0009-0002-1199-7734>

Abstract: The paper examines the current changes in the speech culture of young Russians. The case study involved 285 students of the Department of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg. The survey tested their attitude to obscenities in various media to outline the boundaries of speech norms in everyday vs. professional communication, as well as to identify the place of obscene language in the socio-cultural identity of university students. Obscene vocabulary proved to be a means of expressing cultural and linguistic values. As a factor of transmitting linguistic culture within the student community, it demonstrated a profound impact on the development of the modern Russian language as a whole. The participants appreciated censorship in business literature, documentary and feature films, plays, and fiction but found it unnecessary in heavy-rock lyrics, blogs, and comedy shows. The university students considered obscene vocabulary as a variant of everyday speech norm typical of a certain class of linguistic personality with a particular socio-cultural identity.

Keywords: speech norm, obscene language, socio-cultural identity, university students, media space, professional communication

Citation: Sokolova E. A., Rassokhina I. Yu. Obscenities as Part of Socio-Cultural Identity of University Students. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 294–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-294-304>

Received 30 Jun 2025. Accepted after review 22 Jul 2025. Accepted for publication 22 Jul 2025.

Введение

В языкознании закрепилось понятие речевой нормы как постулата эталонного речевого поведения, компонентами которого являются соблюдение этикетной нормы (системы правил речевого поведения, установленных в обществе) и использование коммуникативных качеств хорошей и грамотной речи (правил построения письменного или устного текста, обеспечивающих его связность, цельность, адекватность ситуации и авторскому замыслу). Однако «в результате конкуренции очень разных установок по отношению к бытующим нормам и отклонениям от них в нашей науке устойчивым стало то компромиссное представление, что нормы отражают "языковое чутье": именно поэтому так подвижны эти нормы, меняющиеся в соответствии с тенденциями языка и речи» [Демьянков 2008: 54].

Речевая культура рассматривается нами как элемент социокультурной идентичности человека. «Феномен идентичности <...> – аспект самосознания индивида, переживания им своего "Я", что проявляется прежде всего в процессах речемыслепорождения» [Пищальникова 2021: 106]. Под речевой культурой понимается социальный и духовный компонент общей культуры коммуниканта, который выражается в умении правильно (с учетом норм речевого этикета и языковых норм) формулировать свои мысли и доносить их до других людей на литературном языке. Однако в современной речевой культуре студенчества происходят серьезные изменения, одним из маркеров которых становится активное использование в молодежной среде ненормативной лексики (в качестве синонимов

термина *ненормативная лексика* в работе применяются термины *обсценная, нецензурная лексика*). Особое место и новые функции приобретает обсценная лексика, зачастую заменяющая в медиапространстве метафоры, профессионализмы и жаргонизмы, а также служащая способом выражения эмоций и оценок как положительных, так и отрицательных.

Формирующим условием трансформации речевой нормы в социокультурной студенческой среде сегодня является усиление воздействия практически не цензурируемого медиаконтента. В качестве новой речевой нормы студенческая молодежь воспринимает не научную, публицистическую или художественную литературу, а общественное медиапространство. Смысловое чтение серьезных текстов не привлекает большинство молодых людей, привыкших «скользить» по лонгридам в смартфонах или смотреть короткие видео развлекательного характера в социальных сетях. Именно по этой причине свои устные и письменные высказывания учащиеся зачастую строят, ориентируясь на речь популярных медийных персон, а не на нормы литературного русского языка, соотнося себя с новыми лидерами мнений. Одной из характеристик прецедентных медиатекстов (песен, фильмов, книг, блогов и пр.), популярных в среде молодежи, выступает активное использование в них нецензурной лексики, проникающее и в речь студентов и не воспринимаемое ими как серьезное нарушение нормы.

Предмет исследования – речевая культура как элемент социокультурной идентичности современной молодежи, нашедшая отражение в медиапространстве.

Цель работы – выявить роль ненормативной лексики в контексте формирования современной социокультурной идентичности студенческой молодежи (на примере студентов старших курсов гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)).

Актуальность темы обусловлена рядом факторов:

- изменение языковой нормы (интенсивное развитие цифровых коммуникаций способствовало стремительному распространению и закреплению обсценной лексики не только в устной коммуникации, но и цифровой);
- формирование социальной идентичности (исследование ненормативной лексики как фактора закрепления человека в социальной группе, как носителя определенного статуса и свободы самовыражения);

- социальные изменения (изменение оценки ненормативной лексики от табуирования до принятия нормы в языковой культуре студенческой молодежи важно исследовать для понимания последствий таких процессов для культуры, общества в целом).

Специальных исследований, посвященных изучению этимологии, функции в языке и специфике использования русской нецензурной лексики, не так уж много. Чаще всего обсценная лексика изучается как лингвистический или стилистический компонент русской речи [Бахтин 1979; Маковский 1996; Нилогов 2015; Уварова, Хлюстова 2008], а также рассматривается в контексте семиотики [Волошин, Политова 2018]. Однако есть работы, где ненормативная лексика изучается с учетом ее социальной и этической функции, ставится вопрос об экологии языка [Жельвис 1997; Попова 2009; Седов 1994].

Обобщая подходы разных авторов, можно резюмировать, что обсценная лексика – это особый сегмент разговорной речи, включающий в себя социально неприемлемые, непристойные и грубые слова и выражения, в том числе матизмы, использование которых часто ограничивается обществом для публичного употребления и считается нарушением этики и морали. Термин *мат* чаще используется применительно к русской культуре и представляет собой наиболее радикальную форму обсценной лексики, в основе которой лежат базовые матерные корни ограниченного круга употребляемых слов, отличающихся особой силой экспрессивности и степени запрещенности. Таким образом, обсценная лексика охватывает более широкий и универсальный пласт непристойных выражений, тогда как мат имеет более локальное историко-культурное значение и включает особую группу резко осуждаемых слов и выражений.

В нашей статье уделяется внимание и анализу аффективной языковой культуры общества с точки зрения использования студенческой молодежью табуированной лексики [Дементьев 2005; Демьянков 2008; Никитина 2020; Ковалев 2021].

Речевая культура человека тесно связана с понятиями Я-образа и социокультурной идентичности. Я-концепция (*Self-concept*) – это когнитивно-оценочный конструкт, совокупность представлений человека о самом себе, включая восприятие собственной личности, способностей, внешности, поведения, а также отношения к этим характеристикам. Я-концепция является внутренним каркасом идентичности, который включает осознание человеком

своей принадлежности к определенным социальным группам, ролям, культурам и ценностям. Идентичность может быть личностной, социальной, профессиональной, этнической и др. [Горбатова и др. 2024; Серый и др. 2020; Рассохина, Соколова 2024; Яницкий и др. 2018].

Под социокультурной идентичностью Н. М. Великая и А. А. Лисенкова понимают «комплекс ценностей и представлений определенной культуры в процессе накопления персонального и коллективного опыта» [Великая, Лисенкова 2023: 374]. Кроме этого, авторы обращают внимание на то, что «молодежь формирует новые гибридные формы цифровой идентичности в попытке найти опору в воображаемом мире глобального виртуального пространства, собирая в единый профиль разрозненные множественные идентичности» [Там же: 374–375].

Таким образом, изменение норм речевой культуры является актуальным вопросом в научном дискурсе и находит отражение в междисциплинарном пространстве исследований.

Принцип исторического оптимизма, долгое время являвшийся необходимой составляющей социального дискурса, сменяется в современных медиа скептицизмом и пессимизмом, что приводит к сокращению горизонта планирования, нигилистическому отказу от любых идеалов и активному использованию деструктивной лексики, в том числе нецензурной. Употребление подобной лексики молодежью в общественных местах является показателем снижения общей культуры, а также признаком изменения границ речевой нормы. Ю. К. Волошин и Е. А. Политова указывают, что «изменение социальной оценки мата в конце XX – начале XXI века привело к тому, что данная лексика перестала восприниматься как непристойная» [Волошин, Политова 2018: 84]. Такие тенденции негативно сказываются на уровне владения национальным языком, «поднимают на поверхность» богатый арсенал слов с отрицательной коннотацией, подменяют собой богатство русской речи в случаях даже положительной эмоциональной оценки происходящего. В итоге этимологически негативная лексика в современном речевом поведении молодежи обретает новую, положительную коннотацию.

Ориентация на образцы речевого поведения в медиапространстве привела к еще одному явлению в языковой среде студенческой молодежи. В современном научном дискурсе появился новый термин – *студенческий речевой антиэтикет*, под которым понимается «использование

категоричных по своему выражению студенческих высказываний, выдержанных в широком диапазоне отрицательно-оценочной тональности (от недоумения до упрека)» [Никитина 2020: 96]. Обучающиеся «демонстрируют речеповеденческие предпочтения, в том числе противоречащие существующим этикетным нормам и ведущие к деструкции педагогической коммуникации. Несоблюдение сложившихся правил речевого взаимодействия, пренебрежение этикетными формулами, отсутствие внимания к выбору языковых средств с учетом жанровой и ситуативной специфики коммуникации разрушают институциональную сущность педагогического дискурса» [Там же: 96–97].

Наряду с речевым антиэтикетом, иллюстрации которого в педагогическом дискурсе наглядно представлены Л. Б. Никитиной, использование молодежью обсценной лексики даже в официальной ситуации общения становится регулярным, что говорит о серьезных изменениях в выполнении традиционных требований к речевой культуре и речевому этикету в педагогическом дискурсе. Студенты вербализируют свою речевую экспрессию в привычной многим, как свидетельствуют результаты социологического исследования, нецензурной форме, например, на полях распечатанного индивидуального задания, в обсуждении с одноклассниками объема полученного задания или его содержания, на партах и стенах учебного заведения, а также в социальных сетях и группах (например, «Подслушано»).

Стыд как проявление чувства «сильного смущения, неловкости, ощущения крайнего морального дискомфорта от сознания недолжного характера своих или чьих-либо действий, своего или чьего-либо поведения, их несоответствия нормам нравственности, порядочности ("нутренняя исповедь перед совестью" В. И. Даль)» [Морковкин и др. 2018: 451] перестает распространяться на нарушение речевых норм.

Л. Б. Никитина отмечает: «Студенческий антиэтикет неоднороден как по степени его проявления (от фамильярности до агрессивного выпада), так и по причинным показателям (от случайной невнимательности до сознательного пренебрежения этикетными нормами). Многие из того, что несколько десятилетий назад применительно к педагогическому дискурсу считалось однозначно неприличным и получало общественное порицание, стало "простительным", привычным и даже общепринятым, а граница между вежливым и невежливым применительно к ряду ситуаций стала

размытой» [Никитина 2020: 96]. В других исследованиях также отмечается, что большая часть молодежи воспринимает использование нецензурной лексики как один из вариантов современной речевой нормы [Волошина и др. 2025; Горбатова и др. 2024].

Об изменении речевых норм в массовой культуре свидетельствует появление таких книг, как «Хулифак» и «Хулиномика» Алексея Маркова, известных музыкальных композиций Григория Лепса, Егора Крида, Сергея Шнурова и других, а также высказываний блогеров (Арсений Лебедев, Сергей Минаев), которые являются популярными в том числе потому, что активно используют ненормативную лексику.

Важным вопросом для изучения остается неоднозначная трактовка понятия *матерная брань* и возможности ее использования в повседневной коммуникации и научном дискурсе. Например, Г. Ф. Ковалев полагает, что «вся древняя, сейчас нецензурная, лексика в далеком прошлом была общеславянской, сакральной и ни в коем случае не ругательной или низкой. Это в равной мере относится и к собственно "матерному" выражению, и к лексике, обозначающей порождающие органы человека» [Ковалев 2021: 175]. Есть в его работе и аргументированное объяснение использования мата молодежью: «Во многом распространению мата способствовало не только отсутствие должного уровня культуры пользования им, но и официальный на него запрет. Запретный плод сладок, особенно для людей, только входящих в общественную жизнь. Подросток, употребляя бранную лексику, как бы приобщается к кругу "взрослых" людей, которым "по закону" разрешается выражаться намного свободней, нежели молодым. С другой стороны, мощный потенциал неприличных слов в семантике, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить все, что они пожелают» [Там же: 176]. Автор приходит к выводу: «Конечно, мат, безусловно, должен быть исключен из обычной речи в нашем обществе. <...> Вся "нехорошая" лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от нее. Писателям же можно ею пользоваться только тогда, когда без нее теряется содержательность и образность произведения» [Там же: 181].

Исследуя специфику формирования социокультурной идентичности современной молодежи,

Н. М. Великая и А. А. Лисенкова обращают внимание на ее гибридный характер. Так, в условиях высокого уровня изменений – глобализации, цифровизации коммуникации, технологических изменений и социальной нестабильности – формируется новый тип гибридной идентичности [Великая, Лисенкова 2023: 376–377]. Современная молодежь не может не реагировать на изменения в мировой коммуникативной среде, медиaprостранстве и образовательной среде, что находит отражение в трансформации ее социокультурной идентичности.

Методы и материалы

Для исследования общественного мнения молодежи о месте ненормативной лексики в общественном пространстве коммуникаций и самоидентификации в данном поле языковой нормы в январе – феврале 2025 г. было проведено исследование методом анкетного опроса с помощью сервиса Google Форм. Выборку составили студенты гуманитарного факультета СПбГЭУ направления «Реклама и связи с общественностью». Всего опрошено 285 человек, из них 207 женщин (72,6 %) и 78 мужчин (27,4 %) в возрастных группах: 18–19 лет – 116 человек (40,7 %); 20–21 год – 128 (44,9 %); 22–23 года – 41 (14,4 %). Гендерный дисбаланс выборки обусловлен неравномерностью студенческого состава гуманитарного факультета. География проживания респондентов широкая: Санкт-Петербург (23 человека), Иркутск (4), Челябинск (3), Уфа (3), Саратов (3), Сургут (3), Калининград (2), Петрозаводск (2), Киров (2), Сочи (2), Ставропольский край (2), Великий Новгород (2), Надым (2), Южно-Сахалинск (3), Москва и другие города России (229).

Результаты

Мнение студентов о допустимости матерной брани в современных медиатекстах разделилось: больше половины – 190 студентов (66,7 %) – ответили, что желание употребить обценную лексику зависит от контекста и целевой аудитории; категорически не допускают ее использования – 67 (23,5 %); допускают в редких случаях – 25 (8,8 %); также есть отдельные ответы, которые допускают применение мата в зависимости от контекста, но считают, что его надо минимизировать и не допускать агрессии в отношении отдельных групп людей (1 %).

Если проранжировать распределение ответов на вопрос *В каких сферах, по Вашему мнению, использование ненормативной лексики усиливает*

воздействие, а следовательно, продиктовано целями медиатекста?^{*}, получится следующее: 1 место – политика (45,6 %); 2 – культура (36,8 %); 3 – силовые структуры (31,6 %); 4 – строительство (29,1 %); 5 – экономика (20,7 %). Отдельные ответы охватывают сферы личного общения, блогосферу, рекламу, юмор, новые СМИ и пр. Тот факт, что сфера культуры вышла на 2 место после политики, указывает на смещение социокультурных ориентиров молодежи, на значительное количество медиатекстов с обценной лексикой в поп-культуре.

На вопрос *Какие функции обценная лексика выполняет в современной медиакультуре?*^{*} получили следующее распределение ответов (рис. 1).

В контексте высокого информационного шума в медиапространстве приходится бороться за внимание аудитории, поэтому особую ценность приобретают различные инструменты привлечения и удержания внимания. В вопросе *Какие приемы выразительности в медиатексте, по Вашему мнению, оказывает более сильное воздействие на молодежную аудиторию?*^{*} ответ нецензурные выражения занял 4 позицию. В целом ответы распределились так: юмор и мемы – 242 человека (84,9 %); креатив – 159 (55,8 %); жаргонизмы – 109 (38,2 %); нецензурные выражения – 104 (36,5 %); яркие стикеры – 45 (15,8 %); эротика – 42 (14,7 %); эмодзи – 33 (11,6 %) и др.

Исследуя личные границы языковой нормы, мы обратились к обыденной языковой практике респондентов. Примерно половина студентов (51,2 %) признаются, что редко, но используют ненормативную лексику в личном общении, часто используют – 41,8 %, и только 7 % совсем не используют матерные слова.

На вопрос *Для выражения каких эмоций Вы обычно используете нецензурные выражения?*^{*} ответы

распределились таким образом: для выражения злости – 173 человека (65,3 %); для демонстрации агрессии – 125 (47,2 %); для выражения разочарования – 109 (41,1 %); для выражения любых эмоций – 105 (39,6 %); для выражения радости – 94 (35,5 %); как слова-связки в предложениях – 42 (15,8 %); для демонстрации силы – 27 (10,2 %); из других вариантов предложены такие, как *для общения с представителями низкообразованных социальных групп; для усиления эмоциональности; для выражения «грусти», демонстрации «юмора», «удивления»* и пр.

Студентам было предложено назвать ситуации или случаи, в которых обычно респонденты используют нецензурные выражения*. Большая часть ответов связана с нестандартными ситуациями, а другая – с контекстом самой коммуникации и профилем коммуникантов, а именно: в экстремальных ситуациях – 150 человек (56,6 %); в случае, если попал в компанию, где все используют нецензурную лексику – 87 (32,8 %); в спорах с человеком, который «другого языка не понимает» – 64 (24,9 %); в любых ситуациях – 64 (24,2 %); за рулем – 57 (21,5 %). В числе других вариантов называют такие: *в случае, если я чего-то испугаюсь; там, где это могло быть уместно; для гиперболизации, приукрашивания истории; ради шутки, создания атмосферы расслабленности* и пр.

Анализируя влияние социально-культурной ситуации на формирование языковой идентичности, важно учитывать также роль окружения. Студентам предлагалось субъективно оценить, сколько человек из близкого окружения активно использует матерную брань в личном общении (рис. 2).

В ситуации, когда окружение достаточно активно использует ненормативную лексику, интересным представляется аспект готовности к потреблению

Рис. 1. Функции нецензурной лексики в современной медиакультуре, количество респондентов
Fig. 1. Functions of obscene language in media culture, number of respondents

¹ Здесь и далее вопросы, отмеченные *, маркируют возможность респондентов выбрать несколько вариантов ответа.

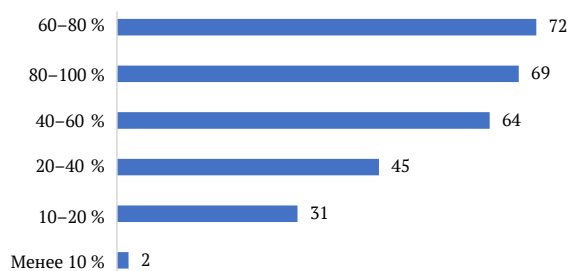

Рис. 2. Доля окружения, использующего нецензурную лексику в личном общении, количество респондентов
Fig. 2. Proportion of obscene language users in the immediate social circle, number of respondents

соответствующего контента. Студентов попросили дать субъективную оценку допустимого примерного объема ненормативной лексики в медиатекстах при чтении, прослушивании и просмотре*. Так, выбор в пользу медиатекстов, не содержащих нецензурную лексику (ее наличие составляет 0 %), делают 35 человек (12,3 %). Остальные респонденты допускают наличие обцененной лексики в медиатекстах: 1 (0,4 %) из них примерно на 0–5 %; 136 (47,7 %) – на 5–10 %; 58 (20,4 %) – на 10–20 %; 29 (10,2 %) – на 20–30 %; 10 (3,5 %) – на 30–40 %; 7 (2,5 %) – на 40–50 %. Другие варианты ответов: *не принципиально*²; *не имеет значения, есть ли ненормативная лексика; в любом; немного, либо средне, если это уместно; без разницы; зависит от типа контента, но нельзя переходить границы нормы; без разницы, хоть 80 %*.

На вопрос *Какие медиатексты, содержащие ненормативную лексику, Вы согласны использовать для чтения, прослушивания и просмотра?** было получено такое распределение ответов: 1 место – мемы (69,8 %); 2 – музыка (68,8 %); 3 – блоги (61,1 %); 4 – чаты (57,5 %); 5 – художественные фильмы (51,9 %); 6 – театральные постановки (21,1 %); 7 – беллетристика (романы, повести, рассказы) (18,6 %); 8 – поэмы, стихи (17,2 %); 9 – документальные фильмы (15,1 %); 10 – бизнес-литература (7,7 %). Ответ *выбираю тексты, не содержащие ненормативную лексику*, дали 10,2 % респондентов.

Ответы на вопрос *В каких медиатекстах, по Вашему мнению, недопустимо использовать ненормативную лексику?** представлены на рисунке 3. В выборку не вошли следующие свободные и интересные ответы студентов: *все, кроме текстов государственных органов; любой медиатекст; политическая сфера, научная сфера; религиозные, новостные; перед родителями*.

Рис. 3. Допустимость использования нецензурной лексики в различных медиатекстах, количество респондентов
Fig. 3. Permissibility of obscene language in various media, number of respondents

Для выявления нормативной границы респондентам было предложено определить, в каких случаях недопустимо использование нецензурных выражений*. Традиционные ситуации по-прежнему более табуированны, но распределение ответов показало значительную гибкость в определении нормы: 1 место – в разговоре с детьми (58,9 %); 2 – в общении с пожилыми людьми и в общении с незнакомыми людьми (по 53,7 % соответственно); 3 – в театре, музее, на выставке (52,6 %); 4 – в разговоре с родителями (38,9 %) и в университете (38,6 %); 5 – на работе, в профессиональной среде (33,3 %) и в общественном транспорте (33 %); 6 – в семье (30,9 %); 7 – на свидании (20,7 %); 8 – в кафе, ресторане (20 %); 9 – во всех случаях (19,6 %); 10 – в общении с противоположным полом (4,9 %). Также были представлены другие варианты: *мат недопустим много где, но все зависит от контекста; везде можно, но тихо*.

Большую популярность в молодежной среде набрала блогосфера. В последнее время использование нецензурной лексики распространилось у блогеров и известных личностей. Мы попросили участников опроса определить основную причину этого явления. Ответы распределились следующим образом: желание показать себя независимым от общей морали – 85 человек (29,8 %); низкий уровень общей культуры – 60 (21,1 %); желание

² Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация.

подняться на хайпе без особо глубокой идеи – 52 (18,2 %); следование тренду – 41 (14,4 %); хамство и распущенность – 13 (4,6 %). Варианты ответов *другое* достаточно обширны и разнообразны: *здесь нет желания доказать что-то, просто использовать мат стало можно и люди перестали притворяться; мат помогает точнее выражать эмоции, и сейчас, когда это не особо порицается, медийные личности перестали бояться использовать мат в своей речи, таким образом они меньше загоняют себя в рамки, т. е. становятся более открытыми и близкими к аудитории; свобода слова; это обыденность; вызвать доверие у аудитории, формирование доверительного имиджа, придание тексту юмора; открытость к аудитории* и пр. В основном открытое мнение показывает, что нецензурная лексика – это новая норма, которую приняло большинство. И второй важный аспект, выявленный опросом, – определение новой функции обсценной лексики – формирование доверительного общения с аудиторией, а не проявление антагонизма или привлечение внимания.

По результатам открытого вопроса мы собрали список наиболее повторяющихся имен популярных в молодежной среде персон, использующих ненормативную лексику (блогеров, певцов, актеров, на которых респонденты подписаны в соцсетях). В числе музыкантов, популярных певцов встречаются такие имена, как Егор Крид (12 упоминаний), Филипп Киркоров (6), Сергей Шнуров (4), Роман Каграманов (2), Баста (2), Тимати (2), Лолита (2), Леди Гага (2), Рита Дакота (2) и др.; рэперы: OG Buda (4), Паша Техник (4), Макан (3), Icegergert (3), Bushido Zho (2), Face³ (2), Big Baby Tare (2), Джиган (2) и т. д. В список наиболее популярных блогеров попали Артемий Лебедев (22), Алексей Жидковский (18), Михаил Литвин (7), Дмитрий Куплинов (6), Илья Exile (6), Брайн Мапс (4), Александр Зубарев (3), Дмитрий Масленников (3), Дмитрий Журавлев (3), Катя Клэп (3), Саша Спилберг (2), Илья Белов (2); телеведущие: Настя Ивлеева (6), Ксения Собчак (5), Ольга Бузова (4), Юлия Пушман (2), Отар Кушанашвили и др.; актеры: Илья Сатир (2), Иван Янковский (2); стендап комики: Гарик Харламов (6), Нурлан Сабуров (4), Алексей Щербаков (3), Олеся Иванченко (3), Данила Поперечный⁴ (2), Иван Усович (2), Денис Дорохов (2), Гурам Амарян (2), Сергей Орлов (2). Таким образом, в медиапространстве в контексте использования нецензурной

лексики большее влияние на молодежь оказывают музыканты, блогеры и комики.

Несмотря на то что большая часть опрошенных студентов достаточно лояльно относится к употреблению нецензурной лексики как в личном коммуникативном поле, так и в общественном, тем не менее более половины респондентов (52,3 %) признают, что использование обсценной лексики в современном медиаконтенте снижает общий уровень культуры населения; 42,5 % считают, что это никак не влияет на уровень общей культуры, а 5,3 % думают, что ненормативная лексика даже повышает уровень культуры.

Поскольку выборку исследования составили студенты сферы профессиональных коммуникаций, нам важно было установить отношение к этическим критериям использования обсценной лексики в профессиональной деятельности. На вопрос *Как Вы считаете, важно ли обсуждать в профессиональной среде и вводить этические ограничения на использование ненормативной лексики в профессиональной деятельности специалистов по связям с общественностью?* большинство отвечает, что такие языковые границы нормы все-таки следует обсуждать, что демонстрирует готовность ответственно подходить к профессиональным задачам. Так, более половины участников опроса выбрали вариант ответа: *скорее важно, чем неважно* – 162 человека (56,8 %); *очень важно* – 67 (23,5 %); *скорее неважно, чем важно* – 50 (17,5 %); *совсем неважно* – 6 (2,1 %).

В завершение опроса было предложено высказать личное мнение или предложения по теме обсуждения этических границ использования обсценной лексики в деятельности профессиональных коммуникаторов. В данном разделе предложения и рекомендации разделились на три части: за, против и воздержались. Первая позиция выступает за ужесточение использования ненормативной лексики: *мне кажется, нужно всем взять некий контроль над всей речью и минимизировать ненормативную лексику; профессиональные коммуникаторы не должны использовать мат; я считаю, что важно иметь табуированные темы и слова, не подходящие под профессиональную сферу. Например, ограничение ненормативной лексики, девиантное негативное поведение и подобное.*

Вторая позиция (самая слабая по количеству высказываний) выступает за свободу от ограничений:

³ Признан иноагентом на территории РФ.

⁴ Признан иноагентом на территории РФ.

думаю, использование обсценной лексики не является показателем культуры человека; обсценная лексика никак не влияет на культуру человека; допустимо, уместно использование и от человека, которому подходит подобные выражения.

Студенты, придерживающиеся нейтральной позиции (пожалуй, самая популярная), отмечают, что при общих ограничениях допустимо включение обсценной лексики в определенный контекст: важно знать меру использования и свою аудиторию; обсценная лексика первоначально должна изучаться, а потом уже ограничиваться; четкое определение границ «ненормативной лексики», какие слова и фразы можно к ней приравнять, а какие допустимы; использование лексики по возрастам или профессиям (соц. опрос, исследование), употребление «запретных» выражений для психологии человека; матерюсь, матеряются вокруг, но все четко осознаем, что эти слова значат, а также используем в обстоятельствах, где это уместно, фильтр речи надо уметь включать; важно обсуждать границы дозволенного в профессиональной среде, например: мат и табуированные темы.

Заключение

Границы речевой нормы в аспекте использования обсценной лексики студенческой молодежью как в бытовом, так и профессиональном общении размыты. Формирующим условием такой ситуации становится трансформация нормы медиаконтента и границ социокультурной идентичности. В качестве новой речевой нормы студенческая молодежь воспринимает не академический дискурс, а общественное медиапространство. Однако лояльное отношение к использованию ненормированной лексики в блогосфере, музыке, художественных фильмах сменяется более высокими требованиями с точки зрения речевой нормы к таким жанрам общественного контента, как театр, документальные фильмы, книги. Важно отметить, что студенты направления «Реклама и связи

с общественностью», несмотря на свою симпатию к медиатекстам, содержащим ненормативную лексику, выступают противниками ее использования в профессиональной коммуникации.

Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи используется не только с социальной целью демонстрации приобщения молодежи к сообществу взрослых людей, с лингвистической целью замены метафор, профессионализмов и жаргонизмов, выражения эмоций и оценок, но и с коммуникативной целью снятия барьеров и создания атмосферы доверия. Опираясь на полученные данные, можно выступить с инициативой разработки этического кодекса использования нецензурной лексики в обучении и подготовке профессиональных коммуникаторов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность студентам гуманитарного факультета направления «Реклама и связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного экономического университета за участие в анкетном опросе.

Acknowledgments: The authors would like to thank the students of the Humanities Faculty of Advertising and Public Relations, St. Petersburg State University of Economics, for participating in this survey.

Литература / References

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М.: Искусство, 1979. 423 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmufp>
- Великая Н. М., Лисенкова А. А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023. Т. 16. № 4. С. 374–390. [Velikaya N. M., Lisenkova A. A. Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, 16(4): 374–390. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402>

- Волошин Ю. К., Политова Е. А. Семиотика и обценная лексика. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 4. С. 82–88. [Voloshin Yu. K., Politova E. A. Semiotics and obscene vocabulary. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2018, (4): 82–88 (In Russ.)] [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-82-88](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-82-88)
- Волошина А. С., Смердова М. Н., Стурова Е. В., Степанова И. С. Исследование ненормативной лексики у студенческой молодежи. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2025. № 2. С. 13–20. [Voloshina A. S., Smerdova M. N., Sturova E. V., Stepanova I. S. A study of foul language among student youth. *Health, Physical Culture and Sports*, 2025, (2): 13–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjrtxv>
- Горбатова М. М., Билан М. А., Ермолаева Е. Н. «Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2024. № 3. С. 362–373. [Gorbatova M. M., Bilan M. A., Ermolaeva E. N. "Self-image" of modern students in virtual communication. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*, 2024, (3): 362–373. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>
- Дементьев В. В. Брань и межличностные отношения. *Злая лая матерная...*, ред. В. И. Жельвис. М.: Ладомир, 2005. С. 35–55. [Dementiev V. V. Swearing and interpersonal relations. *Angry swearing...*, ed. Zelvis V. I. Moscow: Ladomir, 2005, 35–55. (In Russ.)]
- Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка. *Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира*, отв. ред. Т. Б. Крючкова. М.: Советский писатель, 2008. С. 50–61. [Demyankov V. Z. On strategies for rationing the Russian language. *Linguodidactics. Sociolinguistics. Languages of the world*, ed. Kryuchkova T. B. Moscow: Sovetskij pisatel, 2008, 50–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scefdtr>
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 330 с. [Zelvis V. I. *Battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world*. Moscow: Ladomir, 1997, 330. (In Russ.)]
- Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния. *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 3. С. 175–196. [Kovalyov G. F. Russian obscenities, as part of the national heritage. *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2021, 10(3): 175–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.3.4>
- Маковский М. М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: ИРЯ РАН, 1996. 329 с. [Makovsky M. M. *Language – myth – culture: Symbols of life and the life of symbols*. Moscow: RLI RAS, 1996, 329. (In Russ.)]
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018. 1451 с. [Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutsкая N. M. *A large universal dictionary of the Russian language*. Moscow: AST-Press School, 2018, 1451. (In Russ.)]
- Никитина Л. Б. Антиэтикет в педагогическом дискурсе. *Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования*. 2020. № 2. С. 93–97. [Nikitina L. B. Anti-etiquette in pedagogical discourse. *Review of OGPU. Humanitarian Research*, 2020, (2): 93–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-93-97>
- Нилогов А. С. Что такое философия антиязыка? *Современный дискурс-анализ*. 2015. № 1. С. 4–14. [Nilogov A. S. What is the philosophy of antilanguage? *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2015, (1): 4–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhdxkd>
- Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2021. № 2. С. 105–117. [Pishchalnikova V. A. Associative experiment and psycholinguistic research of individual identity. *Vestnik of MSLU. Humanities*, 2021, (2): 105–117. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_105
- Попова Е. А. О сквернословии. *Русская речь*. 2009. № 1. С. 48–52. [Popova E. A. On profanity. *Russian speech*, 2009, (1): 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/juuwmv>
- Рассохина И. Ю., Соколова Е. А. Проектная деятельность в рамках учебных дисциплин как фактор развития профессиональной идентичности студентов. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2024. № 1. С. 97–107. [Rassokhina I. Yu., Sokolova E. A. Project activity within the framework of academic disciplines as a factor in the development of students' professional identity. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2024, (1): 97–107. (In Russ.)] https://doi.org/10.54509/22203036_2024_1_97

- Седов К. Ф. Русский мат и уровни становления языковой личности. *Дом бытия. Лингвофилософский альманах*. М., 1994. Вып. 1. С. 31–40. [Sedov K. F. Russian obscene language and the levels of formation of linguistic personality. *The house of being. Linguistic Philosophy Almanac*. Moscow, 1994, iss. 1, 31–40. (In Russ.)]
- Серый А. В., Яницкий М. С., Браун О. А. Смысловая обусловленность структуры Я-концепции студенческой молодежи. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020 № 3. С. 597–607. [Seryu A. V., Yanitskiy M. S., Braun O. A. Dependence of the students' self-concept structure on their meaning-of-life orientations. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2020, (3): 597–607. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-15>
- Уварова Л. Р., Хлюстова Д. С. Обценная лексика подростков и молодежи как социально-педагогическая проблема. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2008. Т. 14. № 6. С. 46–50. [Uvarova L. R., Khlyustova D. S. Obscene vocabulary in teenagers and youth as a socio-pedagogical problem. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Socialnaja rabota. Juvenologija. Sociokinetika*, 2008, 14(6): 46–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muqkzl>
- Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Динамика структуры идентичности личности в процессе профессионального обучения. *Герценовские чтения: педагогические исследования в образовании*. 2018. № 1-1. С. 143–149. [Yanitskiy M. S., Seryu A. V., Braun O. A. Dynamics of the structure of personal identity in the process of professional training. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2018, (1-1): 143–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtboii>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yuazod>

Отражение фонетических изменений в немецком языке за период 1954–2012 гг. (на материале кинокартины "Hänsel und Gretel")

Синяева Анастасия Витальевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Смирнова Анна Геннадьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9102-1884

amica_anna@mail.ru

Аннотация: Настоящее исследование посвящено фонетическим изменениям в немецком языке в период 1954–2012 гг. В статье рассматриваются понятия *орфоэпическая норма*, *интонация* и *артикуляционная напряженность*. Обозначена роль кинодискурса и виртуального дискурса в современных лингвистических исследованиях. Подчеркивается значимость анализа фонетических особенностей на примере такого аудиовизуального материала, как киноискусство. Материал исследования – две киноверсии немецкой сказки «Гензель и Гретель» (ориг. Hänsel und Gretel) 1954 г. (Вальтер Янсен) и 2012 г. (Уве Янсон). Цель – определить, какие изменения произошли в фонетике немецкого языка за период 1954–2012 гг. Задачи: 1) ознакомиться с двумя экранизациями сказки «Гензель и Гретель», 2) зафиксировать фонетические особенности в обоих фильмах, 3) сравнить их между собой и выявить различия в произношении и в интонации. Актуальность проявляется в том, что к анализу немецкого кинодискурса и ранее обращались многие исследователи, например, О. Е. Ломова (2022), Ю. А. Джураева (2022), Е. П. Штукатурова (2022), А. А. Ильин (2023) и другие, однако он не был рассмотрен с точки зрения фонетики определенного временного периода. Сделан вывод о том, что наиболее яркие изменения наблюдаются в интонационном рисунке немецкого языка. За 60 лет интонационный рисунок стал менее четким и напористым, речь стала более плавной.

Ключевые слова: орфоэпическая норма, интонация, артикуляционное напряжение, фонетические различия, кинодискурс, виртуальный дискурс, немецкий язык

Цитирование: Синяева А. В., Смирнова А. Г. Отражение фонетических изменений в немецком языке за период 1954–2012 гг. (на материале кинокартины "Hänsel und Gretel"). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-305-311>

Поступила в редакцию 16.12.2024. Принята после рецензирования 13.05.2025. Принята в печать 13.05.2025.

full article

Diachronic Changes in German Phonetics: *Hänsel und Gretel* Movies 1954 vs. 2012

Anastasia V. Sinyaeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Anna G. Smirnova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9102-1884

amica_anna@mail.ru

Abstract: Although the German film discourse is a popular research topic, it is seldom considered from the point of view of diachronic phonetics. This research featured the phonetic changes that occurred in the German language in a time span of more than half a century. The German language saw some significant phonetic changes between

1954 and 2012. These changes were reflected in audiovisual discourse. The author applied the notions of *orthoepic norm*, *intonation*, and *articulatory tension* to two film versions of the famous German fairy tale about Hänsel and Gretel released in 1954 (Walter Jansen) and 2012 (Uwe Janson). The research revealed some differences in pronunciation and intonation. However, it was the intonation pattern that changed most dramatically between 1954 and 2012. In the modern film, the speech sounds smoother but less clear and assertive than in the old version.

Keywords: pronunciation norm, intonation, articulation tension, phonetic differences, film discourse, virtual discourse, German language

Citation: Sinyaeva A. V., Smirnova A. G. Diachronic Changes in German Phonetics: *Hänsel und Gretel* Movies 1954 vs. 2012. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 305–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-305-311>

Received 16 Dec 2024. Accepted after review 13 May 2025. Accepted for publication 13 May 2025.

Введение

Рассмотрение языка на разных уровнях его функционирования представляет большой интерес с точки зрения его развития и изменения во времени. Исследователи анализируют средства выразительности в разных типах текста и жанрах [Кулинич, Smirnova 2023], а также рассматривают вариативность языка во всех его формах [Eisenberg 2017]. Изучение кинодискурса как виртуального отражения действительности позволяет увидеть интересные процессы, происходящие под воздействием современности, на разных уровнях языка. Несмотря на то что в последнее время издается большое количество работ по кинодискурсу [Джураева 2021; Раренко 2024; Zyкова 2023], фонетические особенности, отраженные в нем, по-прежнему остаются малоизученными. Исследование кинодискурса на немецкоязычном материале ограничивается лишь работами по страноведению [Барбашов 2023] и интертекстуальности [Годяева 2023]. Наблюдение за развитием языка на примере кинолент разных лет и сравнение их по разным годам является актуальным. Таким образом, новизной исследования становится анализ фонетических изменений в немецком языке за последние 60 лет и их отражение в кинематографе.

Каждый индивид использует язык как средство коммуникации, будь то родной, который окружает нас ежедневно, или иностранный, освоение которого может занять значительное время. При использовании языка мы зачастую не осознаем его сложную природу. Кажется, что развитие языковых систем происходит на протяжении веков и недоступно для непосредственного наблюдения. Тем не менее язык представляет собой динамическую сущность, постоянно изменяющуюся под воздействием различных факторов. Фонетическая структура языка

не является исключением из этого процесса. Со временем орфоэпические нормы и интонационные контуры также подвергаются изменениям, что приводит к различиям в речевых особенностях между старшими и младшими поколениями. Изменения в языке находят отражение на всех уровнях, в том числе и на фонетическом. Изучение артикуляционных изменений находит выражение в современных работах [Кобзева 2024] и является актуальным в лингвистических исследованиях.

Искусство – один из способов документирования духа времени, образа жизни, местной культуры и языка. Кинематограф как жанр, объединяющий все аспекты жизни общества, представляет собой эффективный инструмент для выявления особенностей устной речи в разные исторические периоды.

Кинодискурс представляет интерес для лингвистов как богатый источник языковых средств для анализа и исследований. Ученые определяют кинодискурс как «дискретную последовательность непрерывных участков текста <...>, цепочку ядерных кадров» [Цивьян 1984: 109]. Таким образом, кинодискурс можно представить как некоторый объем текста с аудиовизуальным рядом. Лингвисты используют разные подходы для работы с кинодискурсом: в нем может рассматриваться коммуникативный акт между актерами, а также между режиссером и зрителями; совокупность языковых черт, присущая данному месту и времени; система коммуникативных средств и установок, принятых в культурной сфере, и др. В связи с огромным влиянием кинематографа на восприятие мира современным человеком популярность данного направления как объекта исследования стремительно растет.

В наши дни кинодискурс имеет тесную связь с виртуальным дискурсом, под которым понимается

«текст, существующий в виртуальной реальности и обладающий основными свойствами данной реальности (порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность)» [Лутовинова 2007: 53]. Несмотря на то что виртуальный дискурс имеет место только в технических средствах связи, О. Н. Путина утверждает, что за виртуальными коммуникантами скрываются живые люди, т.е. субъекты, осуществляющие речевую деятельность в реальном времени и оказывающие непосредственное влияние на язык [Путина 2022: 5]. Кинематограф считается одной из составляющих виртуального дискурса, поскольку потребление аудиовизуального контента в значительной мере происходит посредством телекоммуникационной сети Интернет. Сегодня кинодискурс является современным отражением социальной действительности, «социальным продуктом, отражающим исторический, политический, идеологический контекст» [Ломова 2022: 34], к тому же «яркое воплощение лингвокультурные реалии получают именно в кинематографическом дискурсе» [Ленец 2023: 101]. В результате обращение к фонетическим изменениям в языке посредством изучения кинолент разных лет вполне обоснованно и целесообразно.

Цель исследования – установить, какие фонетические изменения произошли в немецком языке за период 1954–2012 гг.

Методы и материалы

В проводимом исследовании мы обращались в том числе и к кинокартине «Гензель и Гретель» (ориг. "Hänsel und Gretel") 1954 г., снятой задолго до появления Всемирной сети. Однако благодаря Интернету представилось возможным получить доступ к экранизациям 1954 и соответственно 2012 г.

Материал исследования – две киноверсии немецкой сказки «Гензель и Гретель» (ориг. Hänsel und Gretel) 1954 г. (Вальтер Янсен) и 2012 г. (Уве Янсон). Выбор пал на эти ленты, поскольку они основаны на одноименной немецкой сказке. В немецкоязычной культуре «Гензель и Гретель» занимает особое место в традиции устного народного творчества. Эта сказка, написанная знаменитыми авторами братьями Гримм в 1812 г., обрела невероятную популярность и стала одним из известнейших произведений для детей в Германии. На протяжении многих десятилетий поучительную историю о Гензеле и Гретель передают из поколения в поколение. По сюжету дети из бедной семьи, мальчик и девочка, находят волшебный пряничный домик в лесу. Их завлекает к себе

злая ведьма-людоедка, и только благодаря своей находчивости им удается выбраться из плена.

В работе использовались такие методы исследования, как метод лингвистического наблюдения, сравнительно-сопоставительный метод, метод дискурс-анализа, метод фонетического портретирования, а также инструментальный метод, в частности метод стоп-кадра.

Результаты

В статье рассматриваются понятия *орфоэпическая норма*, *интонация* и *артикуляционная напряженность*. По словам А. И. Едличко, *орфоэпическая норма* как один из существенных компонентов языковой нормы представляет собой многоаспектную категорию, которая включает в себя звуковые элементы разговорного языка и диалектов, однако такое произношение не должно иметь ярко выраженного диалектального характера, т.е. можно сказать, что норма приближена к узусу [Едличко 2022: 120]. По принципу систематизации и регламентации правил произношения звуков литературного языка можно выделить некодифицированную и кодифицированную норму [Раевский 1997: 59], называемые также имплицитной и эксплицитной [Eisenberg 2017: 60–61]. Как отмечает Р. Eisenberg, имплицитную норму, которая социально обусловлена, т.е. признана социумом, соблюдают без внешнего давления; эксплицитная же норма регулируется правилами, фиксирующими языковые феномены с определенными целями. Некодифицированная орфоэпическая норма носит узуальный характер и представляет собой фактическое стандартное произношение образованных носителей языка.

Ж. Видон-Варнэ писал: «*Интонация* включает два элемента: ритм и мелодику фразы. Ритм заключается в "строго размеренной последовательности" ударяемых слогов и долготе ударяемых гласных. Мелодика есть результат изменений высоты голоса» [Видон-Варнэ 1967: 308]. Другими словами, интонация – это звуковая окраска слов и звуковой рисунок. Рисунок интонации создается изменениями силы и высоты голоса, поэтому ее основой являются гласные звуки, а элементом – паузы [Жаркова 2016: 30].

Фонетические различия стилей зависят от степени артикуляционной напряженности. *Артикуляционная напряженность* – это степень напряжения мышц артикуляционного аппарата при произнесении звуков. В зависимости от коммуникативной ситуации можно различать несколько степеней

артикуляционной напряженности. Г. Майнхольд выделяет 4 стили произношения с разной артикуляционной напряженностью [по: Kalashnikova, Glushak 2020: 23–24]:

1. Подготовленная речь с высокой степенью артикуляционной напряженности (торжественная речь, доклад перед большой аудиторией, речь диктора на телевидении или радио).

2. Подготовленная речь со средней степенью артикуляционной напряженности (деловая беседа, дискуссия в официальной обстановке).

3. Неподготовленная речь со средней степенью артикуляционной напряженности (дискуссия в малой или средней группе).

4. Неподготовленная речь с низкой степенью артикуляционной напряженности (разговорная речь, общение в непринужденной обстановке).

Для нас представляет наибольший интерес второй стиль, поскольку в кинематографе сценическая речь актеров в большей степени готовится сценаристами и прорабатывается заранее на репетициях, однако перед актерами также стоит задача правильно вжиться в роль и не переигрывать.

После проведения исследования и неоднократного просмотра фильмов обнаружены значительные различия, проявленные на фонетическом уровне в речи героев. Рассмотрим фонетические особенности, выявленные нами в каждом из фильмов «Гензель и Гретель» 1954 и 2012 г. соответственно.

Фильм 1954 г.:

1. Сильная аспирация последующей согласной после фонемы [ʃ]. Примеры: *schnell* [ˈʃnɛl], *spät* [ˈʃpɛ:t], *Edelsteine* [ˈe:d|ˌʃtaɪnə].

2. Звук [r] на конце слова в суффиксах *-er* либо в самом корне произносится нечетко, отчего при произнесении он реализуется как гласный звук среднего ряда среднего подъема [ə]. Проследить эту тенденцию можно в предложениях: *Vier oder* [o:də] вместо [ˈo:de] *fünf*; *Gold und Silber* [zɪlbə] вместо [ˈzɪlbə], *und Edelsteine, und wer* [ve:ə] вместо [ˈve:ɐ] *weiß, was alles noch*; *Vater* [fa:tə] вместо [ˈfa:tə], *gehen wir hin*; *Nacht, Kinder* [kɪndə] вместо [ˈkɪndə]; *Wieder* [vi:də] вместо [ˈvi:də] *nichts gekauft*. Здесь устаревшее произношение сравнивается с современным. В 2012 г. эти слова на конце имели звук, больше похожий на [v], о чем будет сказано далее.

3. В середине слова дифтонг *ei* [aɪ] произносится настолько ударным, что может быть самым главным акцентом в предложении. Примеры: *Edelsteine* [ˈe:d|ˌʃtaɪnə] (*Gold und Silber, und Edelsteine, und wer*

weiß, was alles noch); *verteilen* [fɛɐ̯ˈtaɪlən] (*Man dann wohl für die ganz Mal verteilen*). В то же время слово *verteilen* употребляется в версии 2012 г. не в акцентной позиции, а дифтонг *ei* [aɪ] произносится с меньшим ударением в сравнении с произношением в кинокартине 1954 г.: *Und abends verteile ich das Brot*. Логическое ударение четко прослеживается в слове *Brot*, поскольку оно является ремой этого предложения.

4. Фонема [g] в начале слова иногда произносится как взрывной [ɣ]. Например, в имени *Gretel*. В экранизации присутствует сцена, когда мама главных героев зовет их домой. Она кричит: "Hänsel! Gretel!". В данном случае следует обратить внимание на имя девочки, которое было произнесено как [ɣretl]. В то же время стоит отметить, что в экранизации 2012 г. имя героини во всех случаях произносится как стандартное [gretl].

5. Речь очень выразительная. Каждое предложение произносится четко, с интонацией, легко определить эмоции героя, даже не смотря на экран.

6. Яркая выразительность речи часто граничит с необоснованной грубостью из-за повышения тона голоса.

Фильм 2012 г.:

1. Ослабленное произношение фонем [ʃ] и [h] в начале слова или корня с твердым приступом. Примеры: *Angsthase* [ˈʔaŋst.ha:zə]; *Das letzte Mal gab es zwei für einen Wagen voll Holz* [ˈhɔlt͡s] *nur zwei gegeben*; *Vielleicht kriege ich auch noch ein Stück* [ˈʃtʏk] *Speck* [ˈʃpɛk]; *Es gibt noch ehrliche Menschen in diesen schwarzen* [ˈʃvaʁtsn̩] *Zeiten*.

2. Звук [r] на конце слова в суффиксах *-er* либо в самом корне почти никогда не произносится. Данный звук вокализируется, но конечная фонема больше приближена к [a], а не к [e], поэтому обозначается она как ненапряженный гласный среднего ряда нижнего подъема [ɐ]. Данная особенность ярко выражена в следующих примерах: *Wird sind wieder* [ˈvi:də] *da!*; *Ich habe noch Hunger* [ˈhʊŋɐ]; *Gretels Brot war dicker* [ˈdɪkɐ] *als meins*; *Stimmt doch, Hänsel, oder* [ˈʔo:də]?; *Ja, sicher* [ˈzɪçɐ]; *Hm, lecker* [ˈlɛkɐ]; *Die Bäume wachsen immer* [ˈɪmɐ]; *Alles ist teurer* [ˈtɔɪvɐ] *geworden*.

3. Носовой звук [ŋ] становится еще более протяжным и акцентным в слове *Hunger* (предложение *Ich habe aber so einen Hunger* [ˈhʊŋɐ] перед ненапряженным гласным среднего ряда нижнего подъема [ɐ] из-за отсутствия выраженного [r] на конце. Благодаря этому эффекту зритель проникается еще большей жалостью к голодной девочке.

4. Интонация в речи часто размыта, предложения произносятся ровным тоном, выразительности практически нет. Когда герой ведет длительный монолог, то выделить паузы становится крайне сложно.

Проанализировав два фильма, можно заметить, что в кинокартине 1954 г. речь отличается большей выразительностью и так называемой грубостью из-за сильной аспирации отдельных фонем. Это можно отследить в речи разных персонажей, что свидетельствует о типичности данного фонетического явления. На момент 2012 г. можно отметить тенденцию к более мягкому произнесению согласных звуков, более носовому произнесению назального сочетания *ng* и к менее четкому артикуляционному напряжению. Также отмечается, что выразительность интонационного рисунка стирается, речь становится более монотонной. В данном случае мы можем наблюдать изменение кодификационной нормы в разные периоды развития немецкого языка. В подтверждение можно привести слова А. И. Едличко: «Кодифицированная произносительная норма немецкого языка изменилась, пройдя путь от искусственности с ориентацией на утрированную артикуляцию сценической речи до включения произносительных особенностей современной устной медиакоммуникации». [Едличко 2022: 132]. Для кодификации А. И. Едличко опиралась на лексикографические справочники "Die richtige Aussprache des Hochdeutschen" [Rocca 1886: 4–6] и "Untersuchungen zur Kodifizierung der Standardaussprache in Deutschland" [Hollmach 2007: 69].

В последние годы немецкое кино стало отличаться неторопливостью, вниманием к деталям, что в том числе проявляется и в речи актеров. Наблюдается тенденция обращать пристальное внимание на жизнь человека в текущий момент. Как писала Е. А. Глухова, герои живут строго в настоящем времени, для них «растворяющийся в чашке сахар важнее смены правительства»¹ [Глухова 2013]. В современных немецких фильмах стало крайне мало оптимизма, но есть надежда, что мы можем наблюдать в кинокартине «Гензель и Гретель» 2012 г. Эта телевизионная сказка не пестрит красками, герои не говорят с наигранной задорностью, как в экранизации 1954 г. Их речь и уклад жизни стали более

спокойными и однообразными. Это еще раз доказывает, что с течением времени в немецком языке интонационный рисунок все больше сглаживается, становится плавным, не таким выразительным.

Заключение

При исследовании двух кинокартин, снятых с интервалом примерно в 60 лет, были выявлены значительные изменения в области фонетики. За этот период преобразилась орфоэпическая норма немецкого языка. Изменения наблюдаются как в отдельных звуках, когда гласные и согласные стали произноситься с меньшим артикуляционным напряжением, так и в интонации – интонационный рисунок стал менее выраженным. В речи персонажей более современной версии киноленты наблюдается более гладкое фонетическое оформление речи: речь персонажей, с одной стороны, становится менее выразительной, а с другой – более приближенной к реальной жизни.

Важным дополнением является то, что фонетические изменения – это сложный процесс, они проявляются в языке не сразу, а постепенно, однако при этом значительно меняют восприятие слушателей. В связи с этим исследования такого рода безусловно важны и интересны как для лингвистов, так и для практиков языка.

Дальнейшие перспективы исследования: изучение современных экранизаций для наблюдения за фонетическими изменениями, которые привносятся в нашу жизнь благодаря новейшим технологиям и стремительному развитию современного уклада жизни в целом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

¹ Патгауз М. Страна молчания и тьмы. Сеанс. 18.06.2012. URL: <http://seance.ru/blog/silence-and-darkness/> (дата обращения: 02.11.2024).

Литература / References

- Барбашов В. П. Развитие страноведческой компетенции студентов, изучающих немецкий язык как второй иностранный, в работе с художественно-документальным кинодискурсом. *Современная Российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации*: VI Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 декабря 2023 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2023. Ч. 1. С. 182–184. [Barbashov V. P. Development of cross-cultural competence of students studying German as a foreign language in working with semidocumentary discourse. *Modern Russian science: Relevant issues, achievements, and innovations*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 12 Dec 2023. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2023, pt. 1, 182–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cvpdhq>
- Видон-Варнэ Ж. Обучение интонации. In: Видон-Варнэ Ж. *Методика преподавания иностранных языков за рубежом*. М.: Прогресс, 1967. С. 306–315. [Vidon Varney J. Intonation training. In: Vidon-Varne J. *Methods of teaching foreign languages abroad*. Moscow: Progress, 1967, 306–315. (In Russ.)]
- Глухова Е. А. Специфика повествовательного и изобразительного киноязыка в современном кинематографе Германии. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2013. № 4. С. 7–12. [Gluhova E. A. The specifics of the narrative and visual film language in contemporary German cinema. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2013, (4): 7–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwvesr>
- Годяева Ю. И. Интертекстуальность в немецкоязычном молодежном сериале "how to sell drugs online (fast)". *Германистика-2022: Nove et nova*: V Междунар. науч. конф. (Москва, 7–9 декабря 2022 г.) Москва: МГЛУ, 2023. С. 76–79. [Godiaeva Yu. I. Intertextuality in German youth series "how to sell drugs online (fast)". *German studies 2022: Nove et nova*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Moscow, 7–9 Dec 2022. Moscow: MSLU, 2023, 76–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lpylky>
- Джураева Ю. А. Особенности использования фонетических средств в кинодискурсе (на материале жанра фэнтези). *Преподаватель XXI век*. 2021. № 1-2. С. 395–403. [Dzhuraeva Yu. A. Specifics of phonetic means used in film discourse (on the material of fantasy genre). *Prepodavatel XXI vek*, 2021, (1-2): 395–403. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtelmp>
- Едличко А. И. Лексикографическая кодификация произносительных норм немецкого языка: история и современность. *XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019)*: XLIX Междунар. науч. филол. конф. (Санкт-Петербург, 16–24 ноября 2020 г.) СПб.: СПбГУ, 2022. С. 118–136. [Edlichko A. I. Codification of the orthoepic norms of the German language: History and current situation. *XLIX International Scientific Philological Conference dedicated to the memory of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936–2019)*: Proc. XLIX Intern. Sci. Philol. Conf., St. Petersburg, 16–24 Nov 2020. St. Petersburg: SPbSU, 2022, 118–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/9785288062353.07>
- Жаркова Т. И. Интонация как звуковой рисунок в общении представителей иноязычных лингвосоциумов. *Инновационное развитие профессионального образования*. 2016. № 1. С. 27–32. [Zharkova T. I. The intonation as a sound drawing in communication of foreign languages lingo-socium representatives. *Innovacionnoe razvitie professionalnogo obrazovaniya*, 2016, (1): 27–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucpslh>
- Ильин А. А. История и модификация современной кинематографической лексики. *Litera*. 2023. № 8. С. 68–78. [Ilin A. A. History and modification of modern cinematic vocabulary. *Litera*, 2023, (8): 68–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.8.43454>
- Кобзева О. В. Повседневная речь и принцип экономии артикуляционных и мануальных усилий в реальной и виртуальной коммуникации. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3. № 1. С. 84–88. [Kobzeva O. V. Everyday speech and the principle of saving articulation and manual efforts in real and virtual communication. *Virtual Communication and Social Networks*, 2024, 3(1): 84–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-1-84-88>
- Кулинич Е. Д., Смирнова А. Г. Лингвистические, паралингвистические, экстралингвистические и когнитивные средства создания экспрессивности в немецкоязычной видеорекламе косметических товаров. *Журнал филологических исследований*. 2023. Т. 8. № 1. С. 21–26. [Kulinich E. D., Smirnova A. G. Linguistic, paralinguistic, extralinguistic and cognate means of creating expressiveness in German-language video advertising of cosmetic products. *The Journal of Philological Studies*, 2023, 8(1): 21–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/typgwy>

- Ленец А. В. Язык и культура как факторы конструирования национальной идентичности в кинодискурсе (на материале австрийских фильмонимов). *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023. № 2. С. 99–106. [Lenets A. V. Language and culture as the factors of designing the national identity in the film discourse (based on the Austrian filmonyms). *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2023, (2): 99–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxzqku>
- Ломова О. Е. Ценности немецкой лингвокультуры через призму кинодискурса. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2022. Т. 11. № 1. С. 33–37. [Lomova O. E. The values of German linguoculture through the prism of film discourse. *Baltic Humanitarian Journal*, 2022, 11(1): 33–37. (In Russ.)] https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_01_08
- Лутовинова О. В. Интерактивная компетенция и виртуальный дискурс. *Язык и межкультурная компетенция: Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 28–29 марта 2007 г.)* Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 53–56. [Lutovinova O. V. Interactive competence and virtual discourse. *Language and intercultural competence: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 28–29 Mar 2007*. Petrozavodsk: KSPU, 2007, 53–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vusgqd>
- Путина О. Н. Виртуальный дискурс как современная образовательная среда: достоинства и недостатки. *Евразийский гуманитарный журнал*. 2022. № 3. С. 4–9. [Putina O. N. Virtual discourse as modern educational environment: Pros and cons. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2022, (3): 4–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgtrjv>
- Раевский М. В. Фонетика немецкого языка. М.: МГУ, 1997. 312 с. [Raevskiy M. V. *German Phonetics*. Moscow: MSU, 1997, 312. (In Russ.)]
- Раренко М. Б. Экранизация повести Генри Джеймса "Что знала Мейзи": любительский кинодискурс как подвид институционального кинодискурса. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3. № 1. С. 40–46. [Rarenko M. B. Screen adaptation of Henry James's novel What Maisie knew: Amateur film discourse as a subtype of institutional film discourse. *Virtual Communication and Social Networks*, 2024, 3(1): 40–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-1-40-46>
- Цивьян Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе. *Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Труды по знаковым системам XVII*, отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту: ТГУ, 1984. С. 109–121. [Civyan Yu. G. Metasemiotic description of narrative in cinema. *The structure of the dialogue as the principle of operation of the semiotic mechanism. Sign Systems XVII*, ed. Lotman Yu. M. Tartu: TSU, 1984, 109–121. (In Russ.)]
- Штукатурова Е. П. Намек в немецком кинодискурсе: реакция адресата. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 2. С. 532–536. [Shtukaturova E. P. A hint in the German film discourse: The addressee's reaction. *Philology. Theory & Practice*, 2022, 15(2): 532–536. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20220058>
- Eisenberg P. Standarddeutsch: Überdichtung der Varietäten. In: Eisenberg P. *Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache*. Tübingen: Stauffenburg, 2017, 53–104.
- Hollmach U. *Untersuchungen zur Kodifizierung der Standardaussprache in Deutschland*. Bern: Peter Lang, 2007, 346.
- Kalashnikova E. A., Glushak V. M. Phonostilische merkmale der Deutschen sportreportage. *German studies 2020: Nove et nova: Proc. 3 Intern. Sci. Conf., Moscow, 29 Dec 2020*. Moscow: MSLU, 2020, 23–24. <https://elibrary.ru/vhxxcb>
- Rocca O. Die richtige Aussprache des Hochdeutschen. Rostock: Werther, 1886, VII, 4–6.
- Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, 27(2): 334–362. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33206>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wlbvqa>

Интерференция в русской речи носителя немецкого языка (на материале интернет-интервью)

Шишигин Кирилл Александрович

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 3244-1608
<https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>
Scopus Author ID: 56896157800
schischigin-ka@rambler.ru

Балабас Наталья Николаевна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 2043-2430
<https://orcid.org/0000-0003-2572-5684>
Scopus Author ID: 57211977042

Лебедева Наталья Борисовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 7299-1161
<https://orcid.org/0000-0002-1515-3750>
Scopus Author ID: 56895702400

Аннотация: Цель статьи – проанализировать обусловленные интерференцией разноуровневые речевые ошибки, которые в интернет-интервью допускает носитель немецкого языка, говорящий на выученном им во взрослом возрасте русском языке. Интервьюируемый показывает владение этим языком на уровне C2 (уровень образованного носителя). Материал – двухчастное интернет-интервью, размещенное в видеоблоге Deutschklasse на хостинге YouTube. Авторское исследование продолжает традицию изучения билингвизма и интерференции, рассматривает современные лингводидактические проблемы *ляпсологии* на базе актуального для фундаментальной и прикладной лингвистики – виртуального – материала. Применены субъективный метод, фонетическая транскрипция с использованием Международного фонетического алфавита, сопоставительный метод (на уровне фонетики), метод глоссирования, или лейпцигской системы нотации (на грамматическом, словообразовательном и лексическом уровнях). Отмечено, что ошибки в речи интервьюируемого немногочисленны (в среднем 1,05 на минуту речи) и в основном могут быть сведены к немецко-русской интерференции: 1) диафонные ошибки (фонетическая интерференция, 0,77 ошибок на минуту речи) не влияют на понимание смысла; 2) диаморфные ошибки (грамматическая интерференция, 0,25 ошибок на минуту речи) также не влияют на понимание смысла; 3) только три диалектные ошибки (лексическая и словообразовательная интерференция, 0,03 ошибки на минуту речи) осложняют понимание речи в несущественной мере. Результаты исследования имеют не только фундаментальную языковедческую, но и прикладную лингводидактическую значимость.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, интерференционная ошибка, диафония, диалексия, диаморфия, русский язык, немецкий язык, интернет-интервью, лингводидактика

Цитирование: Шишигин К. А., Балабас Н. Н., Лебедева Н. Б. Интерференция в русской речи носителя немецкого языка (на материале интернет-интервью). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 312–328. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-312-328>

Поступила в редакцию 14.04.2025. Принята после рецензирования 15.05.2025. Принята в печать 16.05.2025.

full article

Interference Features in the Russian Speech of a German Native Speaker in Internet Interviews

Kirill A. Shishigin

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 3244-1608
<https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>
Scopus Author ID: 56896157800
schischigin-ka@rambler.ru

Natalia N. Balabas

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 2043-2430
<https://orcid.org/0000-0003-2572-5684>
Scopus Author ID: 57211977042

Natalia B. Lebedeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 7299-1161
<https://orcid.org/0000-0002-1515-3750>
Scopus Author ID: 56895702400

Abstract: The native language interference causes multilevel speech errors in the non-mother tongue. This research featured mistakes made by a native German speaker in a Russian online interview to Deutschklasse YouTube vlog. The respondent learned Russian in adulthood and is a certified proficiency speaker (C2). The features of bilingualism and interference were examined through the concepts of modern linguistic and didactic issues of *lapsology*, or *erratology*, in virtual environment, which is a relevant area of fundamental and applied linguistics. The methodology included the subjective method, the method of phonetic notation (International Phonetic Alphabet), the method of comparative phonetics, and the glossary method (Leipzig glossing rules), which were applied to grammar, word-formation, and vocabulary. The interviewee made few mistakes (1.05 per minute). These mistakes could be reduced to German-Russian interference. The diaphonic errors (phonetic interference, 0.77 per minute) did not hinder the understanding, and neither did the diamorphic errors (grammatical interference, 0.22 per minute). There were only three dialectical errors (lexical and word-formation interference, 0.03 per minute) that hindered the understanding to a minor extent. The research results had a fundamental, applied, and didactic relevance.

Keywords: interference, bilingualism, interference error, diaphony, dialexy, diamorphy, Russian language, German language, Internet interview, didactic linguistics

Citation: Shishigin K. A., Balabas N. N., Lebedeva N. B. Interference Features in the Russian Speech of a German Native Speaker in Internet Interviews. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 312–328. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-312-328>

Received 14 Apr 2025. Accepted after review 15 May 2025. Accepted for publication 16 May 2025.

Введение

Цель статьи – проанализировать обусловленные интерференцией разноуровневые речевые ошибки, которые в интернет-интервью допускает носитель немецкого языка, говорящий на выученном им во взрослом возрасте русском языке (уровень владения русским языком C2).

Исследование, проведенное на материале дистанционного видеоподкаста, находящегося в открытом

доступе в Интернете, обладает актуальностью, т. к., во-первых, продолжает традицию изучения *билингвизма* и *интерференции* (см. основополагающие труды [Вайнрайх 1972; 1979; Верещагин 2014; Щерба 1974: 60–74, 313–318]). Во-вторых, рассматривает актуальные лингводидактические проблемы *ляпсологии* – науки об ошибках, типология которых разрабатывается на протяжении многих десятилетий

вплоть до настоящего времени (см. работы по анализу и типологии межъязыковых ошибок [Дебрэнн 2007; Щерба 1974: 366–379; Nickel 1971; Veijonen 2008]). В-третьих, находится в русле современных исследований, проводимых на виртуальном материале и разрабатывающих новые научные направления, такие как изучение социальных сетей и, в частности, виртуального диалогического дискурса [Голев 2021; 2023; Голев, Ким 2023], компьютерная педагогика, цифровая методика и дидактика [Голев 2023; Селиванов 2009; Шилова 2020].

С учетом специфики выбранного материала и для описания результатов исследования авторы пользуются следующими понятиями и терминами:

1. Для описания билингвизма:

1) *индивидуальный билингвизм* – употребление индивидуумом двух языков, «каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [Зограф 1990]; «практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [Вайнрайх 1979: 22], или билингвами;

2) *синтезированный билингвизм* – социологический тип двуязычия, которое складывается, когда естественные условия освоения вторичного языка (естественная потребность в коммуникации «без целенаправленного воздействия на становление данного умения» [Верещагин 2014: 44]) и искусственные условия (освоение вторичного языка на специальных занятиях «при условии активного и сознательного воздействия на становление данного умения» [Там же: 45]) соединяются вместе.

2. В сфере описания интерференции и обусловленных ей ошибок:

1) *интерференция* – «случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [Хауген 1972: 62]; «понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией,

например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря» [Вайнрайх 1979: 22];

2) *диафон* – «двуязычный аллофон» [Хауген 1972: 74], фонемы первичного языка, подменяющие фонемы вторичного языка [Виноградов 1990]; соответствующие отношения именуется *диафонией*;

3) *диаморф* – «двуязычный алломорф» [Хауген 1972: 75], морфемы первичного языка, подменяющие морфемы вторичного языка [Виноградов 1990]; соответствующие отношения именуется *диаморфией*;

4) *диалекс* – двуязычный аллолекс [Там же], реализующийся ввиду «межъязыкового отождествления лексем» [Хауген 1972: 76]; соответствующие отношения именуется *диалексией* [Виноградов 1990].

Методы и материалы

На уровнях фонетики использован сопоставительный метод и метод, который Л. В. Щерба в фонетике называл *субъективным методом*. Он отмечал, что «единственным фонетическим методом является субъективный, так как мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида» [Щерба 1974: 137]. При этом в ходе исследования мы опирались только на наше, как носителей русского языка, слуховое восприятие русскоязычной речи носителя немецкого языка, владеющего русским на уровне С2. Помимо этого, применена фонетическая транскрипция с использованием Международного фонетического алфавита¹ (МФА; *International Phonetic Alphabet – IPA*) с постановкой ударения в соответствии с Большим орфоэпическим словарем русского языка² и постановкой слогораздела в словоформах и сочетаниях слов в соответствии с рекомендациями «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980: 22–24]. На грамматическом, словообразовательном и лексическом уровнях мы использовали сопоставительный метод, а также метод глоссирования, или лейпцигской системы нотации³.

Исследование проведено на материале двухчастного интернет-интервью⁴, размещенного в видеоблоге Deutschklasse на хостинге YouTube. Однако

¹ Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. International Phonetic Association. Cambridge: Cambridge University, 2003, 213.

² Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: нормы и ее варианты. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018. 1024 с.

³ The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2015. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf> (accessed 29 Mar 2025).

⁴ Как немцам жилось в советской Германии? Интервью с бывшим жителем ГДР. Часть 1. Deutschklasse. URL: <https://www.youtube.com/watch?si=hBvzEz1na-1sZM4e&v=FMFQ21m3G6c&feature=youtu.be>; Интервью с бывшим жителем ГДР (Часть 2). Deutschklasse. Немецкий с носителем. URL: <https://youtu.be/j0jWSycwKV0?si=pRqQNCWzABvSNAbе> (дата обращения: 29.03.2025).

в статье показываются и анализируются: а) только интерференционные ошибки интервьюируемого; б) только те виды речевых ошибок, которые обусловлены или с большей степенью вероятности могут быть обусловлены немецко-русской интерференцией. Тем не менее следует указать и другие речевые ошибки интервьюируемого, которые не связаны с интерференцией и относятся к грамматике, лексике и словообразованию:

- 1) неправильная падежно-числовая словоформа существительного: *много пережиток*⁵ вместо *много пережитков*;
- 2) использование согласования вместо примыкания: *возникновение такого человека, как Горбачева* вместо *появление такого человека, как Горбачев*;
- 3) в принципе допустимый окказионализм: *бабушки-дедушки* (по способу или темпу произнесения слышится как *бабушкидедушки*; в транскрипте – *бабушки-дедушки*⁶) вместо *бабушки и дедушки*.

Покажем также одно периферийное явление в речи интервьюируемого – использование в двух случаях устаревших форм: устаревшее ударение в словоформе *пи́лит* вместо современного *пи́лит* и устаревшее слово *разнообразность* вместо *разнообразия*.

Результаты

В первую очередь обозначим основные экстралингвистические параметры и речевые характеристики интервьюируемого носителя немецкого языка, говорящего на русском языке.

1. Экстралингвистическая информация и речевые характеристики интервьюируемого.

1.1. Экстралингвистическая информация (из интернет-интервью).

1.1.1. Интернет-интервью было взято / дано в 2021 г.

1.1.2. Интервьюируемый – Томас Фишер, по рождению гражданин Германской Демократической Республики (ГДР), ныне – гражданин Федеративной Республики Германии (ФРГ), доктор технических наук, профессор Бранденбургского технического университета⁷.

1.1.3. Пять лет – до 1988 г. – интервьюируемый учился в СССР, в Казани.

1.1.4. Русский язык интервьюируемый изучал в школе в ГДР, затем в вузе Казани.

1.2. Речевые характеристики интервьюируемого (наша субъективная оценка).

1.2.1. Уровень владения русским языком С2 (уровень образованного носителя), в связи с чем интервьюируемый может быть назван билингвом с синтезированным билингвизмом. Об этом свидетельствуют:

а) обычный, как у русского образованного носителя, темп речи;

б) свободное владение русским языком:

- нет длительного, с долгими паузами припоминания / подбора слов (кроме редких случаев: см. пп. 3.3);

- при говорении по-русски – мышление на русском же языке (кроме редких случаев: см. пп. 3.1);

- использование обычных для русской естественной устной речи дискурсивных слов *там, как сказать, ну, знаешь?, вот* и т.п., которые представляют собой «очень нужное средство для построения устной речи, причем средство, которое дает человеку в том числе и возможность перевести дух, расслабиться, продумать конструкцию фразы, не прекращая говорить»⁸ (также см. [Кудлик, Антонова 2018]); дискурсивные слова, как правило, при несвободном владении иностранным языком и на начальных этапах его изучения представляют «серьезную трудность для иностранных учащихся» [Шляхов, Агафонова 2022: 32], но эта трудность не проявляется в речи интервьюируемого;

- легкость переключения, т.е. интервьюируемый как «идеальный двуязычный переключается с одного языка на другой тогда, когда изменяется речевая ситуация (собеседники, тема и др.), но не прибегает к этому при постоянной ситуации, в частности в пределах одного предложения» [Вайнрайх 1972: 130] (кроме редких случаев: см. пп. 1.2.3, 3.3); это переключение и само говорение не осложняются даже определенной условностью речевой ситуации: и интервьюируемый, и интервьюер – носители немецкого языка – общаются

⁵ Здесь и далее в примерах выделено авторами статьи.

⁶ Это единственный случай обращения к транскрипту, во всех остальных случаях мы прибегали исключительно к субъективному фонетическому методу – восприятию на слух.

⁷ Название университета приведено со слов Томаса Фишера; официальное название – Бранденбургский технический университет Котбус-Зенфтенберг.

⁸ Максудов И., Плунгян В. А. «Ну» – одно из древнейших индоевропейских слов. *ПостНаука*. 18.07.2014. URL: <https://postnauka.org/talks/27774> (дата обращения: 29.03.2025).

на иностранном и изначально неродном для них русском языке;

- интонация не обладает какими бы то ни было особенностями, которые можно было бы характеризовать как интерференционные.

1.2.2. Незначительное количество ошибок, не обусловленных интерференцией (см. Методы и материалы), и интерференционных. На речь интервьюируемого, которая длится примерно 78 минут (около 90 % общей длительности двухчастного видео), приходится 82 интерференционные ошибки:

- 60 диафонных ошибок, или 73,1 % фонетической интерференции,
- 13 диалексных ошибок, или 15,9 % лексической и словообразовательной интерференции,
- 9 диаморфных ошибок, или 11,0 % грамматической интерференции.

Так:

а) общее число ошибок на минуту речи интервьюируемого составляет в среднем 1,05 (из них 0,25 приходится на диаморфные ошибки), что, по нашему мнению, представляет собой весьма незначительное количество;

б) основное число ошибок, обусловленных немецко-русской интерференцией, составляют диафоны (в среднем 0,77 ошибок на минуту речи), причем это ни в коей мере не влияет на понимание речи слушающим (и условно сравнимо с русской акцентной речью жителя Балтии во времена СССР, для которого русский язык – не родной, но вторичный, выученный в детстве или сознательном возрасте);

в) осложняют понимание речи – притом лишь в несущественной мере – только три диалексные ошибки, указанные в примерах (31), (33) и (34) в п. 3, что составляет в среднем 0,03 ошибки на минуту речи интервьюируемого.

1.2.3. Наличие самоисправлений, их легкость и естественность:

а) сказав *Это было мое представление*, интервьюируемый добавляет: **впечатление**. Здесь происходит снятие диалексии, ср. нем. *Das war meine Vorstellung*, где *Vorstellung* – «представление, впечатление»;

б) сказав **Как турист**, интервьюируемый, после небольшой паузы, добавляет: **Туристом ты другую**

страну просто не узнаешь, ср. нем. *Als Tourist lernst du das andere Land nicht kennen*, где *als Tourist* в данном контексте – «как турист, туристом»;

в) всего три раза использованы немецкоязычные вставки: **Ostblock** (после того, как интервьюируемый сказал соответствующее русское **восточный блок**), **antifaschistisch-demokratischer Schutzwall** (см. пп. 3.3.1), **Wende** (см. пп. 3.3.2); при этом немецкоязычные вставки оформлены у интервьюируемого как у «идеального двуязычного», который «при включении в речь выражений из другого языка <...> может выделять их как "цитаты": <...> в устной речи – особыми модификациями голоса (небольшими паузами, изменением темпа и др.)» [Вайнрайх 1972: 130].

Далее описание результатов исследования подается по степени убывания числа интерференционных ошибок в речи интервьюируемого: фонетическая интерференция, лексическая и словообразовательная интерференция, грамматическая интерференция.

2. Фонетическая интерференция.

2.1. Диафония, обусловленная исключительно привычкой произнесения подобной фонемы / группы фонем / фонетического явления на родном немецком языке.

2.1.1. Русский веляризованный латеральный альвеолярный аппроксимант /ɭ/ (на письме обозначаемый буквой *л*) реализуется в основном как диафон – по немецкой произносительной привычке как латеральный альвеолярный аппроксимант [l]. При этом в одном случае в интернет-интервью – в словоформе *выпивал* – аллофон /ɭ/ произносится интервьюируемым без интерференции – как веляризованный латеральный альвеолярный аппроксимант [ɭ]:

- (1) рус. *был* /'bɪɫ/ > инт. ['bɪɫ]⁹;
рус. *выпивал* /vi.pjɪ.'vaɫ/ = неинт.¹⁰ [vi.pjɪ.'vaɫ].

2.1.2. Глухой ретрофлексный сибилант /ʂ/ (на письме обозначаемый как *ш*), в том числе как палатализованный в составе аффрикаты /tʂi/ (на письме

⁹ Здесь и далее в примерах сокращения рус. и инт. обозначают русское и интерферированное соответственно; русская транскрипция дается в косых скобках, транскрипция слов с диафонами – в квадратных [ср.: Бондарко и др. 1991: 130–131]; знак правонаправленной треугольной стрелки используется для обозначения «звукового изменения» [Богородицкий 1959: 7], т.е. для обозначения перехода русского аллофона в интерферированный диафон, например: рус. /'bɪɫ/ > инт. ['bɪɫ] означает русский аллофон /ɭ/ произносится как диафон [l] (аллофон и диафон выделены жирным шрифтом).

¹⁰ Здесь и далее в примерах знак равенства с сокращением неинт. (равно неинтерферированному) означает, что указанная русская словоформа или анализируемые в ее составе аллофоны произносятся интервьюируемым без интерференции.

обозначае­мой как ч), реализуется в результате немецкой интерференции в качестве глу­хого постальвеолярного сибиланта [ʃ], в том числе в составе аффрикаты как [tʃ]:

- (2) рус. *школа* /'sko.la/ > инт. ['ʃko.la];
рус. *человек* /tʃi.la.'vɛk/ > инт. [tʃe.la.'vɛk];
рус. *Горбачев* /gɔ.rba.'tʃɔf/ > инт. [gɔ.rba.'tʃɔf];
рус. *на учебу* /nɔ.u.'tʃɔ.bu/ > инт. [nɔ.u.'tʃɔ.bu].

Таким образом, в слове *школа* интерференция обуславливает две ошибки (диафон [ʃ] на месте аллофона /s/, [l] на месте /l/), а в слове *человек* – три ошибки (аффриката-диафон [tʃ] на месте аффрикаты-аллофона /tʃ/, [l] на месте /l/, непалатализованный диафон [v] на месте палатализованного аллофона /vi/).

2.1.3. Звонкий постальвеолярный сибилант [ʒ] (на письме обозначаемый как ж) произносится как звонкий ретрофлексный сибилант /ʒ/:

- (3) рус. *режима* /ri.'ʒi.mə/ > инт. [re.'ʒi.mə].

2.1.4. Глухой альвеолярный сибилант /s/ (на письме обозначаемый как с) в позиции перед гласными иногда произносится как звонкий альвеолярный сибилант [z]:

- (4) рус. *интенсивно* /in.tɛn.'sʲi.vnə/ >
инт. [ʔin.tɛn.'zi.vnə].

2.1.5. Неаспирируемые согласные /p, t, k/ (на письме обозначаемые как *п – б, т – д, к – з*) реализуются со слабой аспирацией как [p^h, t^h, k^h]:

- (5) рус. «*Спутник*» /'spu.tɪn'ɪk/ > инт. ['sp^hɒt^h.nɪk^h];
рус. *когда* /'kɔ.'gda/ > инт. [k^hak^h.'da];
рус. *как* /'kak/ > инт. [k^hak^h];
рус. *водка* /'vo.tkɔ/ > инт. ['vɔt^h.k^hɔ].

Что касается произнесения слова *водка* с аспирированными [t^h, k^h], то интервьюируемый носитель немецкого языка сразу же исправляется (очевидно осознав, что произнес его с полностью немецким консонантизмом и вокализмом, как, собственно, и название журнала *Спутник*) и произносит слово повторно – уже без аспирации, как ['vo.tkɔ].

2.1.6. Русские геминаты (на письме обозначае­мые удвоенными согласными или некоторыми сочетаниями согласных букв) в составе слова, как правило, упрощаются до кратких – соответ­ственно литературному немецкому произношению, при котором согласные, обозначае­мые на письме удвоенными буквами, в составе одной и той же мор­фемы произносятся как краткие (простые) либо соответственно немецкому литературно-разговор­ному произнесению, при котором геминаты также реализуются как краткие:

- (6) рус. *прессы* /'pre.sʲi/ > инт. ['pre.sə];
рус. *пенсионного* /pɪn'si.'o.nɔ.'nɔ.və/ >
инт. [pɛn.sɪ.'o.nɔ.və];
рус. *позже* /'po.ʒɛ/ > инт. ['po.ʒə].

2.1.7. Напряженный неогубленный гласный перед­него ряда верхнего подъема /i/ в безударной позиции после палатализованных согласных (на письме обо­значае­мый как *е* либо *и*) в речи интервьюируемого реализуется как диафоны: либо по немецкой произ­носительной привычке – как напряженный неогуб­ленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема [e:], полудолгий в позиции не под ударе­нием, без палатализации предшествующего соглас­ного; либо как ненапряженный неогубленный глас­ный переднего ряда верхнего подъема [i], так же без палатализации предыдущего согласного:

- (7) рус. *Перестройка* /pɪ.'ri.'stroj.ka/ >
инт. [pe'.re'.stroj.ka];
рус. *в Казани* /fka.'za.ni/ > рус. [fka.'za.ni].

2.1.8. Редуцированные гласные произносятся интервьюируемым без редукции в следующих случаях:

а) редуцированный аллофон /ə/ в безударных окончаниях (на письме обозначае­мый как *о*)¹¹ реализуется как нередуцированный диафон [o] или полудолгий диафон [oː]:

- (8) рус. *ребенком* /ri.'bɔn.kəm/ > инт. [reb.'ʃɔn.kom];
рус. *просто* /'pro.stə/ > инт. ['pro.stoː];
рус. *бабушкой* /'ba.bu.ʃkɔj/ > инт. [ba.bu.ʃkɔj];
рус. *плохо* /'plo.xə/ > инт. ['plo.xoː];

¹¹ Однако важно отметить, что в позиции, нехарактерной для немецкого литературного произношения, интервьюируемый произно­сит редуцированный [ə]: рус. *запахом* /'za.pɔ.xəm/ = неинт. ['za.pɔ.xəm].

б) редуцированный аллофон /i/ в безударной позиции (на письме обозначаемый как *e*) реализуется как нередуцированный диафон [e]:

- (9) рус. *человеческих* /tʃi.ɫ.ˈvʲe.tʃɛ.skix/ >
инт. [tʃe.ɫ.ˈvʲe.tʃɛ.skɪç].

2.1.9. В русском литературном произношении гортанная смычка представляет собой малораспространенное факультативное фонетическое явление: она произносится, например, в очень небольшом количестве слов с междометной функцией типа *не-а* /nʲe.ʔɫ/. В анализируемом интернет-интервью слова с гласным аллофоном в абсолютном начале слова, в том числе на границе слов, интервьюируемым иногда произносятся со слабой гортанной смычкой перед этой гласной:

- (10) рус. *их* /ix/ > инт. [ʔɪç];
рус. *это уже* /ʲe.tə.u.ˈzʲe/ > инт. [ʔɛ.tə.ʔu.ˈzɛ].

2.1.10. Одним из средств эмфазы в русском литературном произношении является эмфатическое ударение, в частности когда – при противопоставлении двух слов или понятий – более сильное ударение ставится на ударный слог с удлинением гласного одного из этих слов. В немецком литературном произношении эмфатическое ударение при противопоставлении реализуется, в частности, посредством дополнительного, более сильного, ударения на первом слоге¹². В следующей фразе интервьюируемый ставит по немецким правилам два ударения: эмфатическое – на первом слоге и побочное – на слоге, который является ударенным при стандартном произношении слова, обозначающего первое из двух противопоставляемых понятий: *Мы на переходе от капитализма к коммунизму*:

- (11) рус. *от капита"лизма к коммунизму* >
инт. *от "капита'лизма к коммунизму*.

2.2. Диафония, исключительно обусловленная отсутствием подобной фонемы или фонетического явления в родном – немецком – языке интервьюируемого.

2.2.1. Русский долгий глухой альвеоло-палатальный сибиллянт /ʃi:/ (на письме обозначаемый буквой *щ* и диграфами *сч* и *жч*) реализуется как диафон –

краткий глухой постальвеолярный сибиллянт [ʃ], имеющийся, в отличие от /ʃi:/, в немецком:

- (12) рус. *ощущалось* /ɫ.ʃiː.u.ˈʃiː.ɫəsɪ/ > инт. [ɫ.ʃu.ˈʃa.ɫəs];
рус. *еще* /ʃi.ˈn:o/ > инт. [ʔi.ˈʃo];
рус. *счет* /ʃiːot/ > инт. [ˈʃot];
рус. *мужчин* /mu.ˈʃiːin/ > инт. [mu.ˈʃin].

В одной словоформе – *движущая* – русский долгий аллофон /ʃi:/ был произнесен как долгий диафон [ʃiː]: рус. /ˈdvʲiʒʊʃiː.ɫʲa/ > инт. [ˈdvʲi.zu.ʃiː.ɫʲa].

2.2.2. Палатализованные согласные аллофоны интервьюируемый обычно произносит как непалатализованные согласные диафоны:

а) перед гласными переднего ряда:

- (13) рус. *в Казани* /fka.ˈza.nʲi/ > инт. [fka.ˈza.nɪ];
рус. *кстати* /ˈksta.tʲi/ > инт. [ˈksta.tɪ];
рус. *автобусами* /a.ˈfto.bu.sɫ.mʲi/ >
инт. [a.ˈfto.bu.sɫ.mi];
рус. *дедушки* /ˈdʲe.du.ʂkʲi/ > инт. [ˈde.du.ʃkʰɪ];

б) на месте не обусловленных позиционно палатализованных согласных:

- (14) рус. *боялись* /bɫ.ˈjɑ.ʲisɪ/ > инт. [bɫ.ˈjɑ.lɪs];
рус. *пять* /ˈpʲatʲi/ > инт. [ˈpʲat].

Однако следующие словоформы интервьюируемый произнес по-русски чисто, без немецкой диафонии, в том числе с требуемой палатализацией согласных:

- (15) рус. *смотреть* /smɫ.ˈtrʲi.ɛtʲi/ = неинт. [smɫ.ˈtrʲi.ɛtʲi];
рус. *нельзя* /nʲe.ˈʲzʲa/ = неинт. [nʲe.ˈʲzʲa];
рус. *сухим* /su.xʲim/ = неинт. [su.xʲim];
рус. *выпивал* /vi.pʲi.ˈvaɫ/ = неинт. [vi.pʲi.ˈvaɫ].

2.2.3. Нейотированные гласные аллофоны /a, o, u/ после палатализованных согласных (на письме обозначаемые буквами *я, е, ю*) в речи интервьюируемого реализуются преимущественно как слабо йотированные диафоны – восходящие дифтонги [ja, jo, ju], без палатализации предшествующего согласного, с изменением слогораздела:

- (16) рус. *гостями* /gɫ.ˈsitʲa.mʲi/ > инт. [gɫst.ˈjɑ.mi];
рус. *ребёнком* /rʲi.ˈbʲon.kəm/ > инт. [reb.ˈʃon.kom];
рус. *люди* /lʲi.ˈdu.dʲi/ > инт. [lʲi.ˈju.di].

¹² Duden. Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardausssprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1990, 799.

При этом слово *порядочно* произнесено с сильной йотацией: рус. /рл.'rʲa.dɫ.tʂɨnɫ/ > инт. [рлг.'jɔdɫɨʲnɔ].

2.2.4. Неогубленный гласный среднего ряда верхнего подъема /i/ (на письме обозначаемый как *ы* и *и*) реализуется в речи интервьюируемого трояко:

а) как звук шва [ə] после глухого ретрофлексного сибиланта [ʂ] (последний при этом реализуется как глухой постальвеолярный сибилант /ʂ/):

(17) рус. *машины* /ma.'ʂi.nə/ > инт. [ma'.ʂə.nə];

б) как ненапряженный гласный переднего ряда верхнего подъема [i]:

(18) рус. *был* /'bi/ > инт. ['bi];

в) как напряженный гласный переднего ряда верхнего подъема [i] после звонкого постальвеолярного сибиланта [z] (последний при этом реализуется как звонкий ретрофлексный сибилант /z/):

(19) рус. *режима* /rʲi.'zi.mə/ > инт. [re.'zi.mə].

При этом в последующем в интернет-интервью аллофон /i/ реализуется без интерференции:

(20) рус. *выпивал* /vi.pʲi.'va/ = неинт. [vi.pʲi.'va].

Неустойчивость неинтерферированного произнесения аллофона /i/ подчеркивается тем, что аллофон /i/ в одной и той же фразе – при этом в одной и той же словоформе – был произнесен интервьюируемым и как [i], и как [i]:

(21) рус. *были* /'bi.ʲi/ > инт. ['bi.li];
рус. *был(и)*¹⁵ /'bi.ʲ(i)/ = неинт. ['bi.l(i)].

2.3. Диафония, обусловленная позиционно.

2.3.1. Ввиду различия дополнительной дистрибуции в родном и неродном языке интервьюируемого: глухой велярный спилант [x], имеющийся в немецком, после напряженного гласного переднего ряда верхнего подъема [i] (на письме обозначаемого как *и*) реализуется как диафон – глухой палатальный спилант [ç], поскольку в литературном немецком произношении [x] никогда не встречается в подобной позиции, но после ненапряженного гласного переднего ряда верхнего подъема [i] реализуется только как аллофон [ç]:

(22) рус. *от них* /ɔt.'nʲix/ > инт. [ʔɔt.'niç];
рус. *человеческих* /tʂʲi.ʲɫ.'viɛ.tʂʲɛ.skʲix/ >
инт. [tʂʲɛ.ʲɫ.'viɛ.tʂʲɛ.skʲiç].

2.3.2. Звонкий согласный аллофон в начале слова или слога подвергается оглушению и произносится как глухой или частично оглушенный согласный диафон – по законам немецкой ассимиляции:

(23) рус. *с бабушкой* /'zba.bu.ʂkəɫ/ > инт. ['sb̥a.bu.ʂkɔɫ];
рус. *когда* /'kl.'gdə/ > инт. [kʰakʰ.'d̥a];
рус. *забор* /za'bor/ > инт. [z̥a'bor].

В предложной словоформе *с бабушкой* имеет место, с одной стороны, очевидная первичность письма по отношению к звучащей речи при овладении неродным языком, и тем самым прослеживается влияние письма на устную речь: в немецком литературном произношении не допускается озвончение глухих согласных, и, соответственно, буквы, обозначающие глухие звуки, не могут произноситься звонко. Поэтому в данном случае имеет место диафония: звонкий аллофон /z/ > глухой диафон [s] (ср. рус. *здесь* /'zɗʲesʲi/ > инт. ['z̥ɗʲesʲi] с написанием через букву з). С другой – данное диафонное изменение порождает прогрессивную ассимиляцию рус. [s] > инт. [b̥], т. е. глухой диафон [s] вызывает переход звонкого аллофона /b/ в частично оглушенный диафон [b̥]. При произнесении слова *когда* также происходят определенные явления, обусловленные немецкой интерференцией: оглушение рус. /g/ > инт. [kʰ] в конце слога и прогрессивная ассимиляция (частичное оглушение рус. /d/ > инт. [d̥]).

При этом необходимо отметить: диафония становится практически неизбежной, т. к. соположение согласных /zb/ и /gd/ в немецком языке невозможно, но частотны соположения /sp/ и /kt/ (которые не встречаются в абсолютном начале слова и едва отличимы от [sb̥] и [kɗ̥] для носителей других языков, кроме немецкого), и в небольшом количестве заимствований возможны /sb̥/ и /kɗ̥/, а также /sq̥/.

Под влиянием литературно-разговорного немецкого произношения происходит частичное оглушение в абсолютном начале слога:

(24) рус. *туда* /tu.'da/ > инт. [tu.'d̥a].

¹⁵ Здесь и далее в примерах в скобки берется те части словоформы / аллофоны, которые произносятся с интерференцией как диафоны.

2.3.3. Краткий гласный, находящийся в открытом слоге в абсолютном конце слова, в редких случаях произносится как полудолгий гласный в соответствии с немецким литературным произношением:

- (25) рус. *страсти* /stra.sti/ > инт. [stra.sti·];
рус. *водка* /'vo.tkɑ/ > инт. ['votʰ.kʰɑ·].

Что касается произнесения слова *водка* с полудолгим [ɑ], то интервьюируемый быстро исправляется (очевидно поняв, что произнес слово с полностью немецким вокализмом и консонантизмом) и произносит его повторно – с кратким [ɑ]: рус. *водка* /'vo.tkɑ/ = неинт. ['vo.tkɑ].

2.4. Прочие фонетические явления, которые встречаются в русской речи интервьюируемого, не связаны напрямую с интерференционными феноменами, описанными выше, но очевидно «выдают» иноязычный акцент говорящего.

2.4.1. В русском литературном произношении в словах типа *чувствовать* происходит упрощение группы корневых согласных (в которую на письме входят непроносимые согласные). Интервьюируемый же произносит непроносимую согласную, в чем может также выражаться влияние письма на устную речь не-носителя русского языка:

- (26) рус. *чувствовались* /'tʂʲu.stvɑ.vɑ.ʲisʲi/ >
инт. ['tʃʲuf.stvɑ.vɑ.lis].

Однако такой речевой результат является следствием самоисправления (после правильного произнесения начала словоформы), т.е. эта часть фразы в речи интервьюируемого выглядела следующим образом:

- (27) инт. *чувств...*¹⁴ *чувствовались* ['tʃʲust...
'tʃʲuf.stvɑ.vɑ.lis].

2.4.2. На границе слов – в двух сочетаниях предлога *к* с существительным, начинающимся аллофоном /k/, – гемината /k:/ произносится как двухвершинный согласный диафон, в результате чего «слоговая граница воспринимается в середине смычки» [Гордина 1973: 85] (см. также [Гак 1989: 52; Щерба 1963: 79]), а первая часть этого двухвершинного согласного становится слоговой и получает побочное ударение:

- (28) рус. *к коммунизму* /k:l.mu.'nʲi.zmu/ >
инт. ['kʰ.kʰl.mu.'nʲi.zmu];
рус. *к краху* /'k:ra.xu/ > инт. ['kʰ.'kʰra.xu].

В таком произнесении мы, возможно, усматриваем влияние современного произнесения предлогов, состоящих только из одного согласного, – до сих пор не соответствующего русской орфоэпической норме, но весьма часто слышимого в русскоязычных медиа. Для данной тенденции характерно внедрение между таким предлогом и следующей за ним словоформой *шва*, и его становление в ударную позицию: *к коммунизму* ['kɑ.kl.mu.'nʲi.zmu].

2.4.3. Два раза в одной и той же словоформе в соседних фразах неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема /a/ произносится интервьюируемым как *шва* [ə], хотя этот аллофон не должен представлять трудности для носителя немецкого языка:

- (29) рус. *парни* /'pa.rni/ > инт. ['pə.rni].

3. Лексическая и словообразовательная интерференция.

3.1. Диалексия в сфере числительных.

Самым показательным явлением диалексии в паре *родной немецкий – выученный русский язык*, и наоборот, в паре *родной русский – выученный немецкий язык* являются, на наш взгляд, числительные. Так, при овладении неродным языком инофон сначала «должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком; опосредствующим звеном здесь выступает "родная" система правил <...>. В дальнейшем эта опосредствующая система правил все больше редуцируется <...>, что соответствует относительно полному владению иностранным языком или, как выражался <...> Б. В. Беляев, "мышлению на иностранном языке"» [Леонтьев 1999: 223] (см. также [Беляев 1965: 36–54]). Переход же на правила неродного языка и выработка умения мыслить на нем происходит, в частности, путем формирования «принципиально новых навыков, несвойственных родному языку или(и) языку, изучавшемуся ранее» [Леонтьев 1999: 223], прежде всего – навыка соотношения экстралингвистических понятий со словами. При этом общее понятие количества, с одной стороны, и его конкретные числовые содержания, обозначаемые числительными, с другой, по способу иноязычного мышления

¹⁴ Здесь и далее в примерах зачеркиванием обозначаются самоисправления интервьюируемого.

при синтезированном билингвизме кардинально отличаются от слов других частей речи. Это подтверждается преподавательским и переводческим опытом авторов данной статьи:

- понятие количества, а именно дихотомия *один – больше одного* как языковая универсалия, не вызывает никаких трудностей для перехода к иноязычному мышлению;
- числовые содержания, выражаемые числительными от *один* до *двадцать* и простыми числительными типа *тридцать, сорок, сто, тысяча* и т.п., воспринимаются на слух легко и не препятствуют мышлению на иностранном языке;
- сложные числительные типа *двадцать один, сто тринадцать, тысяча девятьсот восемьдесят пять* и т.п. сложны для восприятия на слух и зачастую мыслятся только на родном языке¹⁵ и произносятся на иностранном языке – даже при очень высоком уровне владения последним – через внутренний самоперевод. Так, интервьюируемый начал произносить год своего рождения неправильно, но затем исправился:

(30) инт. *Вот я родился в сорок... шестьдесят четвертом году.* <¹⁶ рус. *Вот я родился в шестьдесят четвертом году.*

Тем самым интервьюируемый начал называть свой год рождения как *сорок шестой*: немецкие числительные, обозначающие десятки с единицами, образуются с обратным русскому порядку их названия. Буквальное следование компонентов числительного *vierundsechzig* мы покажем с помощью лейпцигской системы нотации:

нем.	<i>vier-und-sechzig</i>
	четыре-и-шестьдесят
	‘шестьдесят четыре’

Такая ошибка в устной речи достаточно распространена как у носителей немецкого, так и русского языка, говорящих соответственно на неродном русском или немецком. Однако, как правило, они сразу же исправляют неверно сказанное. Ту же ошибку допускает интервьюируемый и сразу, не назвав числительное полностью, ошибку исправляет.

¹⁵ Ср.: «Числовые значения отражают специфику математического мышления, в котором числа не отягощены связью с предметами» [Шарандин 2021: 149], точнее – связью с понятиями, кроме понятий *один* и *больше одного*.

¹⁶ Здесь и далее в примерах знак левонаправленной треугольной стрелки используется для обозначения диалексного и диаморфного изменения, т.е. перехода русской словоформы / алломорфа в интерферируемый диалекс / диаморф (анализируемое выделяется жирным шрифтом).

3.2. Диалексия в сфере фразеологизмов и устойчивых словесных комплексов нефразеологического типа.

Фактором, провоцирующим интерференцию, являются также фразеологизмы и устойчивые словесные комплексы нефразеологического типа, при употреблении которых в речи на неродном языке часто происходит буквальный (либо частичный буквальный) перевод с родного языка. Так, интервьюируемый пытается употребить в своей русской речи всего один фразеологизм, и в нем имеет место диалексия:

(31) инт. *Кто-то пилит на их власти.* <
рус. *Кто-то хочет лишить их власти.*

Фразеологический диалекс *пилить на чьей-либо власти* представляет собой частичный буквальный перевод немецкого фразеологизма *an jemandes Stuhl sägen* ‘стремиться лишить кого-либо власти’, покомпонентное значение которого с помощью лейпцигской системы нотации выглядит следующим образом:

нем.	<i>an</i>	<i>ihrem</i>	<i>Stuhl</i>	<i>sägen</i>
	на	их	стуле	пилить
	‘стремиться их лишить власти’			

Интерференция имеет место также при употреблении одного устойчивого словесного комплекса нефразеологического типа:

(32) инт. *Он думал, что по такому пути можно спасти систему.* < рус. *Он думал, что таким путем можно спасти систему.*

Здесь происходит полный буквальный перевод, т.к. в немецком языке в соответствующем словесном комплексе требуется предлог, который и возникает в русской речи интервьюируемого:

нем.	<i>auf</i>	<i>solche</i>	<i>Weise</i>
	по	такому	пути
	‘таким путем / таким способом’		

3.3. Диалексия в сфере терминов.

В двух случаях интервьюируемый использует термины, которые обозначают политические реалии

ГДР и в русском языке оказываются для него терминологическими лакунами. В результате и здесь проявляется диалексия – буквальный их перевод с родного немецкого языка на русский.

3.3.1. Диалексия ввиду частичного буквального перевода имеет место со следующим историко-политическим термином:

- (33) инт. **антифашистская демократическая преграда** < рус. **антифашистский оборонительный вал**.

Его покомпонентное значение по лейпцигской системе нотации:

нем. <i>antifaschistisch-demokratischer Schutzwall</i>	
антифашистско-	защитный вал
демократический	
'антифашистский оборонительный вал'	

При этом немецкий термин в памяти интервьюируемого сохранился неточно: во-первых, интервьюер подсказывает слово *вал* (вместо употребленного интервьюируемым *преграда*), которое в свою очередь также неточно, поскольку, во-вторых, немецкий термин-клише для политического (по сути – эвфемистического) обозначения Берлинской стены – *antifaschistischer Schutzwall*¹⁷ 'антифашистский защитный вал', его русский калькированный эквивалент – *антифашистский оборонительный вал*.

3.3.2. Диалексия имеет также место с историко-политическим термином, относящимся ко времени падения Берлинской стены и после ее падения, который интервьюируемый пытается использовать дважды – и оба раза неправильно. В первом случае он прибегает к описательному (небуквальному) переводу немецкого термина *Wende* (нетерминологическое лексическое значение – 'поворот в событии / в развитии событий, рубежный / поворотный момент'; буквально: *перемена*). Во втором – предположительно, путает слова *поворот* и *переворот*:

- (34) инт. **Перемена** < рус. **демократическая революция**¹⁸;
инт. **политический переворот** < рус. **демократическая революция**.

3.3.3. Это же немецкое существительное *Wende* уже в нетерминологическом значении также мыслится интервьюируемым в следующей фразе и провоцирует диалексию:

- (35) инт. *Он хотел спасти систему путем, скажем, **экономического переворота**, этот **переворот** назывался «Перестройка».* < рус. *Он хотел спасти систему путем, скажем, **экономических перемен**, эти перемены назывались «Перестройка».*

3.4. Диалексия в сфере лексических синонимов.

3.4.1. В двух случаях лексическая интерференция обуславливается неразличением неполных синонимов русского языка (по крайней мере, в естественной устной речи):

- (36) инт. **возникновение** <...> *такого человека, как Горбачева* < рус. **появление** *такого человека, как Горбачев;*
(37) инт. *Они считали <...>, что это – некоммунистический путь, что это – **дорога к краху** системы.* < рус. *Они считали <...>, что это – некоммунистический путь, что это – **путь к краху** системы.*

Пример (37) доказывает, что интервьюируемый знает оба неполных синонима – *путь* и *дорога*, употребив их в одном предложении, но во второй его части – неправильно (ср. замечание интервьюера после этой реплики: **путь к краху**) ввиду того, что немецкое существительное *Weg* используется в обоих значениях.

3.4.2. В следующем случае диалексия обусловлена соответствием одному немецкому слову двух несинимичных слов русского языка:

- (38) инт. **момент волнения или возбуждения** < рус. **волнительный момент**.

В данном словосочетании интервьюируемый ошибочно называет оба русских эквивалента немецкого существительного *Aufregung* 'волнение; возбуждение'.

¹⁷ Erst Sicherheit! *Neues Deutschland*. 05.12.1961. URL: <https://www.nd-archiv.de/ausgabe/1961-12-05> (accessed 29 Mar 2025).

¹⁸ В российской науке название этого периода в истории Германии и ГДР варьируется: употребляется как буквальный перевод немецкого существительного-термина *Wende*, т.е. «поворот» (часто в кавычках) [История Германии... 2008: 519], так и описательные терминологические сочетания – *демократическая революция* [История Германии... 2008: 518, 534] и *мирная революция* [Степанов 2012: 35].

3.5. Диалексия в сфере словообразования.

3.5.1. В двух случаях интерференция в естественной устной речи интервьюируемого обуславливается неразличением слов – производящего и производного, имеющих отличные значения:

- (39) инт. *Я вырос именно в ГДР, где, скажем, все все-таки было очень дисциплинированно, очень порядочно.* < рус. *Я вырос именно в ГДР, где, скажем, все все-таки было очень дисциплинированно, очень чисто / аккуратно.*

Диалекс *порядочно* очевидно является буквальным соответствием немецкому наречию *ordentlich*, которому, в частности, соответствуют и русские *чисто, аккуратно* и *порядочно*. Схема интерференции здесь может быть такой: немецкое наречие *ordentlich* образовано от существительного *Ordnung* – ‘порядок’, следовательно, от русского существительного *порядок* – ‘правильное, налаженное состояние’ может быть образовано однокоренное наречие *порядочно* со значением ‘соответственно правильному, налаженному состоянию’.

Второй случай связан с неразличением двух имеющих разное значение возвратных глаголов: *чувствоваться* и *чувствовать себя*. Такая диалексия объясняется тем, что немецким возвратным глаголам, которые образуются присоединением возвратного местоимения *sich*, с высокой частотностью соответствуют русские возвратные глаголы, которые образуются присоединением постфикса *-ся*, ср.: *sich waschen* со значением ‘мыться’ – рус. *мыться*, нем. *sich prügeln* со значением ‘драться’ – рус. *драться*:

- (40) инт. *Мы не чувствовались чужими. Чувствовались своими.* < рус. *Мы не чувствовали себя чужими. Чувствовали себя своими.*

Здесь интерференция может быть объяснена так: нем. *sich fühlen* со значением ‘чувствовать себя’ – рус. *чувствоваться*.

3.5.2. Диалексия имеет место также в словообразовании двух существительных (одно из них – в речи интервьюера, которое, по-нашему мнению, также необходимо привести) по частотным немецким, но нечастотным для соответствующих слов

русского языка словообразовательным моделям. Словообразовательная диалексия объясняется наличием и частотностью такого способа словообразования существительных, как бессуффиксальная субстантивация инфинитивов:

- (41) инт. *ограничения путешествования* < рус. *ограничение поездок*;
(ср. у интервьюера: инт. *процесс воспитывания* < рус. *процесс воспитания*).

Проиллюстрируем схему интерференции методом лейпцигской системы нотации:

нем. <i>Beschränkung des</i>	<i>Reisen</i>
ограничение DEF.GEN.SG ¹⁹	путешествования.
	SUBSTINF.GEN.SG
‘ограничение поездок’	

Существительное *Reisen* ‘поездка / путешествие (процесс поездки / путешествия)’ образовано субстантивацией инфинитива *reisen* ‘ездить / путешествовать’, т.е. диалекс *путешествование* также образован путем суффиксальной субстантивации инфинитива *путешествовать* по русской модели, не характерной для данного глагола, но возможнойokkaзионально, в частности в естественной устной речи. Национальный корпус русского языка [см. также: Савчук и др. 2024] выдает лишь два текста с этим словом в двух формах: *путешествование в одиночку* и *задача обучения путешествованию* (словоформ же существительного *воспитывание* больше: корпус дает 36 примеров в 18 текстах)²⁰.

3.6. Прочие лексические явления, связанные с немецко-русской интерференцией.

Диалексия проявляется также в редком использовании интервьюируемым немецкой частицы *ähm*, которая выступает в функции дискурсивного слова – эмотивно нейтрального заполнителя пауз типа русских частиц *э* или *ну*, которую кириллицей можно записать как *эм* и которая на слух воспринимается как немецкое [‘?ɛ:m].

4. Грамматическая интерференция.

Грамматическая диаморфия, как и лексическая, и словообразовательная диалексия, немногочисленна – зафиксировано всего девять случаев.

¹⁹ Здесь и далее в нотациях используются следующие грамматические пометы: ACC – аккузатив; ADV – наречие; CONJ – союз; DEF – определенный артикль; GEN – генитив; INDEF – неопределенный артикль; NOM – номинатив; PL – множественное число; SG – единственное число; SUBSTINF – субстантивированный инфинитив.

²⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.03.2025).

4.1. Диаморфия в сфере словоизменения (три случая) сводится к образованию словоформ по немецкой модели, а именно:

4.1.1. Неправильное употребление падежа при глаголе *быть* и *быть* с отрицанием *не*:

- (42) инт. **Большие сомнения** у меня **не было** на этот счет. < рус. **Больших сомнений** у меня **не было** на этот счет.

Здесь ошибку можно объяснить как неразличением падежей при *быть* и *не быть*, так и немецко-русской интерференцией, при которой глагол *быть* и словосочетание *большие сомнения* мыслятся интервьюируемым расчлененно, т.е. русскому *не быть* (+генитив) соответствует немецкий *haben* 'иметь' (+аккузатив):

нем.	Große Zweifel	hatte	ich	nicht.
	Большие сомнения.	имел	я	не.
	ACC			
	'Больших сомнений у меня не было'.			

- (43) инт. **Советский Союз был** для нас **противоречивая страна**. < рус. **Советский Союз был** для нас **противоречивой страной**.

В этом случае диаморфия объясняется употреблением исключительно номинатива в именной части сказуемого с глаголом-связкой *быть*:

нем.	Die Sowjetunion	war	ein widersprüchliches Land.
DEF	Советский Союз.NOM	был	INDEF.NOM.SG
	'Советский Союз был противоречивой страной'.		

4.1.2. Неразличение форм винительного падежа одушевленных и неодушевленных существительных:

- (44) инт. **мы смотрели на западные гости** < рус. **мы смотрели на западных гостей**.

Здесь интервьюируемый правильно выбирает в своей русской речи предлог *на*, но интерференция выражается в диаморфном употреблении словоформ в аккумулятиве, совпадающем с номинативом (как в немецком языке, который в склонении имен не руководствуется категорией одушевленности / неодушевленности):

нем.	wir sahen auf westliche Besucher
	мы смотрели на западные гости.
	ACC.PL = NOM.PL
	'мы смотрели на западных гостей'.

4.2. Диаморфия в сфере управления (два случая). В первом случае предложение составлено по немецкому образцу, и в нем неправильно использовано глагольное управление:

- (45) инт. **Люди придерживались ко всем правилам**. < рус. **Люди придерживались всех правил**.

Так, на месте требуемого в русском беспредложного управления – предложное, как в родном для интервьюируемого немецком языке:

нем.	Die Leute hielten an alle Regeln.
DEF	Люди придерживались к / ко все правила. ACC
	'Люди придерживались всех правил'.

Во втором – предлог *на* обусловлен немецким интерференционным влиянием, где в аналогичном сочетании используется предлог *auf* (нем. *auf Wikipedia*):

- (46) инт. **на Википедии** < рус. **в Википедии**.

4.3. Диаморфия в сфере глагольного вида (три случая).

Интервьюируемый ошибается в использовании глагольного вида, употребляя несовершенный вид

вместо совершенного:

- (47) инт. **Туда ехат** было нельзя. < рус. **Туда поехать** было нельзя;
(48) инт. **Его просто невозможно было достават**. < рус. **Его просто невозможно было доставть**.

Ошибки в использовании глагольного вида также вполне объяснимы интерференцией: отсутствие такового в немецком языке вызывает в первую очередь желание применить несовершенный вид там, где может требоваться совершенный. Следует отметить, что во всех высказываниях, кроме указанных в статье, интервьюируемый употребляет глагольный вид верно. В этом отношении показательно следующее высказывание, в котором говорящий исправляется, употребляя после неправильной видовой формы правильную:

(49) инт. *Появлялись* – потом – *появились* талоны на сахар. < рус. *Появились* – потом – талоны на сахар.

4.4. Диаморфия в сфере частей речи (один случай):

(50) инт. *Жизнь оказалась совсем не так, как нам, как мне говорили родственники.* < рус. *Жизнь оказалась совсем не такой, как нам, как мне говорили родственники.*

Проиллюстрируем диаморфию с помощью лейпцигской системы нотации:

нем.	<i>Das Leben</i>	<i>war</i>	<i>nicht</i>	<i>so,</i>	<i>wie</i>	<i>wie man es uns erzählt hatte.</i>
	Жизнь	была	не	так.ADV	как.CONJ	нам это ранее рассказывали.
	'Жизнь оказалась не такой, как нам рассказывали'.					

В данном высказывании вместо указательного местоимения-прилагательного *такой* интервьюируемый употребляет, как в родном ему немецком, указательное местоимение-наречие *так*.

Релевантность материала, используемого в статье, для преподавания иностранных языков не подлежит сомнению, ведь видеохостинги, «социальные сети как средство обучения иностранным языкам стали объектом исследований многих <...> преподавателей. Они являются частью современной цифровой образовательной среды – комплекса отношений в образовательной деятельности, способствующего реализации образовательного процесса, самореализации, выстраиванию социальных отношений [Шилова 2020]» [по: Ласукова, Рабкина 2022: 9].

В то же время изучение интерференции также имеет не только фундаментальную языковедческую значимость, но и практический лингводидактический потенциал, поскольку: а) с фундаментальной точки зрения интерференционная ошибка, межъязычие проявляются «только через вербализованные факты, анализ этих фактов, их систематизация позволяют реконструировать как особенности индивидуального межъязычия, так и основные черты коллективного межъязычия» [Дебрэнн 2007: 12]; б) с прикладной точки зрения анализ интерференционных ошибок имеет диагностическую релевантность в преподавании [Nickel 1971: 211].

Один из авторов настоящей статьи на протяжении нескольких десятилетий практикует в преподавании немецкой фонетики, наряду с традиционными методами, обучение через произнесение русских

слов и текстов с немецкой фонетикой, т.е. имитируя немецко-русскую интерференцию. Материалом такого обучения служит первая строфа из стихотворения В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»: преподаватель в замедленном темпе, построчно (иногда по словам) произносит текст, обучающиеся повторяют или пытаются повторить за ним немецкое произнесение. Такой рабочий эксперимент был проведен с 19 добровольно вызвавшимися студентами 1 курса специалитета «Перевод и переводоведение» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, которые вообще не владели немецким языком либо

обладали минимальными, или базовыми знаниями из школьного курса второго иностранного языка. Оценивание – исключительно для целей настоящей статьи (о чем студенты были предупреждены) – производилось по пятибалльной шкале (в школьных отметках), причем на слух учитывалась степень «немецкости» произнесения, включая интонирование. Из 19 участников рабочего эксперимента: полностью, на 5 баллов, справились с заданием двое (10,5 %), на 4 балла – четверо (21,1 %), на 3 – четверо (21,1 %), на 2 – семеро (36,8 %), на 1²¹ – двое (10,5 %). Таким образом, более половины – 10 участников (52,6 %) – выполнили задание на немецкое произнесение русского текста успешно. Это, по нашему мнению, подчеркивает применимость такой методики обучения иноязычному произношению и лингводидактическую значимость описанного нами исследования.

Заключение

Интервьюируемый носитель немецкого языка, дающий предназначенное для русской аудитории интернет-интервью исключительно на русском языке, показывает владение русским языком на уровне C2 (уровень образованного носителя), в связи с чем интервьюируемый может быть назван билингом с синтезированным билингвизмом.

Число интерференционных ошибок на минуту речи интервьюируемого незначительное (в среднем 1,05). Основное число обусловленных немецко-русской интерференцией ошибок составляют диафонные (в среднем 0,77), причем они не влияют

²¹ Один из участников – русско-азербайджанский билингв, в речи которого прослеживалась некоторая азербайджанская диафония.

на понимание речи слушающими, как и диаморфные ошибки (в среднем 0,25). Несущественно осложняют понимание речи только три диалектные ошибки (в среднем 0,03).

По степени убывания интерференционные ошибки в речи интервьюируемого располагаются в следующем порядке: фонетическая (60 случаев, или 73,1 %), лексическая и словообразовательная (13 случаев, или 15,9 %), грамматическая (9 случаев, или 11,0 %) интерференция.

Релевантность выбранного для статьи материала – интернет-интервью – обуславливается тем, что, во-первых, он может использоваться как часть современной цифровой образовательной среды. Во-вторых, исследования интерференции имеют не только фундаментальную языковедческую значимость, т.к. они проливают свет, в частности, на основные черты коллективного билингвизма,

но и прикладную лингводидактическую значимость, поскольку анализ интерференции имеет диагностическую релевантность в преподавании и изучении иностранных языков.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. 229 с. [Belyaev B. V. *Essays on the psychology of foreign language learning*. Moscow: Prosveshchenie, 1965, 229. (In Russ.)]
- Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. 2-е изд. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 184 с. [Bogoroditskiy V. A. *Introduction to the study of modern Romance and Germanic languages*. 2nd ed. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1959, 184. (In Russ.)]
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: СПбГУ, 1991. 152 с. [Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Fundamentals of general phonetics*. St. Petersburg: SPbU, 1991, 152. (In Russ.)]
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. In: Вайнрайх У. *Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты*. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60. [Weinreich U. Monolingualism and multilingualism. In: Weinreich U. *New in linguistics. Issue VI. Language contacts*. Moscow: Progress, 1972, 25–60. (In Russ.)]
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с. [Weinreich U. *Languages in contact: Findings and problems*. Kiev: Vyshcha shkola, 1979, 264. (In Russ.)]
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с. [Vereshchagin E. M. *Psychological and methodological characteristics of bilingualism*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, 162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylqlzh>
- Виноградов В. А. Интерференция. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 197. [Vinogradov V. A. *Interference*. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 197. (In Russ.)]
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с. [Gak V. G. *Comparative typology of the French and Russian languages*. Moscow: Prosveshchenie, 1989, 288. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Аксиология ментально-коммуникативного плана современной виртуальной педагогической коммуникации: дискуссионные заметки. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 4. С. 204–214. [Golev N. D. Cognitive and communicative axiology of modern virtual pedagogical communication: Notes for discussion. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(4): 204–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-204-214>
- Голев Н. Д. Социальные сети как актуальный объект междисциплинарного научного изучения. *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. С. 5–9. [Golev N. D. Social networks as a relevant issue of interdisciplinary scientific study. *Social networks: Complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 1, 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmauk>

- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26. [Golev N. D., Kim L. G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 2023, 10(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>
- Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Ленинградский университет, 1973. 208 с. [Gordina M. V. *Phonetics of the French language*. Leningrad: Leningradskij universitet, 1973, 208. (In Russ.)]
- Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. Т. 5. № 1. С. 12–19. [Debrenne M. Interlanguage deviatology: Errors of generation and understanding. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2007, 5(1): 12–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyhzzgf>
- Зограф Г. А. Многоязычие. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303. [Zograf G. A. Multilingualism. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 303. (In Russ.)]
- История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века, общ. ред. Б. Бонвеч, Ю. В. Галактионов. М.: КДУ, 2008. 672 с. [*History of Germany. Vol. 2. From the establishment of the German Empire to the early 21st century*, eds. Bonwetsch B., Galaktionov Yu. V. Moscow: KDU, 2008, 672. (In Russ.)]
- Кудлик Е. С., Антонова А. Б. «Говорить как русские»: к вопросу об актуальности преподавания дискурсивных слов иностранным студентам-лингвистам. *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9. № 1. [Kudlik E. S., Antonova A. B. "Speaking like Russians": On issue of timeliness of teaching discursive words to foreign linguistic students. *Baikal Research Journal*, 2018, 9(1). (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(1\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(1).13)
- Ласукова Н. А., Рабкина Н. В. Обзор публикаций о роли социальных сетей и мессенджеров в обучении иностранному языку. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2022. Т. 1. № 1. С. 8–14. [Lasukova N. A., Rabkina N. V. Social nets and messengers in teaching foreign languages. *Virtual Communication and Social Networks*, 2022, 1(1): 8–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pydvpe>
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 288 с. [Leontyev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl, 1999, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bzmqbj>
- Русская грамматика. Т. I: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология, гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с. [*The Russian grammar. Vol. I: Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, and morphology*, ed. Shvedova N. Yu. Moscow: Nauka, 1980, 784. (In Russ.)]
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дони́на О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*. 2024. № 2. С. 7–34. [Savchuk S. O., Arkhangel'skiy T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, (2): 7–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Селиванов Н. Л. Компьютерная педагогика. Концептуальные основы новой науки. *Педагогика искусства*. 2009. № 4. С. 114–119. [Selivanov N. L. Computer pedagogy. The conceptual bases of new science. *Pedagogika iskusstva*, 2009, (4): 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyxhel>
- Степанов Г. В. Политическое самосознание молодежи ГДР накануне мирной революции 1989–1990 гг. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 2-1. С. 35–39. [Stepanov G. V. The political self-consciousness of the GDR-youth on the eve of peaceful revolution of 1989th–1990th. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (2-1): 35–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcdgax>
- Хауген Э. Языковой контакт. *Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты*, ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80. [Haugen E. Language Contact. *New in linguistics. Iss. VI. Language contacts*, ed. Rozenczvejg V. Yu. Moscow: Progress, 1972, 61–80. (In Russ.)]
- Шарандин А. Л. Категория репрезентации числительного. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021. Т. 20. № 6. С. 146–157. [Sharandin A. L. The category of representation of the numeral. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2021, 20(6): 146–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.13>

- Шилова О. Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд. *Человек и образование*. 2020. № 2. С. 36–41. [Shilova O. N. Digital learning environment: Pedagogical comprehension. *Chelovek i obrazovanie*, 2020, (2): 36–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmmjvn>
- Шляхов В. И., Агафонова К. Е. Дискурсивные слова в текстах. Учим понимать и применять дискурсивные слова в речевом взаимодействии. *Русский язык за рубежом*. 2022. № 1. С. 32–39. [Shlyakhov V. I., Agafonova K. E. Discursive words in speech communication: Understanding and using discursive idioms. *Russian Language Abroad*, 2022, (1): 32–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37632/PI.2022.290.1.004>
- Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. М.: Высшая школа, 1963. 309 с. [Shcherba L. V. *French phonetics. An outline of French pronunciation in comparison with Russian*. Moscow: Vysshaya shkola, 1963, 309. (In Russ.)]
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с. [Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka, 1974, 428. (In Russ.)]
- Nickel G. Kontrastive Sprachwissenschaft und Fehleranalyse. *Fragen der strukturellen Syntax und der kontrastiven Grammatik*, ed. Hugo M. Düsseldorf: Schwann, 1971, 210–217.
- Veijonen J. *Zur Fehleranalyse. Eine empirische Untersuchung von Wortstellungs- und Verbrektionsfehlern in deutschen Aufsätzen finnischer Gymnasiasten*. Tampere: Universität Tampere, 2008, 87.

Виртуальная коммуникация и социальные сети (Virtual Communication and Social Networks)

Контакты для сотрудничества:

Голев Николай Данилович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), ngolevd@mail.ru
Ким Лидия Густовна, заместитель главного редактора,
КемГУ (Кемерово, Россия), kimli09@mail.ru
Федькина Анна Петровна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), +7(3842)55-87-61, jsocnet@mail.ru

Contacts for co-operation:

Nikolay D. Golev, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), ngolevd@mail.ru
Lidia G. Kim, Vice Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), kimli09@mail.ru
Anna P. Fedkina, Executive Secretary, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), +7(3842)55-87-61, jsocnet@mail.ru

Над выпуском работали:

Литературные редакторы – Молокова Ксения Игоревна,
Федькина Анна Петровна.
Корректор – Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editors – Ksenia I. Molokova, Anna P. Fedkina.
Proof-reader – Ksenia I. Molokova
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Для оформления обложки и титульного листа журнала использовались изображения с сайтов <https://www.klipartz.com/ru/sticker-png-rbayi> и <https://blogs.iadb.org/conocimiento-abierto/es/conocimiento-abierto-derechos-humanos/>

Подписано к печати 28.07.2025.

Дата выхода в свет 12.08.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 14,42. Уч.-изд. л. – 12.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

jsocnet.ru

